

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 2 (30)

2024

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия

О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия

Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова

С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан

В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия

К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония

Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия

Д. Рансел, доктор истории (PhD), США

М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия

Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай

Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке
оформляются в соответствии с требованиями
для авторов, установленными редакцией.
Редакция не вступает в переписку с авторами
статей, получившими мотивированный отказ
в опубликовании. Статьи, оформленные
не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration III № ФС77-68612,
March 04, 2016

The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into
the list of reviewed academic journals
and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.



Николай Дмитриевич Козлов.
Фото из личного архива

ТЕМА НОМЕРА

ВОЕННАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:

ФРОНТОВЫЕ И ТЫЛОВЫЕ БУДНИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
СОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОГО
ОБЩЕСТВА

К 75-летию доктора исторических наук,
профессора Николая Дмитриевича Козлова

СОДЕРЖАНИЕ

• ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ •

- В. Н. Бенда, В. О. Левашко** [10]
Две даты одного юбилея нашего учителя и наставника:
к 75-летию профессора Николая Дмитриевича Козлова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

- Д. Д. Озеров, Ю. Н. Красникова** [22]
Вклад преподавателей сельскохозяйственных
институтов в обеспечение продовольствием
блокадного Ленинграда

- И. С. Тряхов** [47]
Банно-прачечное хозяйство
во Владимирской и Ивановской областях
в годы Великой Отечественной войны

- Е. В. Дианова** [61]
«Помни имя свое»:
антропонимия и Великая Отечественная война

- И. Г. Иванцов** [83]
Из истории строительства Краснодарского
оборонительного обвода. Март-июль 1943 г.

- В. В. Коровин** [97]
Документы ЦАМО РФ о фронтовой повседневности
госпиталей накануне и в период Курской битвы

- В. И. Хрисанфов** [114]
Об одной из операций разведывательного спецотряда
под командованием И. К. Шерстнева в Лужском районе
Ленинградской области

СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Н. В. Тихомиров** [128]
Советские газеты 1920–1930-х гг. как источник
по истории повседневности

- В. О. Левашко** [147]
«Решительно и беспощадно наказывать всех лиц, замеченных в пьянстве...» – проблема пьянства на Краснознамённом Балтийском флоте в 1938–1940 гг.
- Е. В. Сумко** [163]
Послевоенная повседневность сельского населения Беларуси: уровень жизни и стратегии жизнеобеспечения
- Е. А. Головин** [182]
О специализированном продовольственном снабжении советских железнодорожников в середине 1950-х гг.
- Т. К. Щеглова, И. А. Руппель** [200]
«Здесь мы были у самых истоков партизанского движения»: быт участников экспедиции Военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров в 1959 г. по местам сражений Гражданской войны на юге Западной Сибири
- Ф. К. Ярмолич** [218]
Джаз, власть и горожанин в Советском Союзе 1950–1960-х гг.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- И. В. Дубинин** [230]
«Да нам и стыдно было бы не поддержать сведения о старине». Письмо Алексея Корсунова в архиве И. Д. Попко
- Е. В. Никуленкова** [242]
Г. И. Григоров в Институте красной профессуры

CONTENTS

• MILITARY EVERYDAY LIFE •

- Vladimir N. Benda, Vadim O. Levashko** [10]
Two Dates for One Anniversary of Our Teacher and Mentor:
to the 75th Anniversary of Professor Nikolai Dmitrievich Kozlov

THE DAILY LIFE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

- Denis D. Ozerov, Yulia N. Krasnikova** [22]
Contribution of Agricultural Institute Teachers
to the Food Provision for Besieged Leningrad

- Ilja S. Tryakhov** [47]
Bath and Laundry Facilities in Vladimir
and Ivanovo Regions During the Great Patriotic War

- Elena V. Dianova** [61]
"Remember Your Name":
Anthroponymy and the Great Patriotic War

- Igor G. Ivantsov** [83]
From the History of Construction
of the Krasnodar Defensive Bypass. March-July 1943

- Vladimir V. Korovin** [97]
Documents of the Central Archive of the Ministry
of Defense of the Russian Federation on the Frontline
Routine of Hospitals on the Eve and During the Battle
of Kursk

- Valentin I. Khrisanfov** [114]
About One of the Operations of a Special Reconnaissance
Detachment Under the Command of I. K. Sherstnev
in the Luga District of the Leningrad Region

SOVIET EVERYDAY LIFE

- Nikita V. Tikhomirov** [128]
Soviet Newspapers of the 1920–1930s as a Source
on the History of Everyday Life

Vadim O. Levashko [147]
"Resolutely and Mercilessly Punish Everyone Found
Drunk..." - the Problem of Drunkenness in the Red Banner
Baltic Fleet in 1938-1940

Elena V. Sumko [163]
Post-War Everyday Life of the Rural Population of Belarus:
Living Standards and Sustenance Strategies

Evgeny A. Golovin [182]
About the Specialized Food Supply of Soviet Railway Workers
in the mid-1950s

Tatiana K. Shcheglova, Ivan A. Ruppel [200]
"We Witnessed the Very Beginning of Guerilla Movement":
Everyday Life of Participants of the Expedition of Military
Research Group at Novosibirsk Regional House of Officers
in 1959 to the Civil War Battlefields in the South of Western
Siberia

Fyodor K. Yarmolich [218]
Jazz, Power and the Citizen in the Soviet Union
in the 1950s - 1960s

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Igor V. Dubinin [230]
"We Would Be Ashamed not to Support the Information
About the Past". Aleksey Korsunov's Letter in the I. D. Popko
Archive

Elena V. Nikulenkova [242]
G. I. Grigorov at the Institute of the Red Professorship



Две даты одного юбилея нашего учителя и наставника: к 75-летию профессора Николая Дмитриевича Козлова

В. Н. Бенда, В. О. Левашко

Статья посвящена юбилею известного советского и российского историка Николая Дмитриевича Козлова. В основу статьи авторы положили опыт многолетнего личного и профессионального общения с Николаем Дмитриевичем. Основную цель данной статьи авторы видят в том, чтобы на основе анализа биографии и творчества юбиляра, попытаться представить выразительный и целостный образ Н. Д. Козлова как человека и учёного. Опираясь на некоторые изданные в разное время труды профессора Козлова, авторы стараются в лаконичной форме показать и проанализировать основные особенности стиля, мышления и мировоззрения историка. В статье акцентируется внимание на некоторых вопросах и взглядах юбиляра к освещению малоизвестных и малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны, с изучением которой в течение нескольких последних десятилетий связана значительная часть научной деятельности профессора Н. Д. Козлова.

Ключевые слова: Н. Д. Козлов, 75-летний юбилей, педагог, учёный, современная история и история Великой Отечественной войны.

Для цитирования: Бенда В. Н., Левашко В. О. Две даты одного юбилея нашего учителя и наставника: к 75-летию профессора Николая Дмитриевича Козлова // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 10–21. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_10. EDN: ACNZRF

В 2024 г. профессор Николай Дмитриевич Козлов отмечает свой юбилей – 75 лет. Эта дата – повод для того, чтобы все, кто знает Николая Дмитриевича как научного руководителя, как человека справедливого, гордого, но лишённого гордыни, независимого в суждениях и поступках, привыкшего принимать самостоятельные решения и быть готовым нести ответственность за них, воспользовались этой возможностью и взяли на себя смелость еще раз показать значение нашего учителя и коллеги в развитии исторической науки в советское и постсоветское время.

Разумеется, следует сказать о том, что попадая под «магию» какой-либо юбилейной даты и благодаря этому формальному поводу мы совершаем какие-то действия и произносим поздравительные тексты и слова. Но для нас это не формальный повод отдать долг, а честь и обязанность выразить искреннее чувство благодарности и признательности за сделанное Николаем Дмитриевичем, и вместе с тем воспользоваться возможностью в рамках этой статьи проследить и оценить его многолетний труд. Смело можно утверждать, что в Санкт-Петербурге вряд ли можно найти человека, который так или иначе был бы связан с так называемой «исторической тусовкой», но не знал бы профессора Н. Д. Козлова лично, встречаясь с ним на защитах диссертаций и в ходе проведения различных конференций и других общественно-значимых мероприятий, или по его публикациям, многочисленным статьям и книгам.

Для Вадима Олеговича Левашко знакомство с Николаем Дмитриевичем Козловым началось со студенческой скамьи, в самом начале смутных перестроечных годов, в то время, когда всё советское общество смаковало различные истинные и фальсифицированные факты о КПСС и её лидерах в прошлом и настоящем, Николаю Дмитриевичу Козлову надо было читать курс «История КПСС». Только сейчас становится понятно, насколько сложной была эта задача, и с каким мастерством профессор с ней справлялся. С одной стороны, он не подстраивался под аудиторию, не изменял свою принципиальную позицию, не стремился ни в коем случае, добиться внимания «подыгрыванием» молодёжи. Нет, студентам I курса факультета истории тогда ещё Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена был представлен

в полной мере академический курс истории партии, в котором были отражены как успехи, так проблемы и ошибки на её пути. При этом лектор никогда не уходил от каверзных и часто злых вопросов начинающих свой профессиональный историков, отвечая на них с присущей ему интеллигентностью, академизмом, опираясь на исключительные знания материала. Стоит ли удивляться, что студентами истфака «герцовника» всех курсов Н. Д. Козлов воспринимался как один из самых авторитетных и харизматичных преподавателей.

Поэтому, когда 15 лет спустя после окончания университета, учитель средней школы В. О. Левашко получил приглашение от Николая Дмитриевича в аспирантуру при его кафедре, особых колебаний не было. Вторая встреча с Николаем Дмитриевичем раскрыла новые стороны его педагогического таланта. Он не ограничивал устремления молодого и часто излишне темпераментного исследователя, не стремился навязать ему своё видение проблем, но всегда готов был, когда в этом действительно возникала необходимость, помочь, подсказать, а то и надавить, если считал это необходимым. Бывало, что в трудную минуту научный руководитель был рядом и с присущими спокойствием и академизмом, находил выход из самого затруднительного положения. Результатом стала не только защищённая кандидатская диссертация¹, но и переход В. О. Левашко на работу в ЛГОУ им. А. С. Пушкина, под руководство Николая Дмитриевича.

С тех пор прошло более 20 лет, но Николай Дмитриевич по-прежнему остаётся для В. О. Левашко Учителем в полном смысле этого слова, к которому можно прийти за советом, получить честную и не предвзятую оценку своих действий. Теперь особенно становится понятно, что без этой поддержки, помощи, принципиальной дружеской критики путь от старшего преподавателя до заведующего кафедрой и декана факультета никогда не был бы пройден!

Для Владимира Николаевича Бенды встреча с Николаем Дмитриевичем состоялось более чем двадцать лет назад, когда он представил для защиты в диссертационный совет, возглавляемый Николаем Дмитриевичем, свою научную работу², подго-

¹ Левашко В. О. Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финской войны (1939–1940 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2000. 241 с.

² Бenda В. Н. Создание и деятельность артиллерийских школ в России (конец XVII века – 1725 год): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб. - Пушкин, 2004. 193 с.

товленную под руководством другого прославленного ученого историка, доктора исторических наук, профессора Виктора Владимировича Привалова. Под руководством Николая Дмитриевича с середины нулевых годов началась работа Владимира Николаевича по подготовке диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Результатом этой совместной плодотворной работы стала успешная защита в 2019 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук¹. Наш совместный с Николаем Дмитриевичем жизненный путь к знаниям, успеху и признанию результатов наших научных исследований был трудным и долгим, «усыпан» творческими страданиями и муками, научными находками и потерями. Порой из-за многих испытаний и сложностей в ходе работы над диссертационным исследованием что называется «опускались руки», однако, благодаря всесторонней поддержке Николая Дмитриевича и его жизненной активности В. Н. Бенда снова продолжал свой тернистый путь исследователя и в конце концов достиг результата.

Задавшись вопросом о том, что же лежит в основе активной жизненной позиции Николая Дмитриевича и зная отдельные страницы его биографии, вольно или невольно приходишь к выводу, что, наверное, всё дело в его белорусских, деревенских, «здоровых» корнях, которые многие годы давали и по сей день продолжают наполнять его силами для научной и педагогической работы. Несомненно, этой активности способствовало и то, что начало его научной жизни – от поступления на исторический факультет в 1966 г. до его окончания в 1971 г. – было связано с Ленинградским государственным педагогическим институтом им. А. И. Герцена (с 21 января 1991 г. – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена – В. Б. В. Л.), в котором в 1979 г. Н. Д. Козлов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук². А в 1996 г. уже в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена Николаем Дмитриевичем

¹ Бенда В. Н. Развитие артиллерии и инженерного дела и подготовка артиллерийских и инженерных кадров в постпетровский период XVIII в. (на материалах Санкт-Петербурга и Москвы): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.10. СПб., 2019. 570 с.

² Козлов Н. Д. Деятельность ленинградской партийной организации по воспитанию населения в духе коммунистической морали в условиях блокады (сентябрь 1941 г. – январь 1944 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Л., 1979. 212 с.

была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук¹.

Путь у Николая Дмитриевича к историческому факультету ЛГПИ им. А. И. Герцена начался из деревни Володьки, Сенненского района, Витебской области Белорусской ССР, в которой он родился 13 июня 1949 г. и проживал до окончания средней школы. Кстати, когда Владимир Николаевич более близко познакомился с Николаем Дмитриевичем и его биографией, то узнал о некоторой загадке и нестыковке, касающейся его даты рождения. Оказывается, на самом деле он родился 10 июня 1949 г., а 13 июня – это дата регистрации факта его рождения в сельсовете – местном органе советской власти.

Нет необходимости более подробно останавливаться на профессиональной и общественной деятельности Николая Дмитриевича. О ней известно очень много, и она достаточно подробно изложена на страницах различных источников и СМИ. Но нам бы хотелось подробнее осветить его творческую и научную работу. Наш юбиляр принимал участие в десятках научных конференций [1–5], неоднократно выступал официальным рецензентом [6], оппонентом² или руководителем диссертационных исследований³, написал десятки статей и научных трудов [7–10], подготовил и издал в соавторстве с коллегами ряд учебных пособий⁴, принял участие во многих радио- и телепередачах.

Всё вышесказанное позволяет нам смело утверждать, что Николай Дмитриевич и в настоящее время продолжает занимать активную жизненную позицию, проявляет неустанное желание внимательно следить и быть в курсе событий, происходящих

¹ Козлов Н. Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 1996. 455 с.

² Кулик С. В. Антифашистское движение сопротивления на оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2007. 508 с.; Скрабина Е. О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 гг.) (историко-медицинский аспект): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2008. 147 с.

³ Бойкова Т. Ю. Общественное сознание ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2007. 199 с.; Назаров А. Н. Массовое сознание русского крестьянства в 1905–1917 гг. (на материалах северо-запада России): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2009. 199 с.

⁴ История Отечества XX века в вопросах и ответах, 1900–1939 гг.: пособие для учителей: в 2 ч. / В. С. Волков, Н. Д. Козлов, А. Я. Лейкин [и др.]. СПб.: Ленинградский областной институт усовершенствования учителей. Ч. 1. 1992. 141 с.; История Отечества XX века (1900–1939 гг.): программа для средних учебных заведений: 10 класс / В. С. Волков, Н. Д. Козлов, А. Я. Лейкин [и др.]. СПб.: Издательство Образование, 1992. 28 с.; История Отечества XX века в вопросах и ответах, 1900–1939 гг.: пособие для учителей: в 2 ч. / В. С. Волков, Н. Д. Козлов, А. Я. Лейкин [и др.]; СПб.: Ленинградский областной институт усовершенствования учителей. Ч. 2. 1993. 192 с.; История России с древних времен до наших дней: учебник / В. А. Веремenco, Е. В. Никуленкова, Н. Д. Козлов. М.: Издательство Проспект, 2010. 695 с.

в мире и в нашей стране. Многие годы его жизненного пути насыщены межличностными и историческими коммуникациями – это стихия существования Николая Дмитриевича, хотя, как нам кажется, в последнее время от этой стихии в его глазах и интонациях стала проследиваться некая вполне закономерная усталость. Не можем не упомянуть еще об одной черте характера нашего уважаемого юбиляра: это простая человеческая порядочность, соблюдение тех основных традиционных этических устоев, которые, однако, сейчас для многих кажутся почти маргинальными, не вписывающимися в тренды современной жизни!

К профессору Н. Д. Козлову невозможно относиться без должного почтения и уважения потому, что он сам именно так относится ко всем, с кем ему приходилось и приходится общаться. Он всегда старался и старается всем своим близким, друзьям и коллегам предоставлять всего себя без остатка в их полное распоряжение. Без преувеличения можно сказать, что всем тем, кому приходилось с ним встречаться на своем жизненном пути, несказанно повезло. Думаем, что именно в этом и кроется секрет того феномена, что для Николая Дмитриевича в принципе неприемлемо равнодушное отношение.

Вот и мы, авторы этих строк, когда-то делавшие первые робкие шаги на поприще научно-исследовательской деятельности, можем сказать, что являемся «везунчиками», поскольку судьба свела нас с нашим юбиляром. Каждая наша встреча с Николаем Дмитриевичем – это общение с мудрым, очень обаятельным и обязательным человеком, заставляющим удивляться тому, как в одном человеке могут сочетаться его профессиональные достоинства, выраженные глубиной познаний ученого, и человечность, доброта и отзывчивость. Наш профессор из тех, кто всегда готов прийти на помощь.

В жизни Николая Дмитриевича можно выделить несколько сюжетных линий, заслуживающих особого внимания и на которых хотелось бы остановиться подробнее.

Первая из них – это его преподавательская карьера. Николай Дмитриевич на протяжении многих десятилетий постоянно демонстрирует мастер-класс в преподавании гуманитарных и исторических дисциплин. Какой бы вид занятий не вел профессор Н. Д. Козлов, ему всегда удается на очень высоком уровне решать учебно-методические задачи. Лекции Николая

Дмитриевича отличаются живостью подачи, легкостью восприятия, оригинальными примерами из научного и жизненного опыта. Они отличаются глубиной обсуждаемых и вскрываемых проблем. Качества преподавателя от Бога и чуткого человека у Николая Дмитриевича не могли не отразиться и на работе с учениками. Ему удалось воспитать и подготовить одного доктора (это один из авторов этих строк) и более 20 кандидатов наук. По сути, это уже целая научная школа, возглавляемая профессором Н. Д. Козловым. И по нашему глубокому убеждению, это уже невозможно ни придать забвению, ни отнять.

Следующая сюжетная линия – это административная карьера и общественная деятельность в системе среднего, среднеспециального и высшего образования. За многолетнюю практическую деятельность в системе образования у юбиляра был отмечен соответствующий рост по административной линии. Николай Дмитриевич долгое время трудился в ЛГПИ им. А. И. Герцена на должности доцента, а с 1995 по 2012 год в Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина занимал должность заведующего кафедры истории (впоследствии – истории России). В том числе благодаря и этой кафедре в значительной мере формировался и определялся кругозор и мышление будущих учителей истории и обществознания, их видение решения сложнейших общественно-социальных проблем, возникающих в практической деятельности школьного учителя и педагога. Мы не ошибёмся в том, что Николай Дмитриевич, никогда не поступался своими принципами, и никогда не формулировал свои позиции в угоду политической конъюнктуре.

Третья сюжетная линия – это создание и сохранение на протяжении многих десятилетий крепкой семьи и реализация себя в качестве образцового главы семьи. Николай Дмитриевич вместе со своей супругой Любовью Михайловной вырастил двух замечательных сыновей, которые нашли себя в жизни и в профессии.

И последняя сюжетная линия – это становление и рост юбиляра как ученого. Ранее мы уже отмечали тот факт, что за профессором давно и прочно закрепилась репутация мастера исторических исследований. Они выполнены на стыке ряда наук, отличаются неординарными подходами, смелой постановкой сложных проблем, очевидной научной новизной.

В сферу научных интересов профессора Н. Д. Козлова входят многие проблемы общественно-политической жизни как мирового, так и российского общества; сохранения памяти и истории, уроков и итогов Великой Отечественной войны; тенденции развития и укрепления сотрудничества России и Республики Беларусь в рамках союзного государства. И этот перечень ещё далеко не полный. За многолетний исследовательский и творческий период Николай Дмитриевич подготовил и издал свыше 200 научных и учебно-методических работ, среди его публикаций несколько монографий по проблемам истории нашего Отечества и Великой Отечественной войны. Он является автором и научным редактором нескольких учебников по российской истории.

В научной деятельности Николая Дмитриевича можно выделить две важнейших составляющих. Первая из них – это принципиальная патриотическая гражданская позиция, прослеживаемая во всех без исключения его научных трудах, включая и те, которые были опубликованы в годы, когда понятие патриотизма было у нас в стране чуть ли не ругательным. Отстаивание своей гражданской позиции требовало много личного мужества, времени, сил, но Николай Дмитриевич Козлов ни разу, ни в одной своей работе, ни в одном выступлении не изменил самому себе. Однако, эта позиция остаётся позицией Учёного, опирающегося не на личные впечатления и оценки, а на историографию, факты и документы. Именно поэтому с Николаем Дмитриевичем так трудно и так безумно интересно спорить.

Вторая составляющая в научном творчестве Н. Д. Козлова – это готовность к развитию, совершенствованию, использованию новейших методик и учету современных мнений. Это особенно проявилось в стержневом направлении исследований Николая Дмитриевича – изучении морального духа советского народа в годы Великой Отечественной войны. Если в работах 1980-х начала 1990-х гг. Николай Дмитриевич рассматривал как основу морального состояния народа идеологическую составляющую, то в последующем дополнил свою методику анализом материальной стороны повседневной жизни населения.

В завершение хочется сказать, что мы оба испытываем огромное удовольствие и радость от того, что имеем возможность

публично поздравить Николая Дмитриевича с юбилейным днём рождения, поблагодарить его за сделанное и пожелать ему доброго здоровья и ещё ни один раз принять поздравления в свой адрес в череде юбилейных «пятилеток».

В этот выпуск журнала «История повседневности», подготовленном при активном участии преподавателей и сотрудников факультета истории Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, вошли статьи представителей различных научных школ и направлений, занимающихся историческими изысканиями и представляющих самые разные регионы нашей страны, однако работы, отобранные редколлегией журнала, тематически связаны с тем кругом проблем, исследованиям которых посвящена вся творческая научная жизнь нашего уважаемого профессора Н. Д. Козлова.

Список литературы

1. Козлов Н. Д. Союзники и противники о роли и причинах успехов Красной Армии // XIV Вишняковские чтения «Никто не забыт, ничто не забыто...» (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы международной научной конференции 25 марта 2011 г., г. Бокситогорск / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. – СПб.; Бокситогорск: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – С. 14–22. EDN: XBJBRN.

2. Козлов Н. Д. Память о Великой Отечественной войны в постсоветских странах // Россия в зеркале военной истории: материалы II Международной научно-практической конференции к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Кострома, 26 марта 2015 г. / Центр нравственного и патриотического воспитания «НАСЛЕДИЕ». Т. I. Кострома: Костромской государственный технологический университет, 2015. – С. 11–18. EDN: TYAHL.

3. Козлов Н. Д. Повседневная жизнь студентов в годы Великой Отечественной войны // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы международной научной конференции 16–18 марта 2017 г. / отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 217–225. EDN: YGHZKR.

4. Козлов Н. Д. «В те страшные дни ленинградцы искали спасение в книгах». Книги – источник стойкости ленинградцев в период осады города // Истоки и уроки Великой Победы: сборник научных статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне. г. Курск, 22 мая 2020 г. / ред. кол.: В. В. Коровин (гл. ред.) [и др.]. Курск: «Университетская книга», 2020. – С. 119–124. EDN: WJTJXY.

5. Козлов Н. Д. Повседневность сельских детей в конце 40-х – 50-х гг. XX в. (по воспоминаниям детей) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апре-

ля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремenco: в 2 т. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 260–267. EDN: ERSGWH.

6. Материально-техническое обеспечение Красной Армии и Военно-морского флота в Гражданскую войну, межвоенный период и в годы Второй мировой войны (1918–1945 гг.): Военно-теоретический труд в пяти томах / Д. В. Булгаков, В. Б. Коновалов, А. А. Целыковских [и др.]; под общ. ред. Шойгу Сергея Кужугетовича. Т. I. ВА МТО. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2021. 463 с.

7. Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Ленинградское областное государственное учреждение «Институт усовершенствования учителей» (ЛОИУУ), 1995. 138 с.

8. Козлов Н. Д. С волей к победе: пропаганда и обывденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2002. 313 с.

9. Козлов Н. Д. Официальное и обывденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Альгер Эго, 2008. 336 с.

10. Козлов Н. Д. Великая Отечественная война: свидетельства и оценки участников. СПб.: Издательский-полиграфический комплекс «Гангут», 2015. 544 с.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Two Dates for One Anniversary of Our Teacher and Mentor: to the 75th Anniversary of Professor Nikolai Dmitrievich Kozlov

Vladimir N. Benda, Vadim O. Levashko

The article is dedicated to the anniversary of the famous Soviet and Russian historian Nikolai Dmitrievich Kozlov. The authors based the article on long-lasting experience of personal and professional communication with Nikolai Dmitrievich. The main goal of this article is to present expressive and holistic image of N. D. Kozlov as a person and scientist on the base of the biography and legacy of the anniversary celebrant. Based on some works of professor Kozlov, published at different times, the authors try to concisely show and analyze the main features of the historian's style, thinking and worldview. The article focuses on some issues and views of the anniversary celebrant regarding the coverage of little-known and little-studied pages of the history of the Great Patriotic War, with which a significant part of N. D. Kozlov scientific activity has been associated over the past few decades.

Key words: N. D. Kozlov, 75th anniversary, teacher, scientist, Contemporary history and history of the Great Patriotic War.

For citation: Benda, V. N., Levashko, V. O. (2024) Dve daty odnogo yubileya nashego uchitelya i nastavnika: k 75-letiyu profesora Nikolaya Dmitrievicha Kozlova [Two Dates for One Anniversary of Our Teacher and Mentor: to the 75th Anniversary of Professor Nikolai Dmitrievich Kozlov]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 10–21. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_10. EDN: ACNZRF

References

1. Kozlov, N. D. (2011) *Soyuzniki i protivniki o roli i prichinah uspekhov Krasnoj Armii* [Allies and opponents about the role and reasons for the successes of the Red Army]. XIV *Vishnyakovskie chteniya «Nikto ne zabyt, ничто не забыто...»* (k 70-letiyu nachala Velikoj Otechestvennoj vojny [XIV Vishnyakov readings “No one is forgotten, nothing is forgotten...” (to the 70th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War)]. Proceedings of the international scientific conference, March 25, 2011. St. Petersburg: Boksitogorsk: Pushkin Leningrad State University. Pp. 14–22. (In Russ.). EDN: XBJBRN.
2. Kozlov, N. D. (2015) *Pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojny v postsovetskikh stranah* [Memory of the Great Patriotic War in post-Soviet countries]. *Rossiya v zerkale voennoj istorii* [Russia in the mirror of military history]. Proceedings of the 2nd international scientific-practical conference to the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War 1941–1945, Kostroma, March 25, 2015. Center for Moral and Patriotic Education "HERITAGE". Vol. 1. Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet. Pp. 11–18. (In Russ.). EDN: TYAIHL.
3. Kozlov, N. D. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' studentov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Daily life of students during the Great Patriotic War]. *Ekstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoj revolyucii 1917 g.)* [Extreme in the everyday life of the Russian population: history and modernity (to the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917)]. Proceedings of the international scientific conference, March 16–18, 2017. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 217–225. (In Russ.). EDN: YGHZKR.
4. Kozlov, N. D. (2020) *"V te strashnye dni leningradcy iskali spaseniya v knigah". Knigi – istochnik stojkosti leningradcev v period osady goroda* [“In those terrible days, Leningraders sought salvation in books.” Books are the source of resilience of Leningraders during the siege of the city]. *Istoki i uroki Velikoj Pobedy* [Origins and lessons of the Great Victory]. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Kursk, May 22, 2020. Kursk: «Universitetskaya kniga». Pp. 119–124. (In Russ.). EDN: WJTJXY.
5. Kozlov, N. D. (2023) *Povsednevnost' sel'skih detej v konce 40-h – 50-h gg. XX v. (po vospominaniyam detej)* [Everyday life of rural children in the late 40s – 50s 20th century (according to children's memories)]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the international scientific conference, April 6–8, 2023. Vol. 2. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 260–267. (In Russ.). EDN: ERSGWH.
6. *Material'no-tekhnicheskoe obespechenie Krasnoj Armii i VoЕННО-morskogo flota v Grazhdanskuyu vojnu, mezhovoennyj period i v gody Vtoroj mirovoj vojny (1918–1945 gg.)* [Logistics support for the Red Army and Navy during the Civil War, the interwar period and during the Second World War (1918–1945)]. *Voенно-teoreticheskij trud v pyati tomah* [Military theoretical work in five volumes]. Eds. D. V. Bulgakov, V. B. Konovalov, A. A. Celykovskih and others; Under the general editorship of Shoigu Sergei Kuzhugetovich. Volume I. VA MTO. St. Petersburg: Izd-politekhnikheskogo universiteta. (In Russ.)
7. Kozlov, N. D. (1995). *Obshchestvennoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Public consciousness during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Leningradskoe oblastnoj institut usovershenstvovaniya uchitelej (LOIUU). (In Russ.)
8. Kozlov, N. D. (2002). *S voley k pobeде: propaganda i obydennoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [With the will to win: propaganda and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russ.)
9. Kozlov, N. D. (2008). *Oficial'noe i obydennoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Official and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Al'ter Ego. (In Russ.)

10. Kozlov, N. D. (2015). *Velikaya Otechestvennaya vojna: svidetel'stva i ocenki uchastnikov* [The Great Patriotic War: testimonies and assessments of participants]. St. Petersburg: Izdatel'skij-poligraficheskij kompleks «Gangut». (In Russ.)

Об авторах

Бенда Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Бокситогорский институт (филиал) Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: bvn.1962@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9553-7262

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.levashko@lengu.ru; ORCID ID: 0009-0006-8392-6125

About the authors

Benda Vladimir N., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Pushkin Leningrad State University; Head of the Department of Humanities and Natural Sciences of the Boksitogorsk institute (branch) of Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; e-mail: bvn.1962@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9553-7262

Levashko Vadim O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; e-mail: v.levashko@lengu.ru; ORCID ID: 0009-0006-8392-6125

Статья поступила в редакцию 20.03.2024

Одобрена после рецензирования 25.03.2024

Принята к публикации 8.04.2024

Вклад преподавателей сельскохозяйственных институтов в обеспечение продовольствием блокадного Ленинграда

Д. Д. Озеров, Ю. Н. Красникова

Статья посвящена преподавателям, выпускникам и студентам Ленинградского сельскохозяйственного института, которые находились в период 1941–1944 гг. в блокадном Ленинграде. Их знание и опыт были применены руководством города для мобилизации внутригородских ресурсов по обеспечению продовольствием в условиях экономической и инфраструктурной изоляции. В статье отражены организационные мероприятия по распространению и популяризации коллективных и индивидуальных форм огородничества, которые позволили обеспечить овощной продукцией находящихся в блокадном кольце. Отдельно рассмотрен опыт Куйбышевского района города Ленинграда по развитию внутригородского земледелия, главным агрономом которого был назначен доцент кафедры агрохимии Пушкинского сельскохозяйственного института Николай Григорьевич Жежел. В статье рассмотрен опыт создания городской станции по семеноводству овощных культур, директором которой стала выпускница Ленинградского сельскохозяйственного института Т. Е. Пашенко. В задачи станции входили организация и контроль семеноводческой работы в совхозах и подсобных хозяйствах. Исследование основывается на разнообразных источниках: делопроизводственных документах, периодической печати, специальной литературе.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Ленинградский сельскохозяйственный институт, Пушкинский сельскохозяйственный институт, обеспечение продовольствием, огороды, сельское хозяйство.

Для цитирования: Озеров Д. Д., Красникова Ю. Н. Вклад преподавателей Ленинградского сельскохозяйственного института в обеспечение продовольствием блокадного Ленинграда // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 22–46. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_22. EDN: BZKRKK

Введение

Масштаб подвига и одновременно трагедии Ленинграда можно понять, оценивая не только прямые потери, инвалидизацию населения, сиротство, но и экзистенциальный опыт каждого прожитого дня в заблокированном городе, примера которому нет в мировой истории. Те, кто пережил блокаду и встретил салют, ознаменовавший освобождение города, не забудет этого никогда. Казалось бы, тема блокады Ленинграда в историографии достаточно хорошо изучена, но остались сюжеты, обойденные вниманием историков. Мы хотим не только закрыть определённую историческую лауну в изучении этой темы, но и сохранить память о людях, которые несмотря на экстремальные тяжелейшие условия искали возможности помочь другим, делаясь своими знаниями и опытом. Решение продовольственного вопроса являлось не только жизненно важной задачей, но стратегической, ведь благодаря усилиям армии и жителей города долгое время удавалось сдерживать крупную группировку немецкой армии.

Актуальность исследования определяется: изучением опыта мобилизации производства продукции сельского хозяйства в условиях экономической и инфраструктурной изоляции и ограниченной доступности ресурсов блокадного Ленинграда; опытом организации работы подсобных хозяйств на предприятиях города и индивидуального огородничества. Такой акцент в изучении блокадного Ленинграда в современных условиях представляет не только научный, но и практический интерес: наша страна столкнулась с беспрецедентными санкциями, когда нарушены сложившиеся торговые связи между поставщиками ресурсов для сельскохозяйственного производства и результатами деятельности сельхозпредприятий-поставщиков. Сохранение продовольственной независимости – важная государственная задача.

Наша статья посвящена сотрудникам, выпускникам и студентам сельскохозяйственных институтов, которые уже после войны были объединены в единое образовательное учреждение – Ленинградский сельскохозяйственный институт (сегодня – Санкт-Петербургский государственный аграрный университет), вклад которых до сих пор не нашел должного освещения в научной литературе. Реконструирована деятель-

ность сотрудников сельскохозяйственных институтов в решении продовольственного вопроса: изучены организационные решения для мобилизации внутригородских ресурсов по обеспечению продовольствием блокадного города; исследован вопрос значения создания городской станции по семеноводству овощных культур; рассмотрен опыт Куйбышевского района города Ленинграда в организации и руководстве подсобными хозяйствами и индивидуальными огородами.

Историография изучения истории блокады Ленинграда достаточно обширна. До сих пор продолжается научная дискуссия о количестве жертв от голода в блокадном Ленинграде. По мнению Г. Л. Соболева и М. В. Ходякова цифры, озвученные на Нюрнбергском процессе занижены. Авторы убедительно доказывают, что масштаб прямых потерь гражданского населения в блокированном городе был выше [1].

В современных исследованиях, посвященных данной теме, акцент смещается в сторону микроистории, более детальной прорисовке событий. Исследователи обращаются к историям конкретных семей [2–3]. Н. Д. Козлов исследовал вопрос влияния одного из направлений агитационно-пропагандистской работы – поддержания и укрепления духовных сил путем пропаганды исторических событий, традиций и героев средствами наглядности – плакатами, художественными и тематическими музейными выставками, экспозициями в блокадном Ленинграде [4]. В историографии также отражен вклад отраслевых учреждений [5], в том числе есть исследования, посвященные работе сотрудников Всероссийского НИИ растениеводства им. Н. И. Вавилова в блокадном Ленинграде по обеспечению продовольствием жителей города [6].

О сотрудниках, студентах и выпускниках сельскохозяйственных институтов Ленинграда на сегодняшний день не написано практически ничего. По нашему мнению, этому есть объяснение. ВНИИ растениеводства не менял своего месторасположения: весь период блокады города сотрудники находились в своих помещениях, где и продолжали свой крайне важный труд. Сложность поисковой работы в отношении лиц, причастных к деятельности сельхозинститутов г. Ленинграда и области (будущему объединённому в 1948 г. ЛСХИ), имеет вполне объективные причины. Во-первых, в 1934 г. в результате

реорганизации сельскохозяйственных вузов на территории Ленинграда и области работало пять образовательных учреждений: Ленинградский сельскохозяйственный институт (далее ЛСХИ), который включил в себя: Институт прядильных культур, Аграрно-педагогический институт и Ленинградский институт по борьбе с вредителями сельского хозяйства; Ленинградский молочно-огородный институт получил наименование Ленинградский институт социалистического молочного животноводства, в 1937 г. – Пушкинский (Детскосельский) сельскохозяйственный институт далее – ПСХИ)¹.

Во-вторых, в июле 1941 г. в состав Ленинградского сельскохозяйственного института был включен в качестве факультета Плодовоовощной институт, размещавшийся под Петергофом в Знаменке. Сложно сказать, зачем надо было проводить слияние двух учебных заведений уже в условиях войны, но в итоге руководство не смогло по объективным причинам обеспечить нормальных условий приема преподавателей, студентов, функционирования лабораторного оборудования и выпуск методических пособий, спецлитературы. Ситуация осложнялась с высадкой немецкого подвижного десанта в районе Сосновой поляны и Стрельны. Петергоф и его окрестности оказались отрезанными от Ленинграда. Многие преподаватели и студенты из Знаменки трагически погибли. Почти все имущество, вся библиотека и документы Плодовоовощного института оказались на оккупированной немцами территории. Они были либо уничтожены в ходе военных действий, либо разграблены.

В-третьих, некоторые институты остались на оккупированной врагом территории, что также привело к усложнению поисковой работы. Так, частично имущество ПСХИ, документы и прочее успели перевезти в Ленинград, остальное было утрачено, студенты по дороге в Ленинград рассеялись, судьба большей их части неизвестна [7] (рис. 1).

В результате исследовательской поисковой работы нам приходилось выискивать имена сотрудников, студентов и выпускников сельскохозяйственных институтов по крупяцам, но они

¹ В 1946 г. зоотехнический факультет Ленинградского ветеринарного института был переведен в Пушкинский сельскохозяйственный институт. В 1948 г. Ленинградский сельскохозяйственный институт и Пушкинский сельскохозяйственный институт были объединены и образовался единый Ленинградский сельскохозяйственный институт. В 1954 г. к Ленинградскому сельскохозяйственному институту был присоединен Ленинградский институт механизации сельского хозяйства.

достойны занять свое место в общей истории Ленинграда периода 1941–1944 гг.



Рис. 1. Учебный корпус ЛСХИ после оккупации. Архив СПбГАУ

Для написания статьи использовались разные источники: делопроизводственные документы, периодическая печать, специальная литература. Важным источником по изучаемой проблеме стали газеты как военного времени, так и послевоенная пресса. Например, в газете «Ленинградская Правда» представлены материалы для анализа общественно важных событий блокадного города [8]. В газете «За Сельскохозяйственные Кадры» [9–10], вышедшей после войны, полезными оказались статьи, написанные на основе воспоминаний сотрудников института. Мемуары работников сельского хозяйства в условиях блокады нашли отражение в работе «В осажденном Ленинграде» [11]. Также следует отметить юбилейное издание, выпущенное к 110-летию Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, где собраны не только исторические очерки по истории этого учебного заведения, но и неопубликованные документы [12]. Нами были также выявлены ценные архивные источники, хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб) и уникальные фотографии из фондов Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (далее ЦГАКФФД СПб).

Результаты

Еще в мае 1941 г. у студентов шла обычная рутинная работа: началась учебная практика. Агрономы широкого профиля проходили практику в учхозе, селекционеры в Суйде – на Ленинградской сельскохозяйственной опытной станции, агрономы по защите растений – в хозяйствах Краснодарского и Ставропольского краев. Все изменилось 22 июня 1941 г. с началом Великой Отечественной войны, когда часть студентов и сотрудников сельскохозяйственных институтов была мобилизована на фронт. Так, из состава студентов ПСХИ в действующую армию было направлено 155 чел. Часть преподавателей, сотрудников, студентов сельскохозяйственных институтов ушла на фронт добровольцами, многие – в дивизии народного ополчения, или в партизаны. Всего к началу блокады в ПСХИ числилось 540 студентов дневной формы обучения и 66 заочников [7, с 44] (рис. 2).



Рис. 2. Митинг в ЛСХИ. 22 июня 1941. Архив СПбГАУ

В то время как линия фронта приближалась к Ленинграду к организации занятий добавились и дополнительные заботы: студенты и сотрудники участвовали в рытье окопов, в работах по строительству оборонительных сооружений. Профессор Г. В. Бадина, бывшая тогда студенткой 3 курса, вспоминала: «Взяли многих ребят и девушек. Остались в институте только «малолетние» и больные. Вместо практики мы были направлены на оборонительные работы. Под Суйдой рыли противотанковые рвы, строили доты. Из Суйды девушки уехали последним

поездом 19 августа, а ребята не успели. 20 августа опытная станция была занята оккупантами» [10, № 2].

В связи прорывом Лужского рубежа и быстрым продвижением группы армии «Север» летом 1941 г. было упаковано и перевезено в Ленинград около 450 ящиков с оборудованием, все личные дела студентов и преподавателей ПСХИ. Племенной скот было так же необходимо эвакуировать, но из-за обстрелов его удалось вывезти лишь на станцию Тихвин. К сожалению, из-за отсутствия в достаточном количестве кормов и начавшейся эпизоотии среди скота часть поголовья было утрачено.

С 15 сентября 1941 г. начались массовые обстрелы из артиллерии, а позже и из миномётов. В связи с этим по решению Пушкинского райкома началась эвакуация профессорско-преподавательского состава, студентов, имущества ПСХИ на территорию, принадлежащую Высшим курсам прикладной зоологии и фитопатологии. Многие профессора покидали город пешком: профессор И. В. Ларин; будущий декан агрономического факультета, профессор П. П. Заев; будущий профессор (1948), член-корреспондент ВАСХНИЛ (1960) Б. С. Мошков, часть студентов и сотрудников Пушкинского сельскохозяйственного института. Из-за частых обстрелов не все дошли до Ленинграда.

В течение 15–17 сентября 1941 г. от артиллерийского обстрела, минометов и бомб пострадали учебные корпуса, общежитие и ряд других помещений ПСХИ. Вечером 16 сентября должна была выехать трехтонная газогенераторная машина института с денежными документами, изделиями из платины, трудовыми книжками сотрудников Пушкинского сельскохозяйственного института и денежной наличностью, которая составляла около 50 тыс. руб. Это была не выданная сотрудникам заработная плата за сентябрь. Деньги получили в банке в городе Пушкине накануне. Сведений о прибытии машины в Ленинград не сохранилось. Под утро 17 сентября город Пушкин покинули профессор И. И. Пересвет-Солтан и профессор М. П. Макаров с семьями. 18 сентября утром на улицах Пушкина уже стояли немецкие часовые.

С 18 сентября 1941 г. дальнейший приток из Пушкина в Ленинград сотрудников и студентов ПСХИ прекратился. Так, в Ленинграде оказалось всего 58 студентов (агрофак – 25 чел., защита растений – 4, зоофак – 29). Вся материально-техническая

база, опытные поля остались на оккупированной врагом территории» [7, с. 44–45]. В окруженном Ленинграде студенты ЛСХИ и ПСХИ продолжили обучение. Были скорректированы все учебные планы и программы. Студенты Ленинградского сельскохозяйственного института начали свои учебные занятия по расписанию: с сентября 1941 г. в учебном корпусе на Гагаринской улице, д. 6. Как бы тяжело ни приходилось преподавателям и студентам, занятия продолжались до эвакуации института в марте 1942 г. Регулярные занятия начались и у студентов Пушкинского сельскохозяйственного института на улице Чайковского, 7: с 20 сентября 1941 г. – со студентами 5-го курса на агрономическом и зоотехническом факультетах, 1 октября – с остальными. В связи с уменьшением численности студентов до 15–16 человек в группе, получилось сократить количество требуемых лекций и подготовить выпуск не в феврале 1942 г., а уже в декабре 1941 г.

Лекции для студентов читали профессора И. В. Ларин, В. Н. Щеголев, И. А. Веселовский, Н. А. Дроздов и др. Студенты не только учились, но и принимали участие в работах по обороне Ленинграда. Они копали окопы у Бадаевских складов и строили доты у Кировского завода. Во время воздушной тревоги дежурили на чердаке и крыше общежития, тушили зажигательные бомбы [10, № 2].

Студенты и преподаватели испытывали на себе все тяготы блокированного города: голод, холод, бомбежки. Профессор Г. В. Бадина, а тогда студентка 4-го курса агрономического факультета, вспоминала, что когда студенты пришли сдавать экзамен по хранению сельскохозяйственных продуктов, то увидели умершего прямо в аудитории профессора Варакина [7, с. 46].

В разоренном состоянии находились общежития. Так общежитие на набережной реки Карповки, д. 32 осталось без отопления, электричества, водопровода, канализации. Помимо этого, здания часто передавались от одних ведомственных учреждений другим, и они не удосуживались освободить их от мусора, грязи и отходов. Таким образом, вся уборка легла на плечи институтских сотрудниц: они вычистили помещение, двор и подвал. Руководство института понимало, что сохранить коллектив преподавателей и контингент студентов необходимо, но проведение занятий с таким количеством учащихся было

нецелесообразно в условиях блокады. В марте 1942 г. сельскохозяйственные институты были эвакуированы по Дороге жизни в глубь страны [7, с. 47–50].

Те, кто остался в блокированном городе, решали довольно значимую проблему: изыскивали возможности крупного города для выращивания, в первую очередь, овощных культур. Многие блокадники вспоминали, что очень ждали наступления весны 1942 г., зима 1941–1942 гг. казалась бесконечно длинной. Решение продовольственного вопроса было не только жизненно важной задачей, но стратегической. Доктор сельскохозяйственных наук, лауреат Государственной премии, а перед войной доцент кафедры агрохимии Пушкинского сельскохозяйственного института Николай Григорьевич Жежель вспоминал: «В начале Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда я просил военкомат принять меня в армию добровольцем. На такую просьбу в райвоенкомате мне сказали, что я специалист по сельскому хозяйству и что городу и фронту нужны продукты питания. Каждый выращенный на земле килограмм овощей и картофеля – это трудовой снаряд по врагу» [13, д. 4434, л. 18–20]. Именно так преподаватели относились к той задаче, которая была перед ними поставлена. Это был неоценимый вклад не только в обеспечение продовольствием окруженного города, который спас жизни многих жителей Ленинграда, но и существенный вклад в общую Победу.

На сентябрь 1941 г. в городе проживало 2 млн 544 тыс. чел. гражданского населения, из них 400 тыс. детей. В пригородных районах Ленинграда в кольце блокады осталось еще 343 тыс. чел. [14]. Ленинград испытывал огромные трудности с продовольствием. Сгорели Бадаевские склады. В 1940 г. 2868 колхозов и совхозов Ленинградской области поставили в Ленинград 185,3 тыс. т овощей и картофеля [14, с. 52], а в 1941 г. к началу блокады число хозяйств-поставщиков сократилось до 19 совхозов, 1 колхоза и 13 подсобных хозяйств. Они смогли дать городу за первые месяцы осады всего 9 650 т. овощей и картофеля [11, с. 8]. А за весь 1941 г. в пригородах Ленинграда было собрано 83 100 т овощей и картофеля. Из них 44 000 т были направлены на обеспечение военнослужащих, а 39 000 т – на обеспечение продовольствием горожан [13, д. 4434, л. 22].

Важное значение приобрело производство продовольственных ресурсов внутри осажденного города. Понимая это, в октябре 1941 г., будущий ректор ЛСХИ, доцент кафедры овощеводства Валентин Андреевич Брызгалов совместно со старшим экономистом Ленгроплана И. С. Механиком написал докладную записку, в которой было предложено разбить огороды внутри города [9, № 18]. Это предложение поддержал и профессор ЛСХИ П. П. Кюз: по его расчетам на 1 млн жителей города необходимо засадить овощами и картофелем 15 тыс. га. Дополнительные расчеты, проведенные городской плановой комиссией в начале 1942 г., подтвердили, что полное использование земельных участков позволит обеспечить население осажденного города овощами.

Для выполнения этих задач и руководства посевной кампанией 1942 г. была проведена огромная комплексная организационная работа. В начале 1942 г. члены Военного совета Ленинградского фронта обратились к партийным, советским и хозяйственным организациям блокадного города с призывом создать собственную овощекартофельную базу, используя каждый клочок городской земли. На заседании Ленинградского исполкома 16 января 1942 г. Ленгорплану было поручено составить план и предусмотреть финансирование на организацию огородного и пригородного сельского хозяйства [15, л. 3], для этого использовать все возможные для посева площади города. Основной проблемой стало отсутствие необходимого количества семенного материала. Вологодская, Ярославская, Костромская, Кировская и другие области выделили 5500 тонн семенного картофеля для Ленинграда, который доставили по «Дороге жизни» [10, № 8].

Власти города начали популяризацию выращивания овощных культур: в январе 1942 г. в «Ленинградской правде» вышла статья об индивидуальном огородничестве в городской черте. Сотрудники ВИРА и ЛСХИ инициировали обучение горожан с целью показать возможности высадки сельскохозяйственных культур на клумбах, аллеях, балконах и т. д. Под посевы овощей и картофеля они предложили использовать все пригородные земли, а в Ленинграде – территории городских парков, скверов, дворов и пустырей.

Для руководства посевной кампанией, организации и развития овощеводства весной 1942 г. решением Горкома партии

от 5 февраля 1942 г. был создан сельскохозяйственный отдел, а во всех райкомах были введены должности инструкторов по сельскому хозяйству. В райисполкомах создавались земельные отделы [13, д. 4432, л. 17]. Во всех районных земельных отделах (сокращенно – райзо) учреждалась должность главного агронома.

На заседании Ленинградского исполкома 16 февраля 1942 г. Земельному отделу было поручено поделить пригородные земли между предприятиями города [13, д. 4432, л. 5–6]. А исполкому было предложено прикрепить к районам города отдельные пригородные совхозы для помощи жителям в ведении сельского хозяйства [13, д. 4434, л. 18–20]. На семью отводилось 15 соток, предприятиям и учреждениям – до 50 гектаров. Основными возделываемыми культурами стали репа, турнепс, брюква, морковь, капуста, свёкла, картофель [10, № 8]. 28 февраля 1942 г. бюро Ленинградского обкома ВКП(б) и исполком Ленсовета приняли постановление о развитии подсобного сельскохозяйственного производства на промышленных предприятиях, коллективного и индивидуального огородничества в городах и районах Ленинградской области. Выращивание овощей приравнивалось к производству вооружения и было названо «большим государственным делом». Это постановление главный агроном Куйбышевского района Н. Г. Жежель считал началом внутригородского земледелия.

В марте 1942 г. Н. Г. Жежель был назначен главным агрономом Куйбышевского района Ленинграда. В этой должности он проработал все время блокады города. А главным агрономом Московского района был назначен выпускник ЛСХИ Борис Иванович Сечкарев.

19 марта 1942 г. Исполком Ленгорсовета постановил организовать личные потребительские огороды и их объединения при фабзавместках и домохозяйствах, организовать продажу семян и рассады, изготовление инвентаря, провести занятия по агротехнике [8, от 28 марта 1942 г.].

Весной 1942 г. в райзо Куйбышевского района Ленинграда более 1,5 тысяч горожан обратились за помощью в наделении земельным участком, семенами и инвентарём, а также за рекомендациями опытных агрономов. Надо было научить горожан ухаживать за посевами, добиваться высоких результатов. Район-

ные агрономы дежурили в райсоветах, проводили инструктажи на предприятиях, писали инструкции, на огородных участках давали консультации по вопросам посева и ухода за посадками, выезжали в подсобные хозяйства, для выполнения своей работы преодолевали десятки километров, рискуя жизнью под обстрелами, они всегда с собой носили перевязочный пакет на случай ранения. В дальнейшем огородничеством в Куйбышевском районе занималось до 23,5 тыс. чел. [10, № 4].

Весной 1942 г. на землях эвакуированных колхозов Парголовского и Всеволожского районов было создано 468 коллективных подсобных хозяйств, а в городской черте – организовано еще 165. Общая площадь указанных 633 хозяйств составляла 9838 га. В 33 % из них поля обрабатывались вручную, несмотря на это к осени 1942 г. ими было выращено и собрано 76 тыс. т овощей [9, № 18]. В Ленинграде было создано 1468 объединений, в которые вошли более 176 тыс. индивидуальных огородников. Посевом овощей занимались еще 100 тыс. трудящихся, не вошедших в огородные объединения. Жители города получали в райзо билеты огородника. В билете отмечались размер и адрес участка под индивидуальный огород, и он давал право на получение семян.

За весну 1942 г. пригородные совхозы засеяли 2200 га, подсобные хозяйства – 5186 и огородники – 1784 га [16]. Ленинградцы с лопатами и граблями, вышли на огороды и в подсобные хозяйства. Ручной и сельскохозяйственный инвентарь предприятия изготавливали из отходов производства. Основными сельскохозяйственными работниками становились те, кто не был занят на производствах или фронте: женщины, инвалиды, старики, подростки. Городским жителям, вывезенным на работу в подсобные хозяйства, в скудный продовольственный паек добавляли молодые дикоросы – крапиву, лебеду, щавель, корни лопуха. Техники для работы на полях не было, даже лошадей. Пахали, бороновали, сеяли, обрабатывали посевы, убирали урожай только вручную. Нашли конные плуги, женщины впрягались в них по 1012 чел. В конце блокады хозяйства получили 56 лошадей, выбракованных из армии. Большую часть полевых работ стали проводить на конной тяге.

Героический труд жителей города на сельскохозяйственном фронте дал существенный результат. Осенью 1942 г. совхозы

вместе с подсобными хозяйствами собрали более 36 тыс. т овощей, картофеля и свыше 14 т побочной продукции. А с учетом урожая, собранного огородниками, всего было собрано 51 750 т картофеля и овощей. На каждого ленинградца в среднем приходилось 56 кг полеводческой продукции [17; с. 10–11]. Выращенные овощи спасли от цинги защитников и жителей осажденного Ленинграда.

Весной 1943 г. в целях укрепления подсобных хозяйств было проведено их частичное объединение с 633 до 492. В результате осенью 1943 г. совхозами вместе с подсобными хозяйствами было собрано более 73 тыс. т картофеля и овощей, что составляло в среднем 132 кг на каждого жителя блокадного города [10, № 8].

Конечно, вырастить – это одно, а сохранить урожай в условиях постоянных обстрелов городе – совсем другое дело. Иногда, выращенный с таким трудом урожай, в одночасье уничтожался артобстрелом. На территориях, которые прилегли к передовой линии обороны города – в Кировском, Московском, Невском и других районах, из-за частых вражеских обстрелов работали преимущественно по ночам и в ненастную погоду. Однако, эти меры предосторожности не всегда помогали, более 80 чел. погибло во время работы на полях от обстрелов и сотни тружеников получили ранения. При исполнении своих служебных обязанностей погибли: старший агроном совхоза «Предпортовый» И. В. Голиков, агроном подсобного хозяйства завода «Большевик» Н. А. Смирнов, заведующий хозяйством отделения «Восход» совхоза «Красная заря» И. М. Бычков и многие др.

Лениздат за время блокады выпустил брошюры с рекомендациями сотрудников и выпускников ЛСХИ: Н. Г. Жежель «Уборка и хранение свеклы» (рис. 3), «Уборка и хранение моркови»; В. С. Лехнович «Выращивание картофеля», «Оберегайте посадки картофеля от картофельного рака», «Ускоренное размножение картофеля»; В. А. Брызгалов «Осенне-зимняя культура овощей», «Осенние работы по семеноводству» под общей редакцией Т. Е. Пашенко; и плакаты: «Календарь работ по овощеводству», «Уничтожайте вредителей крестоцветных (капусты, брюквы, репы, редьки, турнепса, хрена)» – составитель Н. Н. Богданов-Катьков; «Выращивание картофеля» – В. С. Лехнович [18–26].



Рис. 3. Н. Г. Жежель. Уборка и хранение свеклы. Л.: Лениздат, 1942.¹

В марте 1942 г. для обеспечения подсобных хозяйств и огородников семенами была создана городская станция по семеноводству овощных культур. В задачу этой станции входили организация и контроль семеноводческой работы в совхозах и подсобных хозяйствах блокированного города. Директором городской станции по семеноводству была назначена выпускница ЛСХИ Т. Е. Пащенко [8, № 66] (рис. 4). Из-за нехватки семеноводов были организованы курсы по подготовке бригадиров семеноводства. Лекции на них читала Т. Е. Пащенко в аудиториях биолого-почвенного факультета Ленинградского государственного университета. Кроме массового обучения, работники городской семенной станции выступали с рекомендациями по радио, писали статьи для бюллетеня горземотдела.

Станцию организовали как отделение совхоза «Красная Заря» на 20 гектарах лучших земель совхоза [10, № 8]. Пащенко стала главным агрономом совхоза. В «Красной Заре» летом 1942 г. работали школьники Приморского района, общими усилиями было собрано 2,5 тыс. центнеров продукции [8, № 225], при плановых показателях в 1,4 тыс. Сотрудникам горсемстанции пришлось осуществить трудоемкую работу для выращивания семян моркови, редиса, цветной и белокочанной капусты в малопри-

¹ Сайт НЭБ: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_rc_2996494/?ysclid=116c4qfr86736904324

годных климатических условиях лета 1942 г. Они мобилизовали тружеников совхозов и подсобных хозяйств на выполнение сложной агротехники семеноводства для получения высоких урожаев качественных семян. На семенной станции не было специальных сушильных помещений. Все работы – высадку маточников в грунт, уборку, обмолот и очистку семян – выполняли вручную. В 1943 г. Горсемстанция выпустила брошюру «Осенние работы по семеноводству» в которой излагались правила проведения необходимых работ по подготовке помещений для хранения семенников, отбору и закладке семян на зимнее хранение [24]. Всего за 1943 г. хозяйствами Ленинграда было собрано 6 489 кг семян различных культур, из которых 2 620 кг приходилось на Горсемстанцию [27, л. 31].



Рис. 4. Директор семеноводческой станции, созданной на базе совхоза «Красная Заря» Т. Е. Пащенко (справа) и работница Е. В. Бондарева осматривают созревшие семенники капусты.¹

Картофелю уделялось особое место: достаточно калорийный продукт, который обладал и прекрасными вкусовыми характеристиками. Подготовка картофелеводов осуществлялась в учебном сельскохозяйственном комбинате, в создании которого

¹ ЦПАКФФД СПб. Фотодокумент. Ар. 25881. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgakffd/photo/ar25881?ysclid=tl15x6r7s6300572043>

участвовал ректор ЛСХИ Н. Н. Богданов-Катьков. Руководил комбинатом сотрудник ЛСХИ П. А. Петренко. Выпускник ЛСХИ Вадим Степанович Лехнович на базе ВИРа ещё в 1935–1936 гг. разработал совместно с О. А. Воскресенской агротехнический приём по ускоренному выращиванию картофеля, тогда этот метод не был широко внедрен в производство [27, л. 31]. В осажденном Ленинграде большую работу по освоению и внедрению способа размножения картофеля отводками провел В. С. Лехнович. Этот метод позволил получить 11 тыс. тонн полноценного раннего картофеля [10, № 8].

Горсемстанцией совместно с совхозом «Красная Заря» был разработан и внедрен в производство метод выращивания рассады картофеля из этиолированных (выращенных в тени) ростков картофеля. Этот метод обеспечивает очень высокий коэффициент размножения картофеля ростками, что важно при острой нехватке посадочного материала. Совхозом «Красная Заря» было выращено 86 тыс. штук рассады картофеля.

К. А. Никитин – руководитель совхоза «Красная Заря» – вспоминал, что посадка картофеля не целыми клубнями, а половинками, четвертинками и очистками с сохранившимися глазками позволяла в 3–4 раза экономнее расходовать посадочный материал, но этого было недостаточно. Тогда на помощь пришли ученые и предложили метод ускоренного размножения картофеля – отводками [11, с. 26]. Рассаду из этиолированных ростков высаживали по три штуки в лунку. Это позволяло получать с одного килограмма клубней до 100 килограммов стандартного картофеля. Опыт был признан настолько удачным, что бюро горкома партии обязало совхоз «Красная Заря» на базе 6-го овощного комбината организовать выгонку этиолированных ростков и выращивание из них рассады картофеля.

Сохранился документ на имя директора совхоза «Красная Заря» от 21 декабря 1943 г. Его текст приводит К. А. Никитин: «Коллектив индивидуальных огородников, рабочих, ИТР и служащих завода ... благодарит Вас за отпущенные нам весной 1943 года 25 тысяч картофельных ростков. Ваша правильная консультация дала нам возможность добиться хороших результатов. Картофель из ростков выращен крупным и вкусным ... Если можно, просим забронировать за нами к весне не менее 80 тысяч картофельных ростков». Письмо было заверено подпи-

сями: председатель огородной комиссии и 15 индивидуальные огородники завода [17, с. 27].

Подсобные хозяйства Куйбышевского района были организованы на землях эвакуированных колхозов Всеволожского района. Таким предприятиям как Электромортрест, Музфонд, Литфонд, Трудхимик, Промкомбинат, Трест прачечных было выделено по 3–5 гектара посевной площади. Подсобным хозяйствам ОСМЧ-40 (Особая строительно-монтажная часть № 40) [11, с. 200], и Управления культурно-бытового строительства, позднее переименованного в Управление строительства Ленсовета (УСЛ) было передано 70 и 97 га. До линии фронта от подсобных хозяйств, находившихся в деревнях Куйворы, Янино, Красная Горка, Колтуши было менее 18 км.

Е. И. Пантелеева, аспирант кафедры агрохимии ЛСХИ, весной 1942 г. стала агрономом подсобного хозяйства ОСМЧ-40 [11, с. 200], а через год в хозяйстве УСЛ. К концу войны вместе с отделениями в других районах посевные площади этих предприятий составляли от 130 до 160 га.

Главный агроном Куйбышевского района Н. Г. Жежель организовал в деревне Куйворы центральную базу для работ в хозяйствах и агрохимическую лабораторию. Вторая база находилась на Невском проспекте в Ленинграде для связи с городским земельным отделом, районными организациями, предприятиями – организаторами подсобных хозяйств, а также для помощи коллективным и индивидуальным огородникам. На полях возделывали репу, турнепс, морковь, капусту, брюкву, свеклу. Посадку картофеля производили только глазками, кожурой, рассадой. Агрономы обменивались опытом овощеводства, изучали новые агроприемы, инструкции райзо и обучали работников хозяйств. Н. И. Жежель подготовил методички по уборке и хранению свеклы, уборке и хранению моркови [17, с. 141].

За первый 1942 г. труженики хозяйств, освоили сельскохозяйственные работы. Осенью подсобные хозяйства района сдали государству 17 095 центнеров сельскохозяйственной продукции. Огородники собрали 1 170 центнеров овощей и картофеля. Изучив опыт первого года работы в 1943 г., во всех подсобных хозяйствах района ввели строгое планирование. План определял посевные площади, урожайность, валовый сбор продукции. Были введены планы на заготовку семян и удобрений. Это по-

зволило рассчитать необходимое количество рабочей силы, количество парников и теплиц, которые надо было построить.

В 1942 г. на 1 га приходилось 3,5 чел., в 1944 г. – 2,8. Плановые задания были перевыполнены, следовательно, производительность труда повысилась на 42 %. В 1943 г. подсобные хозяйства сдали городу 3 778 т овощей и картофеля, в сравнении с 1942 г. – 1 709,5 т, производство овощей увеличилось в 2,2 раза. Куйбышевский район за три военных лета дал городу и фронту 12 887 т картофеля и овощей из них более 10 тыс. тонн вырастили подсобные хозяйства [17, с. 89].

Для получения высоких урожаев овощей и картофеля были необходимы удобрения. В качестве удобрений использовали всё, что могли найти: с чердаков домов возили остатки противопожарного суперфосфата и птичий помет; канализационные стоки. Для мульчирования и подкормок использовали 365 т фекалий, десятки тонн селитры и сульфата аммония, золы, суперфосфата, около 2 т калийной соли. Для химических методов борьбы с вредителями растений применено более 500 кг сулемы, мышьяковистых препаратов и других средств. Более 5000 человеко-дней было затрачено на ручной сбор вредителей [17, с. 85].

Особого внимания заслуживает организация стахановского движения среди овощеводов. С площади 10,8 га, которую обрабатывали 28 стахановок, было собрано 5 920 центнеров картофеля, капусты, моркови, брюквы, помидоров вместо 1 175 центнеров по плану. В среднем это 540,7 центнеров продукции с 1 гектара. План по урожайности был выполнен на 503 %.

В хозяйстве УСЛ 4 стахановки на площади 2 гектара вырастили 3 600 центнеров капусты. Уборку урожая и взвешивание проводили в присутствии представителей горзо, райзо, райкома партии и других организаций, чтобы задокументировать мировой рекорд! Почва участка, на котором был получен рекордный урожай капусты была подзолисто-пылевато-супесчаная, кислая и бедная питательными веществами, это был обычный полевой участок.

Для посадки капусты на участке провели зяблевую вспашку. Весной почву пророборновали, после перепахали с одновременным боронованием, а затем нарезали гребни. Под вспашку на каждый гектар было внесено по 3 тонны извести, 2 т золы,

по 50 т торфа и навоза, 5 ц минеральных удобрений – селитры и суперфосфата. На участке рассада капусты сорта Славянка была высажена в торфо-перегнойных горшочках на гребни. На 1 гектар высаживалось 22 тыс. растений. А сорт «Номер первый» высаживался на гребни без горшочков, но с внесением в лунки перепревшего навоза из расчета 50 т на гектар и 40 тысяч растений на 1 гектар. Был осуществлен и уход за капустой: пропалывали – 7 раз, поливали – 8, подкармливали удобрениями – 4 раза. Было внесено на каждый гектар по 8 центнеров минеральных удобрений – калийной селитры и суперфосфата, 80 центнеров торфофекальной смеси с добавлением суперфосфата. После каждой подкормки проводили окучивание растений. Раннюю капусту выборочно убирали с 20 июля по 15 сентября. Уборку поздней капусты проводили до 25 октября. С учетом работ по борьбе с болезнями и вредителями растений на каждый гектар затратили по 1 209 человеко-дней, из них на самую уборку ушло 450 человеко-дней [11, с. 204].

Участки высокой урожайности отличались использованием особых технологий. Посевы и посадки были загущены или уплотнены, овощеводы строго выполняли требования агрономов по обработке почвы, своевременно проводили борьбу с сорняками, почвенной коркой, болезнями растений и вредителями, по поливке, внесению удобрений и другим приемам агротехники. Эти участки были образцом правильной, культурной обработки и содержания полей.

В климатических условиях Ленинградской области на слабокультуренных, бедных и кислых подзолистых почвах и небольшой мощностью пахотного слоя получить высокий урожай можно только с интенсивным использованием удобрений. Для достижения высокой урожайности удобрения вносились в почву в значительном количестве. Для достижения мирового рекорда по выращиванию капусты на один гектар внесли 3 т извести, 50 т торфа, 2 т золы, 3 ц суперфосфата, 2 ц калийной селитры. При посадке в лунки внесено 50 т перегноя. Средние нормы использования удобрений для получения высокого результата были превышены от 4 до 5 раз.

Можно считать оправданными такие высокие затраты средств и труда. Они привели к увеличению урожая в 8–10 раз. Этот эксперимент подтверждает целесообразность концентри-

рования внимания на повышении плодородия на полях, в условиях дефицита посадочного материала и посевных площадей.

Обсуждение и выводы

Работа сотрудников ЛСХИ по обеспечению продовольствием блокадного Ленинграда, определяет их значимый вклад в общую Победу, которая складывалась не только из действий на фронте, но и от работы тыла и самоотверженности каждого жителя блокированного города.

Та часть преподавателей и выпускников ЛСХИ, которая осталась в окруженном немцами и финнами городе, делилась своим знанием и опытом: так, осенью-зимой 1941 г. продолжались лекции для студентов, их читали профессора И. В. Ларин, В. Н. Щеголев, И. А. Веселовский, Н. А. Дроздова и другие преподаватели ЛСХИ. Они были эвакуированы весной 1942 г.

В условиях существенного ограничения продовольственного обеспечения, знания в области агротехнологии оказались востребованными: необходимо было сделать пригодной территорию крупного индустриального города для выращивания овощных культур. Оставшиеся сотрудники и выпускники ЛСХИ и ПСХИ совместно с сотрудниками ВИРа самоотверженно взялись за работу: писали методички для огородников, проводили активную работу с населением; способствовали распространению огородничества; занимались решением вопроса посадочного материала. Двое из сотрудников были назначены на должность районных агрономов: к примеру, Николай Григорьевич Жежель доцент кафедры агрохимии Ленинградского сельскохозяйственного института был назначен главным агрономом Куйбышевского района Ленинграда, а Борис Иванович Сечкарёв – Московского района.

Районные агрономы дежурили в райсоветах, проводили инструктажи на предприятиях, писали инструкции, на огородных участках давали консультации по вопросам посева и ухода за посадками, выступали по радио, писали методички и листовки. Они выезжали в подсобные хозяйства и читали там лекции, проводили беседы с показом агроприемов на полях, для выполнения своей работы преодолевали десятки километров, рискуя жизнью под обстрелами. Их советы быстро находили практическое применение. Н. Г. Жежель вспоминал:

«Выезжать в хозяйства под артиллерийским обстрелом в любое время суток; учить и консультировать людей на полях; добиваться у предприятий рабочих, продуктов, инвентаря; писать по ночам при свете коптилки инструкции или распоряжения; пережидать в лесу воздушный бой; проходить поздним вечером, без дорог десятки километров – все казалось тогда будничным, обычным, и лишь сейчас воспринимается как незабываемые страницы жизни» [11, с. 87].

Но главный результат их работы – снижение показателей смертности от голода уже с мая 1942 г. с положительной динамикой в последующие месяцы. Комплексная работа по обеспечению продовольствием жителей и работников предприятий блокадного Ленинграда дала положительный результат.

Список литературы

1. Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения блокады Ленинграда // Новейшая история России. – Т. 11. – № 2. 2021. – С. 294–323. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.201. EDN: XXQWGW
2. Дмитриева А. А., Тихонов П. А. Семья Тихоновых и Кононовых в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда // От 1939-го до 1945-го: ученые и научные учреждения в годы Второй мировой войны. Сборник статей с приложением «Бессмертный полк». – Сер. «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки». – Т. Supplement 13. – СПб.: СПбНЦ РАН, 2022. – С. 227–236. DOI: 10.25990/archiveras.1939-1945.bahr-n721. EDN: RMLBCP.
3. Кирюхина Е. М., Веселкова Д. С. Герой прорыва Ленинграда А. С. Мухин в материалах семейного архива // На пути к гражданскому обществу: научный журнал. – № 1 (49). – Иваново, 2023. – С. 24–29. EDN: GAFMIC.
4. Козлов Н. Д. Образы истории как источник стойкости ленинградцев // Мы выстояли и победили. Международная научно-практическая конференция к 80-летию прорыва блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвы. Сборник статей. – Оренбург, 2023. – С. 105–109.
5. Исаков Д. А., Юсупов Э. К., Климов Д. А. Подвиги железнодорожников в период блокады Ленинграда // Матрица научного познания, 2021. – № 5–2. – С. 97103. EDN: LLVNWV
6. Loskutov I. G. Wartime activities of the Vavilov Institute // Proceedings on Applied Botany, Genetics and Breeding, 2021. – № 182(2). – P. 151–162. DOI: 10.30901/2227-8834-2021-2-151-162.
7. Красникова Ю. Н. Вклад преподавателей и студентов ЛСХИ в Великую победу (по материалам историко-музейного научно-образовательного центра Санкт-Петербургского государственного аграрного университета) // Ключ: Российской общество реалистической философии. Вып. 16. – СПб.: СПбГАУ, Сухум, АГУ, 2021. – С. 43–50.
8. Ленинградская Правда. 1942. – 22 мая 1942. № 120 (8226)

9. За Сельскохозяйственные Кадры. 1977. – 06 мая 1977. № 18 (1039).
10. За Сельскохозяйственные Кадры. 1984. – 11 января 1984. № 2 (1377); – 25 января 1984. № 4 (1379); – 17 февраля 1984. № 7 (1382); – 29 февраля 1984. № 8 (1383).
11. Иванов Н. Р., Лехнович В. С., Никитин К. А. В осажденном Ленинграде: воспоминания участников героической обороны о борьбе с голодом и создании в условиях блокады продовольственных ресурсов / составители Н. Р. Иванов, В. С. Лехнович, К. А. Никитин. 2-е изд., доп. Ленинград: Лениздат, 1974. 312 с.
12. Пути становления аграрного образования: 1904–2014 гг. (Петербуржскому аграрному университету – 110 лет) / под ред. М. А. Арефьева, Э. Ю. Гальперина, А. Н. Гарявина, В. А. Ефимова, А. О. Туфанова, С. Н. Широкова. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. 400 с. EDN: RVPULX
13. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 2.
14. Ленинградская область за 50 лет. Статистический сборник. Ленинград: Лениздат, 1967. 81 с.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 193.
16. Отчет горзо за 1943 г. Из личного архива бывш. Зав. Горзо А. А. Ларионова
17. Иванов Н. Р., Лехнович В. С., Никитин К. А. В осажденном Ленинграде: воспоминания участников героической обороны о борьбе с голодом и создании в условиях блокады продовольственных ресурсов / составители Н. Р. Иванов, В. С. Лехнович, К. А. Никитин. Л.: Лениздат, 1969. 146 с.
18. Жежель Н. Г. Уборка и хранение свеклы / под ред. И. Г. Михайлова. Л.: Лениздат, 1942. 8 с.
19. Жежель Н. Г. Уборка и хранение моркови / Н. Г. Жежель (агр.); Земельный отд. Исполкома Ленгорсовета; под ред. И. Г. Михайлова. Л.: Лениздат, 1942. 7 с.
20. Лехнович В. С. Выращивание картофеля / В. С. Лехнович; Всесоюз. Ин-т растениеводства; Земельный отд. Исполкома Ленгорсовета. Л.: Лениздат, 1943. 16 с.
21. Лехнович В. С. Оберегайте посадки картофеля от картофельного рака / В. С. Лехнович; Всесоюз. Ин-т растениеводства; Земельный отд. Исполкома Ленгорсовета. Л.: Лениздат, 1944. 19 с.
22. Лехнович В. С. Ускоренное размножение картофеля / В. С. Лехнович; Всесоюз. Ин-т растениеводства; Земельный отд. Исполкома Ленгорсовета. Л.: Лениздат, 1944. 38 с.
23. Брызгалов В. А. Осенне-зимняя культура овощей / В. А. Брызгалов; Ленингр. с-х ин-т. Л.: Лениздат, 1944. 76 с.
24. Богданов-Катьков Н. Н. Календарь работ по овощеводству / сост. проф. Н. Н. Богданов-Катьков. Л.: Лениздат, 1943. 1 с.
25. Богданов-Катьков Н. Н. Уничтожайте вредителей крестоцветных (капусты, брюквы, репы, редьки, турнепса, хрена) / сост. проф. Н. Н. Богданов-Катьков. Л.: Лениздат, 1944. 1 с.
26. Лехнович В. С. Выращивание картофеля. Л.: Лениздат, 1943. 1 с.
27. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 4841.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Contribution of Agricultural Institute Teachers to the Food Provision for Besieged Leningrad

Denis D. Ozerov, Yulia N. Krasnikova

The article is devoted to teachers, graduates and students of the Leningrad Agricultural Institute, who were in the besieged Leningrad during 1941–1944. Their knowledge and experience were applied by the city administration to mobilize internal resources for providing food in conditions of economic and infrastructural isolation. The article reflects organizational arrangements for the dissemination and popularization of collective and individual forms of gardening, which made it possible to provide vegetable products to people who were in the blockade ring. The experience of the Kuibyshev district of Leningrad on the development of intra-urban agriculture is considered separately, because the chief agronomist of this district was Nikolai Grigoryevich Zhezhel, associate professor of the Agrochemistry Department of the Pushkin Agricultural Institute. The article considers the experience of creating a city plant for vegetable seed production, the director of which was a graduate of the Leningrad Agricultural Institute T. E. Pashchenko. The tasks of the station included the organization and control of seed-growing work in state farms and subsidiary farms. The research is based on a variety of sources: archival documents, periodicals, special literature.

Key words: blockade, Leningrad Agricultural Institute, Pushkin Agricultural Institute, food supply, vegetable gardens, agriculture.

For citation: Ozerov, D. D., Krasnikova, Yu. N. (2024) Vklad prepodavatelej sel'skohozyajstvennyh institutov v obespechenie prodovol'stvijem blokadnogo Leningrada [Contribution of Agricultural Institute Teachers to the Food Provision for Besieged Leningrad]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 22–46. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_22. EDN: BZKRKK

References

1. Sobolev, G. L., Hodyakov, M. V. (2021) *Protivoborstvo zhizni i smerti: nekotorye itogi izucheniya blokady Leningrada* [The Confrontation Between Life and Death: Some Results of Studying the History of the Siege of Leningrad]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Contemporary History of Russia]. Vol. 11. No. 2. Pp. 294–323. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.201> (In Russ.)
2. Dmitrieva, A. A., Tihonov, P. A. (2022) *Sem'ya Tihonovyh i Kononovyh v period Velikoj Otechestvennoj vojny i blokady Leningrada* [The Tikhonov and Kononov family during the Great Patriotic War and the siege of Leningrad]. *Ot 1939-go do 1945-go: uchenye i nauchnye uchrezhdeniya v gody Vtoroj mirovoj vojny. Sbornik statej s prilozheniem «Bessmertnyj polk»* [From 1939 to 1945: scientists and scientific institutions during the Second World War]. Ser. «Ad fontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki». Vol. Supplement 13. St. Petersburg: SPbNC RAN. Pp. 227–236. DOI: 10.25990/archiveras.1939-1945.bahr-n721. EDN: RMLBCP. (In Russ.)
3. Kiryuhina, E. M., Veselkova, D. S. (2023) *Geroj proryva Leningrada A. S. Muhin v materialah semejnego arhiva* [Hero of the Leningrad breakthrough A. S. Mukhin in the materials of the family archive]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu* [On the way to civil society]. No. 1 (49). Ivanovo. Pp. 24–29. EDN: GAFMIC. (In Russ.)
4. Kozlov, N. D. (2023) *Obrazy istorii kak istochnik stojkosti leningradcev* [Images of history as a source of resilience of Leningraders]. *My vystoyali i pobedili. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya k 80-letiyu proryva blokady Leningrada, Stalingradskoj i Kurskoj bitvy. Sbornik statej* [We survived and won. International scientific and practical conference dedicat-

ed to the 80th anniversary of the breaking of the siege of Leningrad, the Battle of Stalingrad and Kursk. Collection of articles]. Orenburg. Pp. 105–109. (In Russ.)

5. Isakov, D. A., Yusupov, E. K., Klimov, D. A. (2021) *Podvigi zheleznodorozhnikov v period blokadы Leningrada* [The exploits of railway workers during the siege of Leningrad]. *Matrica nauchnogo poznaniya* [Matrix of scientific knowledge]. No. 5–2. Pp. 97–103. (In Russ.). EDN: LLVNWW

6. Loskutov, I. G. (2021) Wartime activities of the Vavilov Institute. Proceedings on Applied Botany, Genetics and Breeding. No. 182 (2). Pp. 151–162. (In Russ.). DOI: 10.30901/2227-8834-2021-2-151-162.

7. Krasnikova, YU. N. (2021) *Vklad prepodavatelej i studentov LSKHI v Velikuyu pobedu (po materialam istoriko-muzejnogo nauchno-obrazovatel'nogo centra Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta)* [The contribution of teachers and students of LSHI to the Great Victory (based on materials from the historical and museum scientific and educational center of the St. Petersburg State Agrarian University)]. *Klyuch: Rossijskoj obshchestvo realisticheskoy filosofii* [Key: Russian Society of Realistic Philosophy]. Vol. 16. St. Petersburg: SPbGAU, Suhum, AGU. Pp. 43–50. (In Russ.)

8. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1942. (In Russ.)

9. *Za Sel'skohozyajstvennyye Kadry* (1977) [For Agricultural Personnel]. (In Russ.)

10. *Za Sel'skohozyajstvennyye Kadry* (1984) [For Agricultural Personnel]. (In Russ.)

11. Ivanov, N. R., Lekhnovich, V. S., Nikitin, K. A. (1974) *V osazhdennom Leningrade: vospominaniya uchastnikov geroicheskoy oborony o bor'be s golodom i sozdanii v usloviyah blokady prodovol'stvennykh resursov* [In besieged Leningrad: memories of participants in the heroic defense about the fight against hunger and the creation of food resources during the blockade]. 2-e izd., dop. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

12. Aref'eva, M. A., Gal'perina, E. YU., Garyavina, A. N., Efimova, V. A., Tufanova, A. O. SHirokova, S. N. (2014) (eds.) *Puti stanovleniya agrarnogo obrazovaniya: 1904–2014 gg. (Peterburgskomu agrarnomu universitetu – 110 let)* [Paths to the development of agricultural education: 1904–2014. (St. Petersburg Agrarian University is 110 years old)]. St. Petersburg. (In Russ.)

13. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (dalee CGAIPD SPb.)* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (hereinafter – CGAIPD SPb.)]. F. 25. Op. 2.

14. *Leningradskaya oblast' za 50 let. Statisticheskij sbornik* (1967) [Leningrad region for 50 years. Statistical collection]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

15. CGAIPD SPb. F. 25. Op. 2a. D. 193.

16. *Otchet gorzo za 1943 g. Iz lichnogo arhiva byvsh. Zav. Gorzo A. A. Larionova* [Gorzo report for 1943. From the personal archive of the former Gorzo head A. A. Larionov].

17. Ivanov, N. R., Lekhnovich, V. S., Nikitin, K. A. (1969) *V osazhdennom Leningrade: vospominaniya uchastnikov geroicheskoy oborony o bor'be s golodom i sozdanii v usloviyah blokady prodovol'stvennykh resursov* [In besieged Leningrad: memories of participants in the heroic defense about the fight against hunger and the creation of food resources during the blockade]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

18. ZHezhel', N. G. (1942) *Uborka i hranenie svekly* [Harvesting and storage of beets]. Red. I. G. Mihajlova. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

19. ZHezhel', N. G. (1942) *Uborka i hranenie morkovi* [Harvesting and storage of carrots]. Red. I. G. Mihajlova. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

20. Lekhnovich, V. S. (1943) *Vyrashchivanie kartofelya* [Growing Potatoes]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

21. Lekhnovich, V. S. (1944) *Oberegajte posadki kartofelya ot kartofel'nogo raka* [Protect potato plantings from potato cancer]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

22. Lekhnovich, V. S. (1944) *Uskorennoe razmnozhenie kartofelya* [Accelerated propagation of potatoes]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

23. Bryzgalov, V. A. (1944) *Osenne-zimnyaya kul'tura ovoshchej* [Autumn-winter vegetable crop]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

24. Bogdanov-Kat'kov, N. N. (1943) *Kalendar' rabot po ovoshchevodstvu* [Calendar of works on vegetable growing]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

25. Bogdanov-Kaŭ'kov, N. N. (1944) *Unichtozhajte vreditel'ej krestocvetnyh (kapusty, bryukvy, repy, red'ki, turnepsa, hrena)* [Destroy cruciferous pests (cabbage, rutabaga, turnips, radishes, turnips, horseradish]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

26. Lekhnovich, V. S. (1943) *Vyrashchivanie kartofelya* [Growing Potatoes]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)

27. *CGAIPD Spb.* F. 24. Op. 2. D. 4841.

Об авторах

Красникова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: julia2404@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1883-1553

Озеров Денис Дмитриевич, магистрант, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: denis20200@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0007-7294-1730

About the authors

Krasnikova Yulia N., Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Saint-Petersburg State Agrarian University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: julia2404@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-1883-1553

Ozerov Denis D., Master Student, St. Petersburg State Agrarian University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: denis20200@yandex.ru, ORCID ID: 0009-0007-7294-1730

*Статья поступила в редакцию 25.12.2023
Одобрена после рецензирования 20.03.2024
Принята к публикации 8.04.2024*

Банно-прачечное хозяйство во Владимирской и Ивановской областях в годы Великой Отечественной войны*

И. С. Тряхов

Исследование деятельности банно-прачечного хозяйства в годы Великой Отечественной войны имеет целью заполнение научно-исторической лакуны относительно изучаемых регионов и сравнительный анализ ситуации в этой сфере с другими тыловыми регионами. Немногочисленные работы по этому вопросу позволяли выявить схожие тенденции в разных регионах страны от Восточной Сибири и Урала до Среднего Поволжья и Северо-Запада, а потому задачей статьи является, в том числе, выявление специфики двух регионов Верхнего Поволжья. В работе были использованы материалы региональных архивов, извлечённые преимущественно из партийных фондов. В ходе исследования удалось выявить основные трудности и недостатки в работе бань и прачечных региона, а также показать значение этой сферы для санитарно-эпидемиологической обстановки. Обращается внимание на то, что данная отрасль бытового обслуживания рассматривалась местным руководством как малозначимая, а потому ей не уделялось должного внимания и эта тенденция, характерная для других тыловых регионов, в полной мере проявила себя во Владимирской и Ивановской областях. Невыполнение банями и прачечными спущенных местными властями планов было обусловлено хронической нехваткой топлива, сравнительно изношенным оборудованием, а также кадровым дефицитом. Все обозначенные проблемы были обыденным явлением и для других отраслей жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, бани, прачечные, повседневность, бытовое обслуживание, санитарно-эпидемиологическая обстановка.

Для цитирования: Тряхов И. С. Банно-прачечное хозяйство во Владимирской и Ивановской областях в годы Великой Отечественной войны // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 47–60. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_47. EDN: CSSHPE

Введение

Одним из элементов повседневной жизни является её бытовая составляющая. В годы Великой Отечественной войны особенностью быта большей части населения городов по-прежнему оставалась использование общественных бань и прачечных, что в настоящее время уже распространено существенно меньше. Это было связано с недостаточным развитием коммунальной инфраструктуры в жилых домах и квартирах в провинции в исследуемый период. Данная тенденция распространялась на большую часть территории страны, однако всё же имела определённую региональную специфику. Не были здесь исключением и рассматриваемые в статье Владимирская и Ивановская области, до августа 1944 г. составлявшие единый субъект. В течение последующих месяцев к Владимирской области также были присоединены некоторые западные и юго-западные районы Горьковской области (Муромский, Гороховецкий, Фоминский и Ляховский).

В историографическом плане тема статьи не слишком популярна у исследователей, да и интерес к ней стал проявляться лишь в последние десятилетия. Этому способствовало как освобождение от грифов секретности некогда недоступных для учёных документов, находящихся в первую очередь в региональных архивах, так и сложившийся в постсоветский период интерес историков к исследовательской программе истории повседневности. Данные факторы способствовали появлению ещё в конце XX в. работе иркутского исследователя А. В. Шалака, посвящённой условиям жизни населения Восточной Сибири в 1940-е гг., где в числе прочих проблем отмечена и заявленная в статье тема¹.

Спустя сравнительно продолжительное время появился ещё ряд исследований похожей тематики, которые освещают данный вопрос на примере Уральского промышленного региона [1–4], областей Нижнего Поволжья [5; 6], Кузбасса [7]. Историк А. Ш. Кабирова [8] посвятила свою статью аналогичной проблеме в Татарской АССР, а Ф. В. Копылов – прифронтовой Вологодской области². Последнее исследование интересно тем,

¹ Шалак А. В. Условия жизни населения Восточной Сибири (1940–1950): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998.

² Копылов Ф. В. Социокультурные и бытовые условия жизни населения прифронтовых/тыловых городов Вологодской области в период Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017.

что ситуация в Вологодской области близка к той, что сложилась во Владимирской и Ивановской областях в годы войны в силу близости линии фронта, а поэтому именно тут возможно нахождение общих черт и поиск специфических особенностей.

Обобщающая статья, рассматривающая бытовые проблемы жителей тыла РСФСР в годы войны, недавно опубликована Е. Ю. Волковой и Г. Ю. Волковым [9]. В своих выводах историки обращают внимание, что помимо объективных причин неудовлетворительного состояния городского коммунального хозяйства в том числе банно-прачечной сферы, были и субъективные. К таковым принадлежит отношение к нему местных партийных, советских и профсоюзных органов как к второстепенному. Не случайно, председатель Владимирского облисполкома В. В. Сыроватченко на областном пленуме в марте 1945 г. заявил: «В первые годы войны можно было прощать некоторое невнимание к этим делам со стороны руководителей партийных и советских органов, а также со стороны директоров предприятий». В результате не осваивались даже те малые средства, которые государство ассигновало на нужды городов. В таких условиях трудящиеся вынуждены были надеяться только на себя и по возможности сами решали многочисленные проблемы [9]. Высказывание, приведённое Е. Ю. Волковой, прозвучало из уст крупного советского работника Владимирской области, который до назначения в сентябре 1944 г. на пост председателя облисполкома руководил городским исполкомом Владимира, а потому не понаслышке знакомого с проблемами городского хозяйства [10, л. 14]. Описанный момент заставляет внимательнее присмотреться к Владимирской и Ивановской областям – некогда значимым в промышленном смысле регионам страны, к тому же в 1941 г. оказавшимся прифронтовыми.

Целью статьи является анализ деятельности банно-прачечного хозяйства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) во Владимирской и Ивановской областях.

Источниками для исследования послужили документы, сохранившиеся в основном в партийной части Государственных архивов Владимирской и Ивановской областей. Прежде всего, это материалы городских партийных комитетов ВКП(б) и обкомов [12–27]. Кроме того, использовались отдельные документальные источники городских коммунальных хозяйств

(горкомхозов), на балансе которых находилось значительное количество бань и прачечных. Отдельной группой источников стала местная периодическая печать, в которой можно выявить восприятие местной прессой положения в данной сфере.

Результаты

Банно-прачечное хозяйство неизбежно было связано с санитарно-эпидемиологической обстановкой, а поэтому напрямую влияло на состояние здоровья населения тыла. Нарком здравоохранения Г. Митерёв писал в «Правде» по этому поводу 3 декабря 1941 г. следующее: «Массовое движение за санитарную культуру необходимо поднять повсеместно: в условиях зимы его надо направить в первую очередь на предупреждение сыпного тифа. Баня, земляная камера-вошебойка могут быть оборудованы всюду. Нужно научить население простейшей дезинсекции, используя русскую печь, утюг, щелок, горячую воду и прочие средства. Должна быть обеспечена быстрая сигнализация в каждом случае подозрительного заболевания, быстрая изоляция заболевших» [11]. На практике же реализация установок наркома происходила далеко не всегда и нерешённость проблем в работе бань и прачечных рефреном проходит в архивных документах. Она обсуждалась на партийных собраниях как городов, так и отдельных предприятий, а также доходила до руководителей областей.

Сложная эпидемиологическая и санитарная обстановка приводила к необходимости ужесточения правил работы банно-прачечного хозяйства. Согласно приказу Ивановского областного отдела коммунального хозяйства, с 20 февраля 1942 г. вводилась ежедневная круглосуточная работа городских бань, прачечных, санпропускников и дезинфекционных камер. В случае отсутствия бани в населённом пункте под эти нужды в течение 15 дней предписывалось приспособить одно из имеющихся помещений и построить при ней дезинсектор. Таковым должна была стать камера-землянка простейшего типа [12, л. 7]. Как видно, руководство Ивановского региона отреагировало на требования наркомата здравоохранения, но сделано это было с запозданием.

Согласно характеристике районов и городов Ивановской области, в 1944 г. в них имелось 29 бань на 5 129 мест, а также 9

прачечных с пропускной способностью 13 297 тонн сухого белья. Из табл. 1 можно видеть распределение бань и прачечных по городам регионам.

Таблица 1

Распределение бань и прачечных по городам Ивановской области [12, л. 7]

Города	Бани		Прачечные	
	бань	мест	прачечных	Тонн сухого белья
Иваново	4	1 177	1	1 438
Александров	1	80	-	-
Вичуга	1	340	-	-
Владимир	1	230	-	-
Вязники	1	131	1	750
Гусь-Хрустальный	1	296	1	960
Кинешма	1	462	1	1 140
Ковров	1	115	-	-
Кольчугино	-	-	-	-
Фурманов	1	125	-	-
Шуя	3	766	1	3 264
Итого	15	3 722	5	7 552

Только в одном городе областного подчинения не было бани. Это являлось крупной проблемой для жителей города Кольчугино. В этом райцентре имелось два крупных предприятия по обработке цветных металлов, и отсутствие бани и прачечной создавало проблемы для местного населения. С прачечными ситуация была и того хуже, т. к. они отсутствовали сразу в 6 городах, среди которых был и новый областной центр Владимир. Пропускная способность бань, представленная в таблице, была лишь номинальной. На практике успешность функционирования этих учреждений зависела от расторопности руководителя, которому своевременно требовалось заготавливать топливо и составлять рациональное расписание посещения бани.

Основной причиной невыполнения плана по баням и прачечным на протяжении всей войны являлась нехватка топлива. У прачечных, построенных в довоенные годы, отмечалась также изношенность механического оборудования. Кроме того,

не везде хватало рабочей силы [13, л. 9–9 об.]. Эти проблемы в годы войны оставались обыденными для всех сфер экономики, и сектор бытового обслуживания населения исключением, естественно, не был.

В Муроме для выполнения плана работы бани было предписано увеличить количество рабочих дней с 4 до 6 и продлить рабочий день с 16 до 20 ч. В годы войны на бани ложилась дополнительная нагрузка в виде необходимости обслуживать воинские организации [18, л. 11]. В дальнейшем выходной день в единственной городской бане Мурома был вообще отменён [21, л. 79]. Пропускная способность Муромской бани составляла 3700 чел. в день, в месяц же баня могла обслужить более 100 000 человек. При населении города свыше 40 тыс. человек¹ согласно довоенной переписи каждый житель мог посетить баню в среднем 2,5 р в месяц. Однако это могло произойти только при бесперебойной работе, что получалось далеко не всегда. При бане в годы войны было построено 3 дезинфекционные камеры с пропускной способностью 120 комплектов белья в час, а также обмывочный пункт из 12 кабин [21, л. 79].

Баня завода № 176 вместо 840 чел. в день пропускали только 384. Схожую ситуацию наблюдали и в других заводских банях, которые работали только на 52 % от необходимого [19, л. 119 об.]. Плохая работа бань приводила к невозможности регулярной помывки многих рабочих, что едва не приводило к завшивленности. Такая ситуация отмечалась на муромском заводе Станкопатрон [19, л. 117 об.]. Муром в этом вопросе был вполне удовлетворителен, чего не скажешь о другом промышленном центре региона Коврове, где отмечались случаи завшивленности отдельных работников предприятий [15, л. 77].

На пленуме Вязниковского горкома отмечалось, что бани работают плохо, но при этом их директора не обсуждаются на заседаниях [24, л. 45]. Бесперебойная работа бань была залогом нормальной санитарной обстановки. На одной из пленумов в Вязниках в 1943 г. заведующая парткабинетом горкома Хохлова отмечала, что 23 семьям требовалась немедленная санобработка [25, л. 23 об.].

¹ Всеобщая перепись населения 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 08.02.2024).

Таблица 2

Распределение бань и прачечных по районам Ивановской области [27, л. 25]

Районы	Бани		Прачечные	
	Число бань	Число мест	количество	Их мощность (тонн сухого белья в 1 смену)
Вязниковский	1	63	-	-
Гороховецкий	1	34	1	125
Киржачский	1	80	-	-
Кохомский	1	300	1	2250
Лухский	1	35	-	-
Макарьевский	1	38	-	-
Палехский	1	20	-	-
Семеновский	1	56	-	-
Середской	1	30	-	-
Суздальский	1	31	-	-
Тейковский	1	300	2	2500
Южский	1	64	-	-
Юрьеvecкий	1	162	1	1500
Юрьев-Польский	1	194	-	-
Итого по районам	14	1407	4	6375
Итого по городам областного подчинения	15	3722	5	7552
Итого по области	29	5129	9	13927

Для бесперебойной работы бань необходимо было своевременно заготавливать дрова. По этой работе к городским коммунальным хозяйствам (горкомхозам) были нарекания во многих городах региона. Многие предприятия вынуждены были для этого самостоятельно заготавливать и предоставлять дрова [22, л. 56]. Нехватка топлива приводила к перебоям в работе и низким температурам в банях [14, л. 133]. Так, в муромской общественной бане она составляла только 5 градусов [22, л. 35 об.]. Такие эпизоды даже становились объектом пристального внимания местной прессы. Выражалось это не только в неболь-

ших газетных заметках, но даже в целых фельетонах [28], где какому-нибудь ответственному работнику иронично советовали посетить коммунальную или заводскую баню. Вообще, вопросы, задаваемые населением по поводу работы бань, были частотным явлением, судя по отложившимся в фондах горкомов информациям [16, л. 55 об.].

«Плохо с банями и прачечными, что объясняют недостатком топлива, но в окрестных лесах его полно. Может быть плохо работают руководители – вопрошала работница Сергеева из Вязников» [26, л. 2]. Такое мнение о причинах неудовлетворительной работы банно-прачечного хозяйства было распространено среди населения.

В докладной записке партийного инструктора Муромского горкома отмечалось, что рабочий Боронин одного из заводов полтора месяца не ходил в баню, оброс корой грязи, не имел смены белья и ходил в рабочем костюме. Указывалось, что таких на заводе около десятка, а виновато, по мнению инструктора, руководство завода [20, л. 14].

Непростой была в регионе ситуация с прачечными. В таблице 2 показано положение по региону с учётом многочисленных районов. Здесь обстановка была хуже, нежели в городах. В таблице представлены только те районы области, где вообще имелись бани и(или) прачечные.

В большинстве районов региона бани и прачечные отсутствовали вовсе. Так, ни одной бани общего пользования не было в Александровском, Вичугском, Владимирском, Гаврилов-Посадском, Гусевском, Ивановском, Ильинском, Кадыйском Камешковском, Кинешемском, Ковровском, Кольчугинском, Комсомольском, Курловском, Лежневском, Меленковском, Наволокском, Небыловском, Никологорском, Пестяковском, Пучежском, Родниковском, Савинском, Селивановском, Собинском, Сокольском, Струнинском, Судогодском и Шуйском районах. В этих же районах отсутствовали прачечные, что сильнее влияло на быт населения, т. к. вело к дополнительным усилиям в вопросах стирки белья. Как видно из таблицы выше, прачечных не было и в ряде других районов. В таком случае у местного населения была возможность воспользоваться только ведомственными банями и прачечными, если таковые имелись на их предприятиях,

либо реализовывать свою потребность самостоятельно. Например, через собственные бани, если таковые имелись или через родственников и соседей. В сельской местности данная проблема несколько упрощалась, поэтому логично отсутствие бань и прачечных во многих районах, где большинство жило в деревнях, но в то же время жителям городов в этом случае приходилось нелегко.

В случаях отсутствия или нехватки бань и прачечных даже в условиях войны были попытки, правда не всегда удачные открыть эти бытовые заведения. Так, общественная прачечная появилась в Муроме [21, л. 79], хотя здесь же завод им. Компартии Франции, не имевший прачечной, проблему с ней решить не мог, что приводило к ухудшению санитарной обстановки на предприятии [20, л. 13].

Из-за загруженности прачечных обслуживанием воинским частям лечебные и детские учреждения зачастую надолго были лишены такого вида услуг. Отсутствие мыла было обыденным не только для местного населения, но и в прачечных. Следствием этого было непростиранное бельё [18, л. 12].

В Александрове за неимением прачечной у горкомхоза стирка и починка белья шла в прачечной Коммунального треста [17, л. 1]. То есть, в некоторых случаях местные власти пытались разрешить банно-прачечный вопрос, но усилий в этом направлении явно было недостаточно.

Негодные бытовые условия, в том числе отсутствие возможностей помывки и стирки белья, приводили к нарушениям работниками трудовой дисциплины, что выражалось в невыходах на работу. Такие случаи фиксировались в разных городах региона: Коврове, Вязниках, Владимире. Местные профсоюзные и комсомольские работники нередко не пытались устранить эти сложности жизни трудящихся [23, л. 36].

Улучшение в рассматриваемом в статье вопросе наступало с трудом. 7 июня 1944 г. «Правда» в передовой статье жестко критиковала городские власти за невнимание к благоустройству. Она писала, что среди «градоправителей» наблюдалось довольно распространенное мнение, что в военное время «неизбежно снижение внимания к хозяйству города, к быту горожан, к вопросам коммунального обслуживания населения, к жилищному строительству, к ремонту домов и т. п.

А раз это неизбежно, то можно мириться с дырой в крыше, с разбитым окном, с выщербленной мостовой, с плохой работой водопровода, бани, прачечной, парикмахерской, больницы, трамвая... Почему, например, в Костроме обыкновенная метла стала в военные дни рассматриваться как предмет роскоши? Дворник с метлой – фигура, которую можно видеть лишь в центре города, а в 10 шагах от центра улицы не подметаются» [9, с. 102]. Эта длинная цитата повествует о ситуации в соседней с изучаемыми регионами области. Внимание местных властей к бытовым проблемам трудящихся в годы войны было незначительным, хотя на связь между трудовой деятельностью и бытовыми условиями обращалось внимание регулярно. В том числе это делали высокопоставленные партийные работники региона, однако руководство предприятий обычно не спешило решать бытовые проблемы рабочих и служащих.

Обсуждение и выводы

Исследование состояние банно-прачечного хозяйства во Владимирской и Ивановской области в годы военного лихолетья показывает, что невнимание к этой проблеме было перманентным. В этой связи следует констатировать, что изученные регионы мало чем отличались от других тыловых территорий РСФСР, но при этом через них проходили важные транспортные артерии, а потому неудовлетворительное состояние банно-прачечного хозяйства могло ухудшить санитарную обстановку. Типичными проблемами были нехватка топлива, что влекло невыполнение планов как по баням, так и по прачечным. Кроме того, в течение всей войны остро стоял вопрос с мылом заменой которому была щёлок. Невнимание к банно-прачечному хозяйству со стороны руководства предприятий отражалось на санитарно-эпидемиологической обстановке в регионе. Ситуация в этом направлении не стала в ходе войны критической, но сами бытовые условия, в которых проживала немалая часть городского населения вела к понижению мотивации трудящихся и становилась важной причиной нарушений трудового законодательства, которое как известно в годы Великой Отечественной войны максимально ужесточилось. При этом, ситуация разнилась в зависимости от города, а сельской местности

была примерно одинаковой и в меньшей степени зависела от коммунальных служб.

Список литературы

1. Хисамутдинова Р. Р. Состояние прачечного хозяйства Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1953 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). – 2018. – № 4 (28). DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.18. EDN: YTAZEL

2. Хисамутдинова Р. Р. Состояние банно-прачечного хозяйства Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2 (48). – С. 160–165. EDN: PCUNTP

3. Хисамутдинова Р. Р. Водоснабжение городов Чкаловской (Оренбургской) области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). – 2019. – № 1 (29). DOI: 10.32516/2303-9922.2019.29.14. EDN: AOZQGC

4. Рапохин К. И. Города Челябинской области в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 9 (224). – История. Вып. 44. – С. 68–73. EDN: NXQGKB

5. Красноженова Е. Е. Бытовое обслуживание населения Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 5 (9). – URL: <http://human.snauka.ru/2012/05/1200>. EDN: SELUUB

6. Данилов В. Н. Социально-бытовые проблемы населения Саратова и пути их решения в период Великой Отечественной войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20. Вып. 2. – С. 265–272. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-265-272>. EDN: QVWQZJ

7. Головань Н. С. Жилищно-бытовые условия городского населения Кузбасса (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). – Т. 4. – С. 17–20. EDN: TXHQNV

8. Кабинова А. Ш. «Никаких улучшений в работе городского хозяйства нет» (коммунальная инфраструктура городов ТАССР в период Великой Отечественной войны) // Эхо веков. – 2015. – № 1–2. – С. 172–180. EDN: UERSHD

9. Волкова Е. Ю., Волков Г. Ю. Бытовые проблемы жителей тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 97–103. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103. EDN: GPKHQL

10. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 830. Оп. 1. Д. 157.

11. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. документов и материалов. М.: Политиздат, 1977. 575 с.

12. ГАВО. Ф. Р. – 1092. Оп. 7. Д. 46.

13. ГАВО. Ф. Р. – 1092. Оп. 11. Д. 3.

14. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 1. Д. 44.

15. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 63. Д. 33.

16. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 1. Д. 113.

17. ГАВО. Ф. П. – 119. Оп. 3. Д. 131.
18. ГАВО. Ф. П. – 495. Оп. 1. Д. 118.
19. ГАВО. Ф. П. – 495. Оп. 1. Д. 121.
20. ГАВО. Ф. П. – 495. Оп. 1. Д. 148.
21. ГАВО. Ф. П. – 495. Оп. 5. Д. 67.
22. ГАВО. Ф. П. – 495. Оп. 5. Д. 140.
23. ГАВО. Ф. П. – 791. Оп. 1. Д. 58.
24. ГАВО. Ф. П. – 791. Оп. 1. Д. 80.
25. ГАВО. Ф. П. – 791. Оп. 1. Д. 113.
26. ГАВО. Ф. П. – 791. Оп. 63. Д. 20.
27. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П. – 327. Оп. 7. Д. 1170.
28. Муромский рабочий. 1943. 12 февраля.

Bath and Laundry Facilities in Vladimir and Ivanovo Regions During the Great Patriotic War

Ilja S. Tryakhov

Study of the bath and laundry facilities' activities during the Great Patriotic War aims to fill in the scientific and historical lacuna regarding the studied regions and to conduct comparative analysis of the situation in this area with other rear regions. Few studies on this issue made it possible to identify similar trends in different regions of the country from Eastern Siberia and the Urals to the Middle Volga region and the Northwest, and therefore the task of the article is also to identify the specifics of two regions of the Upper Volga Region. Materials from regional archives, extracted mainly from party funds, were used in the work. During the study the main difficulties and shortcomings in the work of baths and laundries in the region were identified, as well as the importance of this area for the sanitary and epidemiological situation was shown. Attention is drawn to the fact that this branch of consumer services was considered by the local leadership as insignificant, and therefore it was not given due attention, and this trend, characteristic of other rear regions, fully manifested itself in Vladimir and Ivanovo regions. The failure of the baths and laundries to comply the plans issued by the local authorities was due to a chronic shortage of fuel, relatively worn-out equipment, as well as a shortage of personnel. All these problems were commonplace for other sectors of the housing and communal services.

Key words: The Great Patriotic War, baths, laundries, everyday life, household services, sanitary and epidemiological situation.

For citation: Tryakhov, I. S. (2024) Banno-prachechnoye khozyaystvo Vladimirskoy i Ivanovskoy oblastey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Bath and Laundry Facilities in Vladimir and Ivanovo Regions During the Great Patriotic War]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 47–60. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_47. EDN: CSSHPE

References

1. Khisamutdinova, R. R. (2018) *Sostoyaniye prachechnogo khozyaystva Chkalovskoy (Orenburgskoy) oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoyennyy period (1941–1953 gg.)* [The state of the laundry industry in the Chkalovsk (Orenburg) region during the Great Patriotic War and in the post-war period (1941–1953)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. No. 4 (28). DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.183. (accessed 02.28.2024). (In Russ.)
2. Khisamutdinova, R. R. (2007) *Sostoyaniye banno-prachechnogo khozyaystva Yuzhnogo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The state of the bath and laundry facilities of the Southern Urals during the Great Patriotic War]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University]. No. 2 (48). Pp. 160–165. (In Russ.)
3. Khisamutdinova, R. R. (2019) *Vodosnabzheniye gorodov Chkalovskoy (Orenburgskoy) oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Water supply to the cities of the Chkalovsk (Orenburg) region during the Great Patriotic War]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal (Online)*. [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal (Online)]. No. 1 (29). DOI: 10.32516/2303-9922.2019.29.14 (Date of access: 02.28.2024). (In Russ.)
4. Rapokhin, K. I. (2011) *Goroda Chelyabinskoy oblasti v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gody)* [Cities of the Chelyabinsk region in the conditions of the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Bulletin of the Chelyabinsk State University. History]. No. 9 (224). Vol. 44. Pp. 68–73. (In Russ.)
5. Krasnozhenova, E. E. (2012) *Bytovoye obsluzhivaniye naseleniya Nizhnego Povolzh'ya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Household services for the population of the Lower Volga region during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya* [Humanitarian research]. No. 5 (9). Available at: <http://human.snauka.ru/2012/05/1200> (Accessed 02/28/2024). (In Russ.)
6. Danilov, V. N. (2020) *Sotsial'no-bytovyye problemy naseleniya Saratova i puti ikh resheniya v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Social and everyday problems of the population of Saratov and ways to solve them during the Great Patriotic War]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [News of Saratov university. New series. History Series. International relationships]. Vol. 20. Iss. 2. Pp. 265–272. DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-2-265-272. (In Russ.)
7. Golovan', N. S. (2015) *Zhilishchno-bytovyye usloviya gorodskogo naseleniya Kuzbassa (1941–1945 gg.)* [Housing and living conditions of the urban population of Kuzbass (1941–1945)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. No. 2 (62). Vol. 4. Pp. 17–20. (In Russ.)
8. Kabirova, A. Sh. (2015) «Nikakikh uluchsheniy v rabote gorodskogo khozyaystva net» (komunal'naya infrastruktura gorodov TASSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny) [“There are no improvements in the work of the municipal economy” (municipal infrastructure of the cities of the TASSR during the Great Patriotic War)]. *Eho vekov* [Echo of centuries]. No. 1–2. Pp. 172–180. (In Russ.)
9. Volkova, E. Yu., Volkov, G. Yu. (2020) *Bytovyye problemy zhiteley tylovykh regionov Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Everyday problems of residents of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University]. 2020. Vol. 26. No. 2. Pp. 97–103. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103. (In Russ.)
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (hereinafter – GAVO)* [State Archive of the Vladimir Region]. F. P. 830. Op. 1. D. 157.
11. *Zdravookhraneniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945: sb. dokumentov i materialov* (1977). [Healthcare during the Great Patriotic War. 1941–1945: Collection of documents and materials]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
12. GAVO. F.R. – 1092. Op. 7. D. 46.
13. GAVO. F.R. – 1092. Op. 11. D. 3.

14. GAVO. F.P. – 116. Op. 1. D. 44.
15. GAVO. F.P. – 116. Op. 63. D. 33.
16. GAVO. F.P. – 116. Op. 1. D. 113.
17. GAVO. F.P. – 119. Op. 3. D. 131.
18. GAVO. F.P. – 495. Op. 1. D. 118.
19. GAVO. F.P. – 495. Op. 1. D. 121.
20. GAVO. F.P. – 495. Op. 1. D. 148.
21. GAVO. F.P. – 495. Op. 5. D. 67.
22. GAVO. F.P. – 495. Op. 5. D. 140.
23. GAVO. F.P. – 791. Op. 1. D. 58.
24. GAVO. F.P. – 791. Op. 1. D. 80.
25. GAVO. F.P. – 791. Op. 1. D. 113.
26. GAVO. F.P. – 791. Op. 63. D. 20.
27. *Gosudarstvennyy arkhiv Ivanovskoy oblasti (hereinafter – GAIO)* [State Archive of the Ivanovo Region]. F. P. – 327. Op. 7. D. 1170.
28. *Muromskiy rabochiy* (1943) [Murom worker. February 12].

Об авторе

Тряхов Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация; e-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6488-5205

About the author

Tryakhov Ilya S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vladimir State University named after Aleksandr and Nikolay Stoletovy, Vladimir, Russian Federation; e-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6488-5205

Статья поступила в редакцию 16.03.2024
Одобрена после рецензирования 13.04.2024
Принята к публикации 25.04.2024

«Помни имя свое»: антропонимия и Великая Отечественная война

Е. В. Дианова

В статье рассматривается совокупность имен (антропонимия), возникшая в годы Великой Отечественной войны. Актуальность определяется исторической памятью народа, 80-летним юбилеем со дня полного снятия блокады Ленинграда и грядущим юбилеем Великой Победы. Цель состоит в том, чтобы проследить изменения личных именований в силу трагических обстоятельств военных лет. В качестве источников использованы воспоминания и документальные повести людей, прошедших суровые испытания. Это повесть Тамары Цинберг, пережившей блокаду Ленинграда. Это сведения о детском доме в Ташкенте, куда привозили эвакуированных малышей и давали им часто новые имена и фамилии. Это документальные свидетельства о детях, прошедших ад фашистских концлагерей и потерявших там родных матерей, но нашедших после войны приемных родителей и получивших от них новые имена. Это книга детской писательницы Агнии Барто, которая на протяжении многих лет вела передачу на радио «Маяк» по розыску детей и их родственников, разлученных во время войны. В данных изданиях нашлись сведения о людях, которые благодаря поискам не только встретились со своими родными, но и узнали свои личные именования, данные им от рождения.

Ключевые слова: антропонимия, имена, фамилии, Великая Отечественная война, поиск.

Для цитирования: Дианова Е. В. «Помни имя свое»: антропонимия и Великая Отечественная война // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 61–82. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_61. EDN: DNSPPP

Введение

Великая Отечественная война оказала большое влияние на повседневную жизнь людей, их судьбы, в том числе на их личные именованья. Актуальность исследования определяется необходимостью сохранения исторической памяти народа, 80-летним юбилеем со дня полного снятия блокады Ленинграда и грядущей 80-летней годовщиной Великой Победы. Актуальность исследования можно рассматривать в рамках военно-исторической антропологии, с точки зрения «человеческого измерения войн», а именно сейчас военно-историческая антропология «востребована не только в научном, но в первую очередь в общественно-политическом контексте» [1, с. 51].

В изучение советской антропонимики большой вклад внесли В. Д. Бондалетов [2], В. А. Никонов [3], А. В. Суперанская [4], А. В. Суслова [5] и другие ученые. Их интересовали способы создания новых антропонимов и ономастические инновации в первые десятилетия советской власти, антропонимические процессы послевоенного периода. Об имяназвании во время Великой Отечественной войны упоминал В. А. Никонов в связи с модой на необычные имена-неологизмы, сохранявшейся даже в военные годы [6, с. 37]. Архивные материалы загсов, работавших в тыловой части страны в 1941–1944 гг., могут дать интересные сведения о наиболее популярных и редких именах, которые выбирались в то время для мальчиков и девочек.

Дети, появившиеся на свет на оккупированной врагом территории, возможно, записывались в приходские книги (в том случае, если в той местности была открыта церковь) или ставились на учет в комендатуре. Однако, как показывают исследования, оформление младенцев осуществлялось не везде. Так, в Витебске в период оккупации (11 июля 1941–26 июня 1944 гг.) прекратилась регистрация новорожденных и возобновилась только после освобождения в 1944 г. Органы ЗАГС Витебска сделали 958 актовых записей с выдачей свидетельств о рождении в период 1941–1944 гг. 487 мальчиков и 471 девочки. Для наречения 487 мальчиков использовано 65 имен, из них чаще всего встречались Виктор, Александр, Николай, Владимир [7, с. 92].

Научная концепция данного исследования исходит из влияния войны на все стороны жизни общества в целом и отдельного человека в частности, в том числе на такую сугубо приватную сфе-

ру, как личное именование (фамилия, имя, отчество). Научная новизна исследования состоит в осмыслении трансформации антропонимических процессов в русле военно-исторической антропологии, выявлении случаев изменения личных именований во время Великой Отечественной войны с учетом их реактуализации в послевоенный период. Цель работы состоит в том, чтобы проследить антропонимические процессы военных лет, когда происходила часто вынужденная (в силу различных обстоятельств) смена имен и фамилий. Для достижения цели следует найти примеры трансформации антропонимов и конкретные факты, подтверждающие смену личных именований взрослых и детей во время Великой Отечественной войны, случаи утраты, забывания (деактуализации) и возвращения (реактуализации) или невозвращения настоящих имен и фамилий.

В качестве источников использованы воспоминания участников войны, например, мемуары «Четыре года войны» Героя Советского Союза генерала армии А. С. Жадова [8]; записки бывших узников концлагерей «В фашистских застенках» [9] и свидетельства жителей Белоруссии, побывавших в Освенциме [10]. Нужно назвать очерк М. Самариной об узнице Аушвица Н. С. Гусевой, после войны принимавшей активное участие в поисках пропавших детей и восстановлении их имен [11], а также воспоминания о А. И. Хлебушкиной, директоре детского дома в Ташкенте, куда привозили малышей, получивших новые имена и фамилии вместо забытых ими именований [12]. Для выявления фактов имянаречения привлекались документальные повести С. А. Алексиевич «Последние свидетели: книга недетских рассказов» [13] и «Последние свидетели: соло для детского голоса» [14]. На основе журналистских расследований созданы произведения И. И. Ирошниковой, вошедшие в сборник «Избранное», в том числе повести «Здравствуйте, пани Катерина!» [15] и «Эльжуна» [16]. В них зафиксированы документальные свидетельства о детях, потерявших родных в фашистских концлагерях и взятых после освобождения приемными родителями. Важным источником стала книга Агнии Барто «Найти человека» [17] о поисках людей, разлученных во время войны, забывших или изменивших свои имена.

Следует упомянуть повесть «Седьмая симфония» [18] писательницы Тамары Цинберг, пережившей блокаду Ленинграда.

Использование художественной литературы и документальных повестей в качестве источника дает возможность выяснить мысли, чувства, переживания людей, связанные с их личными именованиями. Сухие делопроизводственные документы ЗАГС лишь фиксировали присвоение / изменение имени или фамилии, но не отношение их носителей к реактуализации прежних или присвоению новых антропонимов.

Важные историко-культурные маркеры содержат военные кинокартины, среди них фильм «Зимнее утро»¹ (1966), снятый по мотивам повести Т. С. Цинберг «Седьмая симфония», а также художественный фильм «Помни имя свое»² (1974), основанный на реальных событиях. Визуальные источники раскрывают некоторые обстоятельства, не получившие должного отражения в повествовательных текстах.

Обращением к различным источникам (документам личного происхождения, художественной литературе, кино) определило междисциплинарный характер исследования. В работе над статьей использовались общие и частные методы гуманитарных наук (исторический нарратив, историко-сравнительный метод; анализ визуальных источников; анализ художественных текстов с целью выявления именований, подвергшихся полному или частичному изменению).

Примеры присвоения новых фамилий в годы войны

Во время работы над статьей встречались примеры смены личных именований взрослых людей. В годы Великой Отечественной войны был один исключительный случай, когда поменять фамилию пришлось по инициативе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Генерал Алексей Семенович Жадов (до 25 ноября 1942 г. – Жидов), будучи командующим 66-й армии во время Сталинградской битвы, сменил фамилию по желанию И. В. Сталина.

В мемуарах «Четыре года войны» Герой Советского Союза генерал армии А. С. Жадов описал, как это произошло. Поздно вечером 24 ноября 1942 г. командующий фронтом К. К. Рокоссовский, заслушав доклад генерала Жидова по итогам боев

¹ «Зимнее утро» (1966) [Электронный ресурс]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/45354/?utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 14.04.2023).

² «Помни имя свое» (1974) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/43118/?ysclid=ltcy9n58pa745172295> (дата обращения: 03.03.2024).

за прошедший день, сообщил тому, что «Васильев (псевдоним И. В. Сталина) очень доволен действиями 66-й армии», однако ему не понравилась фамилия Жидов. Сталин просил передать генералу его пожелание изменить фамилию и к утру 25 ноября 1942 г. доложить о своем решении.

Безусловно, «задача была поставлена непростая и необычная»: «Поменять фамилию, с которой родился, прожил почти полжизни!». Но для генерала «пожелание Верховного – больше, чем пожелание. Это приказ!».

Жидов рассказал о состоявшемся разговоре члену Военного совета генералу А. М. Кривулину и начальнику штаба генералу Ф. К. Корженевичу. После некоторого раздумья начальник штаба генерал Ф. К. Корженевич предложил сохранить фамилию в своей основе и заменить лишь букву «и» на букву «а». Его предложение пришлось Алексею Семеновичу по душе. В донесении, направленном утром 25 ноября 1942 г. командующему фронтом, он просил впредь его фамилию читать – Жадов. Через несколько дней Жадову вручили резолюцию Верховного Главнокомандующего: «Очень хорошо. И. Сталин» [8, с. 61].

Во время Великой Отечественной войны новые фамилии давали людям, потерявшим память и оставшимся без документов. Писатель В. А. Каверин служил военкором «Известий» на Севере. В романе «Наука расставания» (1983), основанном на подлинных событиях, происходивших на Северном флоте, изложил драму командира подлодки Александра Мещерского. Во время морского боя, когда подводную лодку немцы закидали бомбами, он был тяжело ранен, попал в плен, оказался в Норвегии. Боевой капитан подлодки потерял память и оказался человеком без имени и фамилии. Когда советские войска взяли город Киркенес, его переправили в госпиталь на Урал. В госпитале ему дали новую фамилию, имя и отчество – Неизвестный Павел Павлович [19].

Иные, новые именованья получали не только взрослые люди, но и дети. В блокадном Ленинграде работники комиссии по спасению малолетних детей, оставшихся по разным причинам без родителей, всех найденных ребят, не помнящих своих имен, оформляя, называли Наташами – девочек и Сашами – мальчиков. Может быть, поэтому имена Наташа и Саша так легко разошлись после войны по всей стране [20, с. 125].

В повести «Седьмая симфония» (1964) Тамары Цинберг описывается жизнь девочки Кати Никаноровой в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г. Она осталась сиротой, отец погиб на фронте в ноябре 1941 г., мать умерла от голода. Дом, в котором она жила, был разбомблен. Управхоз Анна Васильевна в начале налета вражеской авиации передала Кате найденного в чужой пустой квартире мальчика и заставила ее вместе с ним спуститься в бомбоубежище. Дети спаслись, а Анна Васильевна погибла. Так Катя осталась с ребенком на руках, не узнав его имени и фамилии. Мальчика звали Митя Воронов, его мать, бросив дитя, уехала в эвакуацию по «дороге жизни» (в фильме «Зимнее утро» показано, что она погибла во время обстрела). Отец Алексей Воронов сражался на Ленинградском фронте, на Невской Дубровке.

После отбоя воздушной тревоги девочка обратилась в жилищную контору с просьбой подыскать им новое жилье. Она показала управхозу Антону Ивановичу свою метрику: «Никанорова, Екатерина Дмитриевна... Год рождения: Тысяча девятьсот двадцать восьмой. Двенадцатого числа... февраля месяца. Место рождения – Ленинград. Отец – Никаноров. Дмитрий Александрович. Мать... Никанорова. Елена Николаевна» [18, с. 34]. Когда управхоз Антон Иванович попросил «братнину метрику», «Катя смущенно опустила глаза и тут, прямо перед собой, увидела свою “Анну Каренину”, лежащую на столе. Быстро подняв голову и смело глядя на управхоза, она сказала уверенно: Его зовут Сережа.

Управхоз был далек от мысли, что тут что-нибудь неладно. Он спокойно писал, заглядывая в только что сделанную им запись.

– Так. Стало быть, Никаноров. Сергей Дмитриевич.

Год рождения – тысяча девятьсот тридцать девятый, – продолжал писать управхоз. – Какого числа?

– Что какого числа?

– Какого числа родился, ну, день рождения когда?

Катя молчала. Взгляд ее рассеянно скользил по грязным стенам, увешанным старыми плакатами, какими-то пожелтевшими объявлениями и сводками.

“Да здравствует Первое мая, международный праздник трудящихся!”. Этот старый порванный плакат, косо висящий как раз над головой управхоза – словно ободряющий оклик из далекого,

ясного, довоенного мира. Слова “Первое мая” были написаны на красном флаге.

– Первое мая, – сказала Катя неожиданно звонким голосом.

– Первого числа, – писал управхоз. – Мая месяца. Место рождения Ленинград. Отец... Так. Мать... Ну, вот и все, – заявил он с облегчением» [18; с. 35–36].

По новым документам Митя – Дмитрий Алексеевич Воронов – стал Сережей – Сергеем Дмитриевичем Никаноровым. В домовую книгу управхоз записал сведения о детях и выделил им комнату в пустой квартире в Новой Коломне.

В повести описывается случайная встреча Алексея Воронова с сыном в марте 1942 г. Воронов уехал из города еще до начала войны, в конце апреля 1941 г. Он «уехал в командировку, веселый, полный всевозможных планов, уверенный, что через два месяца он снова вернется в Ленинград. А через два месяца он уже воевал, уйдя на фронт в первый же день войны из Петрозаводска, где был в командировке» [18, с. 50].

Под звуки Седьмой симфонии Бетховена, доносившейся из уличного репродуктора, Алексей Воронов дошел до своего дома, но увидел только развалины. Вскоре начался обстрел. Воронова отвели под арку, где стояла Катя. Вместе они проходными дворами прошли к квартире, где их встретил мальчик Сережа (Митя). «Воронов положил свою большую руку на белокурую головку сына. Он не узнал его, да и не мог узнать. Больше года назад, уезжая в командировку, он оставил его толстым, веселым, румяным малышом. Сейчас перед ним стоял трехлетний, худой как щепочка, мальчик, вовсе не похожий на того пухлого малыша. А главное – ведь он был уверен, что ребенок его погиб» [18, с. 91]. В финале фильма «Зимнее утро» перед отправкой на фронт Воронов узнает в малыше Сереже своего сына по произнесенной им домашней присказке: «Митя – Митрий – Дмитрий хитрый»¹.

В пьесе «В день свадьбы» Виктора Розова приводится пример, как давали фамилии ленинградским детям, потерявшим родителей. Главный герой пьесы Михаил Заболотный, отвечая на вопрос: «А фамилия твоя от кого пошла, не знаешь?», говорит: «Из Ленинграда нас в сорок втором вывезли. Нас,

¹ «Зимнее утро» (1966) [Электронный ресурс]. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/45354/?utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 14.04.2023).

говорят, когда из Ленинграда вывозили, бомбили сильно, поубивали много. А кто остался, лесами да болотами выводили. Четырнадцать детей, говорят, осталось. Нашли за болотами без единого взрослого, поубивало их. Так всех нас и окрестили Заболотными» [21, с. 344].

В 1942 г. группу изможденных детей-сирот из блокадного Ленинграда, приняла заведующая детским домом № 22 города Ташкент Узбекской ССР Антонина Ивановна Хлебушкина (1914–1995). В детском доме № 22 воспитывалось более 4 тысяч детей сорока национальностей. Каждого ребенка Антонина Ивановна знала по имени. «Сколько добра должна была излучать эта женщина, сколько силы и душевного тепла, чтобы согреть множество осиротевших детских сердец!» [12, с. 90].

Воспитанники детского дома называли ее мамой. Более сорока малолетних сирот взяли фамилию А. И. Хлебушкиной. Антонина Ивановна Хлебушкина награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1987 г., за большие заслуги в коммунистическом воспитании, обучении, гражданском становлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ей присвоено звание Герой Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Член Президиума Правления Советского детского фонда имени В. И. Ленина, Заслуженный учитель школы Узбекской ССР, Лауреат премии Ленинского комсомола (1986), Лауреат Международной Премии и золотой медали имени Льва Толстого Советского детского фонда имени В. И. Ленина (1987)¹.

Потерявшихся детей находили в поле, в лесу, на дорогах, среди развалин разрушенных домов. Агния Барто в книге «Найти человека» рассказывает: «Во время наступления наши бойцы отбили у врага деревню. Там ни одной живой души. Все сожжено и разрушено. Уцелел только один дом. Он стоит целехонек, бросается в глаза среди пожарища. Группа бойцов устремляется в дом. В полупустой комнате на полу, привязанная к ножке стола, сидит девочка лет трех. Она почти без сознания. Бойцы бросаются к ней, хотят освободить ее, взять на руки.

¹ Герой Социалистического Труда Хлебушкина Антонина Ивановна [Электронный ресурс]. URL: https://war-heroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=13189 (дата обращения: 14.04.2023).

– Стой! Она заминирована! – раздается крик. Минер опытным глазом увидел провода ...

Девочку спасли. Солдаты дали ей имя и фамилию – Мария Минина. И отправили ее в тыл» [17; с. 248–249].

Найденные чужими людьми совсем маленькие дети не могли сказать, где и когда родились, как зовут их родителей. Таких детей, «испуганных, растерянных приводили в детские приемники, и часто они даже фамилию свою не могли назвать» [17, с. 8]. Жительница Москвы, бывшая воспитанница детского дома, помнила, где ее нашли, как она получила свою фамилию:

«Подобрали меня в Москве на Северном вокзале.

– Как зовут? – спросили в детдоме.

– Мариночка.

– А фамилия?

– Фамилии не помню...

Записали Марина Северная» [14; с. 69–70].

Агния Барто в книге «Найти человека», написанной на основе реальных фактов, приводит немало примеров имянаречения. Так, на радиостанцию «Маяк» пришло «невероятное письмо от Анны Карениной: “Я, Каренина Анна Аркадьевна, была найдена в Харькове, воспитывалась в детском доме...”. Видимо, какой-то не в меру рьяный любитель литературы дал девочке полное имя героини романа Толстого» [17, с. 30].

Удивительна судьба Народной артистки Российской Федерации (1998) Нины Ивановны Руслановой (1945–2021). В конце зимы 1945/1946 года в городе Богодухове была найдена двухмесячная девочка, определенная в детский дом. Возможно, там ей дали имя Нина в честь святой равноапостольной Нины (день ангела – 27 января). Отчество Ивановна тоже дали в детском доме. Фамилию Русланова дала ей инспектор детских домов Харьковской области. Сама Нина Ивановна вспоминает этот эпизод: «Пришла инспектор детских садов, такая, очень уважаемая, великая женщина, очень солидная такая, с большой коробкой шоколадных конфет. Я их, конфеты, до того не пробовала, даже не видела таких, да и после этого она, коробка, тут же исчезла, я даже попробовать не успела. Потом она меня спрашивает: «Девочка, как тебя зовут?», я отвечаю на украинском (я разговаривала тогда только на украинском): «Ніна», – «А фамилия у тебя какая?», – «Не знаю, немає в мене

фамилии», – «Вот запомни, девочка, что фамилия у тебя теперь будет Русланова, есть такая известная певица». И я думаю, – продолжает Нина Ивановна, – что это её дар, талант ее (Руслановой) передался мне по жизни... День рождения – 5 декабря 1945 года (среда) – выбрала также сама, поскольку в СССР это был выходной день – День Сталинской Конституции, в который устраивались импровизированные концерты и в детском доме относительно вкусно кормили»¹.

Основой присвоения новых имен и фамилий воспитанникам детдомов подчас являлись случайные факты: место обретения потерявшихся детей (вокзал), особенности местности. Нередко дети получали фамилии известных людей или заведующих детскими учреждениями, героев литературных произведений.

«Помни имя свое»

В заголовок статьи включено название фильма «Помни имя свое» (1974) режиссера Сергея Колосова, снятого на киностудиях «Мосфильм» (СССР) и «Иллюзион» (ПНР). В основу фильма положена реальная, полная драматизма история русской женщины, разлученной в Освенциме со своим малышом. Пройдя через все муки фашистского ада, она, наконец, находит сына, которого спасла польская женщина². Главная героиня фильма Зинаида Воробьева (в исполнении Людмилы Касаткиной) в лагере постоянно напоминала маленькому сыну: «Запомни, тебя зовут Гена Воробьев, твоя Родина – Советский Союз!». Однако детей насильно разлучили с матерями. Пребывая в полной неизвестности, мать считала своего сына погибшим. Спустя 20 лет она увидела по телевизору кинохронику об освобождении узников концлагеря Освенцим, в кадрах документального фильма среди детей она узнала своего сына Гену.

Действительно, в одном городе имел место случай, когда «в кинотеатре показывали давнюю кинохронику – кадры, заснятые сразу же после освобождения Освенцима Красной Армией. В полосатой арестантской одежде, накрываясь рваниной от жгучего январского ветра, за браму – ворота – лагеря выходили полуживые люди. Поддерживали друг друга. Несли на носилках

¹ Нина Русланова [Электронный ресурс]. URL: <https://ulin.ru/art/actor/lead/nina-ruslanova/> (дата обращения: 03.03.2024).

² «Помни имя свое» (1974) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/43118/?ysclid=ltcy9n58pa745172295> (дата обращения: 03.03.2024).

тех, кто не мог идти. Шли дети. Все уже пережившие, безразличные ко всему. Шли! И, глядя в притихший, настороженный полумрак зрительного зала, привычно, на ходу обнажали ручки с выколотыми на них номерами...» [15, с. 279].

И вдруг в зале раздается «отчаянный женский вскрик. Вырвавшись из рядов, выбегает к экрану женщина (Зинаида Чивилева). Протягивает к экрану руки, будто хочет остановить, удержать... Так среди освобожденных детей Освенцима Чивилева увидела свою Людочку. Механик четыре раза подряд прокручивал эти кадры. Четыре раза подряд проходили перед зрительным залом дети. И Людочка Чивилева среди них. Четыре раза видели зрители, как в следовавшем за этим кадром Людочку уносила советская медсестра...» [15; с. 279–280].

При съемках фильма «Помни имя свое» режиссеру С. Н. Колосову неоценимую помощь оказала Надежда Тимофеевна Цветкова. Ее муж, бывший работник Минского горкома партии и подпольщик, погиб в минской тюрьме гестапо, а в 1942 г. за связь с минским подпольем была арестована и сама Цветкова. В декабре 1943 г. ее отправили вместе с другими заключенными тюрьмы гестапо в Освенцим (Аушвиц). При эвакуации лагеря в Германию 23 января 1945 г. Цветковой удалось бежать. В польском местечке Горный Ящемб ее спрятала крестьянка Анна Кочур. 24 марта 1945 года туда вошли советские войска [9; с. 105, 110]. После окончания войны Н. Т. Цветкова вернулась в Минск, нашла своих дочерей, написала воспоминания «900 дней в фашистских застенках», впервые изданные вместе с записями Зинаиды Лишаковой «В аду Освенцима» в 1953 г. Н. Т. Цветкова стала заниматься поиском бывших узниц и их детей. Некоторые малолетние узники даже с измененными именами и фамилиями находили своих родственников.

Большую работу по розыску детей проводила учительница Нина Савельевна Гусева. Она прошла через немецкий плен и каторжные работы в нацистских концлагерях Аушвиц – Биркенау и Равенсбрюк. В Освенциме Н. С. Гусева спасла одну девочку от неминуемой смерти. Это была Людочка Безлюдова, «крохотная девчушка, такая прозрачная от истощения, что казалось, просматривались косточки». В лагере «спала Людочка на нарах вместе с Ниной Савельевной» [16, с. 35]. После войны Н. С. Гусевой «хотелось ее найти, чтоб уж больше не разлучаться». И вот

когда Людмила отыскалась, она подарила ей фотографию. «Девичье милое лицо. На обороте надпись: «Дорогой и любимой тете Нине» и дата – июль 1962 года» [16, с. 34]. В Польше девочка из Белоруссии обрела новое имя и другую фамилию – Хана Косиньская. А «в 1963 году девушка разыскала в Орше свою мать, братьев и сестер, с которыми была разлучена в Майданеке, (отца малышки казнили в Борисове), но Людмила Безлюдова (Хана Косиньская) все же осталась в Польше» [11].

Истории возвращенных детей родным матерям широко освещались в прессе. Каждая – отдельный случай, который дарил надежду тем, кто долгие годы не мог найти родных людей. Так, жительница Минска Зинаида Георгиевна Муравьева, бывшая узница Освенцима, еще в 1953 г. обратилась за помощью к Н. Т. Цветковой с просьбой найти ее сына Геннадия Павловича Муравьева. В 1943 г., когда за связь с партизанами их вывезли с Витебщины в Освенцим, ему было всего четыре годика, на его ручке был выбит номер 149850 [10, с. 257].

В 1963 г. Зинаида Георгиевна Муравьева встретила с Людмилой Безлюдовой, теперь уже Ханной Косиньской, и попросила помочь отыскать ее Гену. После встречи, посвященной 20-летию освобождения Освенцима, Людмила написала З. Г. Муравьевой, что встретила в Польше молодого человека по имени Эугениуш Грущинский, на руке которого был выбит номер 149850. И восьмерка, как она и говорила, выбита криво. За эти 20 лет, что З. Г. Муравьева вела поиски, ее сын Геннадий Муравьев, теперь уже Эугениуш Грущинский, вырос, получил образование, стал доктором наук, а его мать Зинаида Георгиевна Муравьева воспитала в Минске дочерей умершей сестры [22]. Эта история была положена в основу фильма «Помни имя свое».

Поискам по лагерному номеру разлученной с матерью девочки посвящена документальная повесть И. И. Ирошниковой «Здравствуйте, пани Катерина!». В 1960-е гг. по польскому радио передали письмо Катерины Романовны Климушиной, белорусской женщины, которая с малолетними детьми стала узницей концлагеря Освенцим. Она разыскивала свою утерянную дочь Татьяну, на руке у которой был выколот номер 77362. Передачу услышала жительница Кракова Кристина Станкевич, у ее приемной дочери Зоси на руке имелся тот же номер, но письмо,

которое Зося услышала по радио, «оказалось для нее очень тяжелым переживанием» [15; с. 336, 337].

Сначала семьи обменялись письмами. Письмо Зоси начиналось словами: «Здравствуйте, пани Катерина!». Через некоторое время Зося и Кристина Станкевич приехали в Советский Союз на встречу с родственниками в город Оцк (Полоцк?). Брат Анатолий «все не может привыкнуть к тому, что сестренку его теперь называют Зосей. И упорно зовет ее, как в детстве – Татьянкой». Катерина Романовна испытывала к Кристине «сложное чувство». Конечно, «ей она обязана тем, что Татьяна ее жива. Попади ее дочка после Освенцима в другие руки, не в материнские руки Кристины, может, и не осталась бы жива» [15, с. 227]. Однако трудно было осознать, что для ее родной дочери Татьяны матерью стала совершенно чужая женщина, но для Кристины Станкевич «Зося – Зофия Станкевич – гражданка Польской Народной Республики – единственное, нежно любимое дитя» [15, с. 378].

По лагерному номеру был найден еще один малолетний узник Освенцима – Лютик (Луцеев) Степан Васильевич (1940 г. р.). Он, как и многие его земляки из Грязи Куринского сельсовета, за связь жителей деревни с партизанами был схвачен гитлеровцами и брошен за колючую проволоку. В Освенциме он получил татуировку с номером 149743. Мать сожгли в крематории, отец погиб на фронте. От верной гибели мальчика спасли двоюродные братья Петр и Леонид Кобелевы. Детей переводили из одного лагеря в другой, сначала из Освенцима в Потулице, где надзирательница не могла правильно выговорить его фамилию и вместо «Луцеев» произносила «Лютик». Потом малышей перевезли в лагерь Константынув-Тухинген. В списках малолетних узников, а затем в списке воспитанников киевского детского дома Степан Луцеев значился под фамилией Лютик. Вернувшиеся на родину братья Кобелевы решили отыскать брата, однако поиски были безрезультатными до тех пор, пока им кто-то не подсказал искать брата по лагерному номеру. И через некоторое время Степан Лютик (Луцеев) откликнулся [15; с. 233–235].

В Государственном музее в Освенциме хранилась картотека с именами и фамилиями детей, получивших приют в польских семьях в Шленске, в Забже или Катовицах. Например, карточка: «Анджей П. Год рождения (условно) 1938-й. Студент строительного техникума в Варшаве. Воспитывался в шахтерской семье.

На этой карточке от руки была сделана маленькая приписка: «Настоящее имя Николай. Фамилия – Кузнецов. Русский. В Советском Союзе отыскалась мать». Или вот другая карточка: «Галина Марцыняк. В Освенциме ей было два года (условно). Воспитывалась в детдоме. Работает в лаборатории химического завода Освенцима. И снова приписка от руки: «Настоящее имя и фамилия Анна Калманок. Из Белоруссии. В Советском Союзе отыскалась мать»» [14; с. 390–391].

Как видим, набирается много примеров, когда советские дети из концлагерей попадали в польские семьи, где им давали другое имя и другую фамилию. Так, Людмила Бочарова (1940 г. р.) до ареста жила вместе с матерью и старшей сестрой Светланой у бабушки в деревне Прыбытки недалеко от Витебска. Из-за подозрения в связи с партизанами фашисты задержали всех жителей деревни и заключили в витебскую тюрьму. Там сестру Светлану застрелили на глазах у матери. 4 декабря 1943 г. узников тюрьмы повезли в вагонах для скота в Освенцим. В лагере Людочка получила номер 70072, ее мать – 70071. Девочка видела свою мать в последний раз в лагере 18 января 1945 г., когда ее вместе с другими заключенными женщинами отправили на «марш смерти». Сразу после освобождения из лагеря бездетная супружеская пара Рудзиковских удочерила девочку. Теперь ее стали звать Лидия Рудзиковская (Рыдзиковская) [10, с. 118].

Работник Государственного музея в Освенциме сомневался в правомерности поисков, задавая себе и советской журналистке вопрос: «Надо ли рушить семьи, как-то уже сложившиеся?! Они столько пережили, эти дети. Так имею ли я право вновь возвращать их к прошлому? Вот, например, Станкевич Зося?! Это как раз такой случай, пани. Это нелегкий случай. Вы знаете, было бы много лучше, когда бы она ничего не знала. Когда бы все оставалось, как было...» [15, с. 392]. Здесь зафиксирована серьезная проблема выхода человека из войны, преодоления проявлений «посттравматического синдрома» [1, с. 48]. Тем не менее, многие дети войны, становясь взрослыми, начинали задумываться: «Кто я?», «Откуда?», «Где и когда родился?», «Кто были мои родители?». Они тоже просили: «Помогите найти!» [15, с. 390]. В поисках родных им помогло всесоюзное радио.

«Найти человека»

После окончания Великой Отечественной войны бывшие малолетние узники фашистских концлагерей и воспитанники детских домов стали обращаться в Бюро розыска Исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца с просьбой найти родственников. В 1965–1973 гг. писательница Агния Львовна Барто на радиостанции «Маяк» вела передачу по розыску пропавших во время войны детей и родителей. О своих поисках Агния Барто написала документальную повесть «Найти человека» (1968). В 1973 г. режиссер Михаил Богин по сценарию Агнии Барто на киностудии имени М. Горького снял фильм «Ищу человека».

13 числа каждого месяца Агнии Барто зачитывала приходившие на радио «Маяк» письма. Их авторы с надеждой обращались к ведущей радиопередачи:

«Если вы мне не поможете, обращаться мне больше некуда... Мама, которая меня воспитывала, взяла меня из Омского распределителя в 1942 году. Ей дали справку, что я – Петрова Зоя, год рождения 1940-й. В эшелон эвакуированных меня отдали партизаны, они нашли меня в лесу Курской области, я была завернута в одеяло. Я не знаю, откуда взялись имя и фамилия, может быть, это мои настоящие, а может быть, нет. Мама рассказывает, что, в отличие от всех детей, я была полненькая, только большой живот. Волосы светлые, глаза голубые, на левом виске большая черная родинка. Мама говорит: “Я тебя взяла в нашу семью потому, что все мои трое детей считались некрасивыми, я хотела, чтобы ты не отличалась от нас, а потом ты взяла, да и стала красивой”. Но это ее слова, красоты за мной не водится. Когда мама меня взяла, я почти не разговаривала. Что она помнит из моей речи, это “хотца пит”. Это я так просила пить (какой-то акцент, не то вятский, не то белорусский)... Милиция не может искать, говорят, нужна точная фамилия... Очень вас прошу, помогите мне найти моих родителей, я все постараюсь сделать, что вы скажете, если нужно, я сама приеду...» [17; с. 114–115].

Трудность поиска состояла в том, что маленькие дети почти ничего не помнили о себе. После гибели матери на глазах дочери кто-то из солдат спрашивал ее: «”Девочка, как тебя зовут?”. А я забыла...” Девочка, а как твоя фамилия? Как зовут твою маму?» Я не помнила...» [14, с. 7].

В детских домах дети получали новые имена, отчества и фамилии. Довольно часто среди них встречались Бесфамильные, Неизвестные, Непомнящие... Так, в сборнике детских воспоминаний о войне «Последние свидетели» есть запись: «В нашем детдоме собралось одиннадцать Тамар... Фамилии у них были: Тамара Неизвестная, Тамара Незнакомая, Тамара Безымянная, Тамара Большая, Тамара Маленькая» [13, с. 52].

В одном детском доме сохранилась единственная запись: «Неизвестная Нелли. Отец на фронте, мать неизвестна». Потому четырехлетней девочке дали фамилию Неизвестная. Но Нелли помнила, как звали ее младшего брата – Роман, как на железнодорожной станции она вместе с матерью бежала под страшной бомбежкой. В 1964 г. Агния Барто зачитала письмо Нелли по радио, передачу услышали ее родители из Феодосии и послали телеграмму в Москву: «Нелли наша дочь. Семья Ферштер». При воссоединении с родными (через 23 года после начала войны) оказалось, что Нелли Неизвестную на самом деле зовут Мэри Ферштер [17; с. 41, 42].

Студентка Нина Неизвестная сохранила в памяти некоторые «мелочи» детских воспоминаний. Однако даже скудных сведений хватило, чтобы родственники признали ее своей. В одной из передач на радио «Маяк» Агния Барто объявила розыск родных девушки с фамилией Непомнящая, которая и впрямь ничего о себе не помнила, кроме имени своего отца – Григорий, поэтому в детском доме ей дали отчество Григорьевна. По радио прочитали ее письмо с отрывочными детскими воспоминаниями, и через некоторое время нашлись ее родные. Также благодаря радиопередаче Юрий Неизвестный, потерявшийся во время войны, обрел свою настоящую фамилию Кузьмин и родную мать, которая написала Агнии Барто: «Неизвестный Юрий оказался мой сын Юрий Кузьмин, которого я потеряла в первый день войны около города Гродно, когда садилась в машину и началась бомбежка» [17, с. 251].

Анатолий Неизвестный ребенком потерялся в Москве. На Белорусском вокзале он залез под скамейку и заснул. Разбудил его милиционер, спросил имя, фамилию. Мальчик растерялся, не мог назвать себя. В детском приемнике записали: «Неизвестный Анатолий». Потом он вспомнил фамилию отца Витер и имена всех своих братьев и сестер, что помогло найти род-

ственников. Потом оказалось, что настоящая фамилия Анатолия не Неизвестный и не Витев, а Лялюшка, а вся его семья до и после войны проживала в деревне Попелёвка (Брянская область) [17, с. 216]. Во всех случаях девушки и парни, обретшие родственников, имели совсем другие фамилии.

Анастасия Ивановна Королева во время войны была в Освенциме с тремя дочерьми, одна из них там погибла, вторая – Люда нашлась после войны, третья – Шура потерялась после освобождения из лагеря. Но случилось так, что через несколько лет после войны мать увидела кинохронику «Освобождение Освенцима» и узнала на экране свою дочь. Она написала письмо Агнии Барто: «Вам пишет мать, попавшая в концлагерь. Одну мою дочь сожгли в печах Освенцима. Двадцать лет ищу вторую дочь, Шуру Королеву. У нее на левой ручке, ниже локтя выжжен номер 77325». Однако поиски оказались неудачными. Появляющиеся девушки по имени Шура с фамилией Королева не были дочерью А. И. Королевой из Витебска [17, с. 100].

После первой публикации повести «Найти человека» в журнале «Знамя» (1968) на радио «Маяк» пришла телеграмма из города Бельцы (Молдавия). В ней сообщалось: «Мать Королева ищет свою дочь Шуру с клеймом на левой руке, но первая цифра не совсем ясна остальные четыре сходятся. Имя мое Шура фамилии своей не знала, очень прошу: сообщите, что делать, сил нет ждать. А. Смышникова» [17, с. 269].

Агния Барто сообщила о телеграмме в Витебск. После переписки и телефонных переговоров А. И. Королева с Людмилой поехали в Молдавию на встречу с Шурой, их дочь и сестрой. Каким образом Шура попала из Освенцима в Бельцы, рассказала ей медсестра Любовь Алексеевна Хозяина: «Мы с мужем были участниками освобождения Освенцима. Вас взял один солдат. Такими глазами смотрели на нас и просили не оставлять, что никто не мог устоять против этого ... Вы остались со мной в части... Окончилась война, и нашу часть направили в Молдавию, в Бельцы. Фамилию вашу никто не знал, и когда мы вас устраивали в детский дом, вам дали фамилию Победа». Потом Шуру удочерили, и она получила другую фамилию Смышникова [17; с. 271–272].

В письмах, приходивших на радио «Маяк», как и в воспоминаниях детей войны, «забвение собственного имени или

фамилии – одно из самых частых признаний». Немногие из собеседников связывали «напрямую невозможность вспомнить свое имя с потерей родителей, его давших. Для многих, однако, утрата имени стала свидетельством несостоявшейся жизни, знаком отсутствия некоей основополагающей, исходной точки отсчета. Новое – “ненастоящее” – имя утрату не восполнило, а лишь усилило. Последующая жизнь в итоге оказалась жизнью без родства и без начала. На поиски начала, впрочем, решались лишь единицы. Кто-то боялся узнать подробности, откладывая на десятки лет встречу с воспитателями своих детдомов. Кто-то, узнав позднее свое “настоящее” имя, так и не смог приучить себя на него откликаться» [23]. Так, Елена Кравченко через 25 лет после войны нашла вою родную тетю. Она сказала ей ее настоящее имя, а та «долго не могла к нему привыкнуть, не откликнулась...» [13, с. 61]. Реактуализация имен, данных от рождения, зачастую вызывала отторжение, потому что люди считали свои новые именованья единственными. Даже если они догадывались или только предполагали, что у них могли быть ранее иные имена, им не хотелось их вспоминать, так как это провоцировало острые переживания, вызванные обращением к трагическим событиям военных лет.

Обсуждение и выводы

Изученные материалы позволили выявить различные примеры присвоения нового именованья как детей, так и взрослых в годы Великой Отечественной войны. Новое имянаречение взрослых людей обусловлено последствиями трагических событий и происшествий, вызвавших амнезию в результате тяжелого ранения или контузии. У детей (особенно малышей) забвение личных имен происходило на грани жизни и смерти. Во время налета вражеской авиации, когда родители погибали, и детей подбирали на дорогах, в развалинах домов для эвакуации из прифронтовой полосы или блокадного Ленинграда. На оккупированной территории каратели уничтожали целые семьи, но родственники пытались спрятать детей, их потом находили партизаны или советские солдаты. В нацистских концлагерях детей, насильно отлученных от матерей, переводили в другие лагерные пункты. Во многих случаях от ужаса потрясений, недетского горя, стресса, истощения ребятишки

часто не могли вспомнить, как их зовут, или же произносили имя не очень четко. Воспитатели детских домов присваивали воспитанникам новые имена и фамилии. Зачастую и ребенок, взятый приемными родителями, тоже получал иное имя и фамилию усыновителей.

В 1960-е годы проводилась работа по розыску потерявшихся в годы войны людей. Матери искали детей, выросшие дети – матерей или кого-нибудь из родственников. Поиски осложнялись тем, что у многих детей, попавших в детдома или другие семьи, произошли утрата, забывание (деактуализация) или смена имен и фамилий. Лагерные номера, выжженные на детских ручках, отрывки воспоминаний довоенного детства, известные только близким родственникам случаи из жизни, домашние прозвища помогали сделать поиск родных успешным. Нередко возникала другая проблема: люди, выросшие под чужими именами, не могли осознать, что их зовут иначе. Реактуализация прежних антропонимов, возвращение настоящих имен, отчеств и фамилий нередко вызывали у их носителей глубокие потрясения, что было проявлением посттравматического синдрома, эхом страшной войны.

Список литературы

1. Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45. – № 8. – С. 46–54. EDN: NVAQLG.
2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
3. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1988. 278 с.
4. Суперанская А. В. Имя через века и страны. М.: ЛКИ, 2007. 192 с.
5. Суперанская А. В. Суслова А. В. О русских именах. СПб.: Авалонь, 2007. 304 с.
6. Никонов В. А. Ищем имя. М.: Советская Россия, 1988. 128 с.
7. Скрбнева Т. В. Антропонимная специфика Витебско-Смоленского приграничного ареала (на материале мужских именников) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Языкознание. – 2013. – № 2. – С. 92–96.
8. Жадов А. С. Четыре года войны. М.: Воениздат, 1978. 334 с.
9. В фашистских застенках: записки. Минск: Государственное издательство БССР, 1961. 277 с.
10. Борисова А. В., Козак К. И., Стучинская Г. Л. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012. 400 с.
11. Самарина М. Узница Аушвица под номером 40156. URL: <https://proza.ru/2019/08/02/1091?ysclid=ltedfop17o389068109> (дата обращения: 03.03.2024).

12. Рубина Д. И. Одинокий пишущий человек. М.: Эксмо, 2020. 512 с.
13. Алексиевич С. А. Последние свидетели: книга недетских рассказов. М.: Молодая гвардия, 1985. 175 с.
14. Алексиевич С. А. Последние свидетели: соло для детского голоса. М.: Время, 2008. 303 с.
15. Ирошникова И. И. Избранное. М.: Советская Россия, 1986. 558 с.
16. Ирошникова И. И. Эльжуня: сборник. М.: Советская Россия, 1974. 156 с.
17. Барто А. Л. Найти человека. М.: Советский писатель, 1975. 281 с.
18. Цинберг Т. С. Седьмая симфония: повесть. СПб.; М.: Речь, 2017. 144 с.
19. Каверин В. А. Наука расставания. М.: Современник, 1985. 208 с.
20. Кторова А. Сладостный дар, или Тайна имени и прозвищ. М.: Гамма Пресс, 2002. 206 с.
21. Розов В. С. В добрый час: пьесы. М.: Советский писатель, 1978. 598 с.
22. Осмоловский А. Судьбы прототипов фильма «Помни имя свое» // Комсомольская правда. – 2021. – 7 мая. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27273/4408349/> (дата обращения: 03.03.2024).
23. Ушакин С. Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 5. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalos-ot-takogo-uzhasa.html> (дата обращения: 03.03.2024).

"Remember Your Name": Anthroponymy and the Great Patriotic War

Elena V. Dianova

The article examines a set of names (anthroponymy) that arose during the Great Patriotic War. Relevance is determined by the historical memory of the people and the 80th anniversary of the complete lifting of the siege of Leningrad and the upcoming anniversary of the Great Victory. The goal is to trace changes in personal names due to the tragic circumstances of the war years. Memoirs and documentary stories of people who went through severe trials were used as sources. It is the story of Tamara Tsinberg, who survived the siege of Leningrad. It is information about an orphanage in Tashkent, where evacuated children were brought and often given new names and surnames. It is documentary evidence of children who went through the hell of fascist concentration camps and lost their mothers there, but who found adoptive parents after the war and received new names from them. It is a children's writer Agnia Barto' book, who for many years broadcasted a program on Mayak radio on the search for children and their relatives separated during the war. These publications contained information about people who, thanks to searches, not only met their relatives, but also learned their personal names given to them from birth.

Key words: anthroponymy, names, surnames, Great Patriotic War, search.

For citation: Dianova, E. V. (2024) «Pomni imya svoe»: antroponimiya i Velikaya Otechestvennaya vojna [«Remember Your Name»: Anthroponymy and the Great Patriotic War]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 2. Pp. 61–82. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_61. EDN: DNSPPP

References

1. Senyavskaya, E. S. (2023) *Voennaya antropologiya v novykh istoricheskikh usloviyakh* [Military anthropology in new historical context]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. No. 45 (8). Pp. 46–54. (In Russ.)
2. Bondaletov, V. D. (1983) *Russkaya onomastika* [Russian onomastics]. Moscow: Education. (In Russ.)
3. Nikonov, V. A. (1988) *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moscow: Science. (In Russ.)
4. Superanskaya, A.V. (2007) *Imya cherez veka i strany* [Name through centuries and countries]. Moscow: LKI. (In Russ.)
5. Superanskaya, A. V. Suslova, A. V. (2007) *O russkikh imenah* [About Russian names]. St. Petersburg: Avalon. (In Russ.)
6. Nikonov, V. A. (1988) *Ishchem imya* [Looking for a name]. Moscow: Soviet Russia. (In Russ.)
7. Skrebneva, T. V. (2013) *Antroponimnaya specifika Vitebsko-Smolenskogo prigranichnogo area-la (na materiale muzhskikh imennikov)* [Anthroponymic specificity of the Vitebsk-Smolensk border area (based on the material of male names)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. Yazykoznanie* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities. Linguistics]. No. 2. Pp. 92–96. (In Russ.)
8. Zhadov, A. S. (1978) *Chetyre goda vojny* [Four years of war]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
9. *V fashistskikh zastenkah: zapiski* (1961) [In fascist dungeons: notes]. Minsk: State Publishing House of the BSSR (In Russ.)
10. Borisova, A. V., Kozak, K. I., Stuchinskaya, G. L. (2012) *Lager' smerti Osvencim: zhivye svidetel'stva Belarusi* [Auschwitz death camp: living evidence of Belarus]. Minsk: Literature and art. (In Russ.)
11. Samarina, M. (2019) *Uznica Aushvica pod nomerom 40156* [Prisoner of Auschwitz number 40156]. URL: <https://proza.ru/2019/08/02/1091?ysclid=ltd3v5bha6465250445> (In Russ.) (date of access 03/03/2024)
12. Rubina, D. I. (2020) *Odinokij pishushchij chelovek* [Lonely writing person]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
13. Alexievich, S. A. (1985) *Poslednie svideteli: kniga nedetskikh rasskazov* [The Last Witnesses: a book of non-children's stories]. Moscow: Young Guard. (In Russ.)
14. Alexievich, S. A. (2008) *Poslednie svideteli: solo dlya detskogo golosa* [The Last Witnesses: solo for children's voice]. Moscow: Vremya (In Russ.)
15. Iroshnikova, I. I. (1986) *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow: Soviet Russia. (In Russ.)
16. Iroshnikova, I. I. (1974) *El'zhunya: Sbornik* [Elzhunya: Collection]. Moscow: Soviet Russia. (In Russ.)
17. Barto, A. L. (1975) *Najti cheloveka* [Find a person]. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
18. Tsinberg, T. S. *Sed'maya simfoniya: povest'* [The Seventh Symphony: a story]. St. Petersburg; Moscow: Speech. (In Russ.)
19. Kaverin, V. A. (1985) *Nauka rastavaniya* [The science of parting]. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)
20. Ktorova, A. (2002) *Sladostnyj dar, ili Tajna imeni i prozvizhch* [Sweet gift, or the Mystery of the name and nicknames]. Moscow: Gamma Press. (In Russ.)
21. Rozov, V. S. (1978) *V dobryj chas: p'esy* [Good time: plays]. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
22. Osmolovsky, A. (2021) *Sud'by prototipov fil'ma «Pomni imya svoe»* [The fate of the prototypes of the film "Remember Your Name"]. *Komsomol'skaya pravda* [Komsomolskaya Pravda]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27273/4408349/> ltd3v5bha6465250445 (In Russ.) (date of access 03/03/2024)
23. Ushakin, S. (2008) *Oskolki voennoj pamyati: «Vse, chto ostalos' ot takogo uzhasa?»* [Fragments of military memory: "All that remains of such horror?"]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/5/oskolki-voennoj-pamyati-vse-chto-ostalos-ot-takogo-uzhasa.html> (In Russ.) (date of access 03/03/2024)

Об авторе

Дианова Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры Отечественной истории, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российская Федерация; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7661-5181

About the author

Dianova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of National History, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7661-5181

*Статья поступила в редакцию 14.03.2024
Одобрена после рецензирования 14.04.2024
Принята к публикации 27.04.2024*

Из истории строительства Краснодарского оборонительного обвода. Март-июль 1943 г.

И. Г. Иванцов

Статья посвящена истории строительства сплошного оборонительного обвода (рубжа) города Краснодара в марте-июле 1943 г. Его сооружение началось в ноябре 1941 – и продолжалось (с перерывами) до первых чисел августа 1942 гг. Внезапное наступление немецко-фашистских войск на территорию Кубани привело к тому, что строительство первой очереди не было закончено. К работам второй очереди – сооружению укреплений внутри самого города (строительству баррикад, минированию подступов к жилым кварталам и проч.) городские власти приступить не успели. Город был захвачен 9 августа 1942 г. После его освобождения 12 февраля 1943 г., менее чем через месяц, 10 марта 1943 г. жители Краснодара приступили к строительству оборонительных укреплений, но уже внутри города. 17-я немецкая армия удержала за собой Таманский полуостров, районы Новороссийска и Крымска и могла оттуда угрожать контрнаступлением, но в сентябре ее оборона была прорвана. Постепенное исчезновение угрозы контратаки немцев повлияло на строительство в Краснодаре, уже к августу оно начало терять интенсивность, совсем закончившись с середины сентября. Анализ архивных документов, посвященных оборонительным мероприятиям внутри г. Краснодара позволил по-новому взглянуть на историю этого малоизвестного строительства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Комитет обороны Краснодара, оборонительные сооружения, подвиг горожан.

Для цитирования: Иванцов И. Г. Из истории строительства Краснодарского оборонительного обвода. Март-июль 1943 г. // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 83–96. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_83. EDN: FCSEBJ

Введение

Тема подготовки к обороне против немецко-фашистских захватчиков, мероприятия по строительству оборонительных сооружений в годы Великой Отечественной войны исследовалась многими отечественными историками. Так, темой статьи А. Ю. Стефаненко стали трудовые мобилизации для строительства оборонительных рубежей в 1941 г. в Ленинграде и Ленинградской области [1]. Вопросы истории строительства Пензенского оборонительного обвода (1941–1942) исследовал В. Ю. Кладов [2]. Труженикам тыла, их народному подвигу на строительстве оборонительных рубежей посвятил статью Ю. Д. Мед [3]. Женщины – участницы строительства в Чувашии оборонительных рубежей в годы Великой Отечественной войны – тема исследования Н. К. Шмониной [4]. З. К. Раджабова и И. А. Суздальцева посвятили свою работу роли женщин Дагестана в ходе строительства оборонительных сооружений в годы Великой Отечественной войны [5].

Создание оборонительных укреплений на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны стало темой статьи В. Н. Данилова [6]. Подготовка укреплений на территории Марийской АССР в 1941 г. и строительство оборонительных рубежей в 1941–1942 гг. в Марийской и Чувашской АССР, исследуются О. А. Кошкиной [7; 8].

О сооружении Донского и Сталинградского оборонительных рубежей в 1941–1942 гг. писал М. В. Медведев [9]. Особенностям организации оборонительного обвода вокруг г. Краснодара в 1941–1942 гг. посвящена статья И. Г. Иванцова [10].

Целью данной публикации является анализ малоизвестных событий, происходивших в рамках подготовки города к обороне, но уже после изгнания немецких захватчиков и войск их союзников из самого г. Краснодара, а также большей части территории Краснодарского края.

Города и сёла в любой момент могли подвергнуться и подвергались прямым военным атакам вооруженных сил врага, а также атакам их непосредственных пособников и оставшихся или проникших в прифронтовую зону диверсантов. Опыт и меры по противодействию этому подлежат изучению и обнародованию.

В работе использованы традиционные методологические подходы, которые характерны для исследований по истории

повседневности. Системно-функциональный метод позволил выявить социальное значение и роль проводимых в г. Краснодаре оборонительных работ уже после изгнания врага из города.

Метод причинно-следственного анализа помог выявить влияние особенностей условий жизни людей на проводимый властями комплекс оборонно-строительных работ.

Главными источниками для статьи стали архивные дела Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), находящиеся в составе следующих фондов: Ф. 59. Октябрьский (Сталинский) районный комитет КПСС, гор. Краснодар. 1936–1991 гг.; Ф. 1072. Краснодарский городской комитет КПСС. 1930–1991 гг. и Ф. 1472. Ленинский (Кагановичский) районный комитет КПСС гор. Краснодара. В их состав входят протоколы заседаний Краснодарского городского комитета ВКП(б), Краснодарского городского исполнительного комитета совета народных депутатов, районных (внутригородских) комитетов ВКП(б) г. Краснодара. Хронологически данные дела охватывают период с марта 1943 по конец июля 1943 г.

Результаты

С началом Великой Отечественной войны началась подготовка к обороне городов, областей и краев, автономных республик, даже находившихся далеко от линии фронта. Некоторые из них испытали на себе удар войск врага, другие уцелели. С этой точки зрения весьма любопытными являются мероприятия по строительству оборонительного обвода (оборонительного рубежа, оборонительной трассы) г. Краснодара. Их, условно можно разделить на два этапа. Первый этап строительства пришелся на ноябрь 1941 г., когда решением Военного совета Южного фронта, вокруг Краснодара началось строительство оборонительного обвода. Для его строительства направлялась 8-я тыловая армия. Десятки тысяч горожан ежедневно привлекались к работам. Однако после успешного контрнаступления Красной Армии под Ростовом-на-Дону в декабре 1941 г. работы по строительству краснодарского оборонительного обвода были прекращены [11, с. 590].

Впрочем, совсем они не останавливались, но резко снизилась их активность, что продолжалось вплоть до весны-лета 1942 г. В итоге, обвод не удалось полностью построить. Так, «плenum

Краснодарского горкома ВКП (б), 16.07.1942 г. утверждал о неготовности оборонительной трассы вокруг Краснодара» [10, с. 103].

В связи с успехами противника на южном направлении, летом 1942 г. строительство оборонительного обвода стало вестись очень интенсивно. «Но из-за стремительного наступления немецко-фашистских войск оборонительный обвод так и не был занят частями РККА, фактически он так и не пригодился» [10, с. 103].

В течение января-марта 1943 г. была освобождена большая часть территории Краснодарского края. Но 17-я немецкая армия удержала за собой Таманский полуостров, защищенный заранее построенной линией обороны, известной как «Голубая линия». Ожесточенные бои по ее прорыву продолжались с апреля по сентябрь 1943 г., и только 16 сентября советские войска окончательно смогли взломать ее, а 9 октября вся территория Краснодарского края была очищена от врага.

Оккупация Кубани немецко-фашистскими войсками и войсками их союзников принесла множество бедствий ее населению. Все помнили о тяготах немецкого гнёта и ни в коем случае не хотели его повторения. А немцы, окопавшиеся на Тамани, при плохом раскладе могли снова пойти в контрнаступление. К этому необходимо было подготовиться. Уже 8 марта 1943 г. Комитет обороны г. Краснодара издал постановление «О проведении мобилизации местного населения на оборонительные работы г. Краснодара».

Постановление предусматривало следующие меры:

1) проведение мобилизации на оборонительные работы всего трудоспособного населения города Краснодара и Пашковского района в возрасте от 16 до 55 лет;

2) мобилизованные должны были явиться в пункты сбора, назначенные по указанию райисполкомов, 10 марта 1943 г. со своим инструментом (лопаты, кирки, ломы, топоры, носилки) и запасом продуктов. За неявку по мобилизации, для виновных было предусмотрено привлечение к ответственности по законам военного времени;

3) за уклонение от оборонительных работ для руководителей организаций, предприятий и граждан предусматривались штрафы в сумме до 3 тыс. р., а при повторном случае уклонения – привлечение к суду военного трибунала [12, л. 1].

Постановлением было утверждено строительство 14 внутри-городских батальонных районов на общую сумму 21 820 тыс. р. К работам было решено приступить 10 марта и закончить их предполагалось 10 апреля 1943 г. Было принято решение срочно сформировать управление оборонительных работ г. Краснодара из шести отделов.

Начальником управления оборонных работ был утвержден инженер 2 ранга – тов. Лазарев, его заместителями стали: начальник Кубаньстроя Жирнов и майор Ройтберг; заместителями по политчасти: секретарь Краснодарского горкома ВКП(б) Проценко, батальонный комиссар Гришунов.

Были утверждены четыре строительных участка города, Сталинский, Кировский, Кагановичский и Красногвардейский районы г. Краснодара и назначены их начальники: в Сталинском районе – начальник Демский, заместитель начальника по политчасти – секретарь Сталинского райкома ВКП(б) Величко; в Кировском районе – Дядин, замначальника по политчасти – секретарь Кировского райкома ВКП(б) Лебедев; в Кагановичском – Сидоров, замначальника по политчасти – секретарь Кагановичского райкома ВКП(б) Кривошеев; в Красногвардейском – Хартунян, замначальника по политчасти – секретарь Красногвардейского райкома ВКП(б) Ряхин.

Горсовет Краснодара был обязан взять на учет все стройматериалы, имевшиеся в городе, и использовать из них необходимые для оборонительных сооружений. Трест Кубаньстрой обязывался немедленно организовать производство строительных и технических материалов для оборонительных сооружений: бронеколпаки, разборные доты, скобы, ежи, металлоконструкции. А также организовать производство ломов, кирок, лопат, топоров, пил, носилок, тачек.

Председатель Краснодарского горисполкома Смирнов обязывался дать указания Комунхозу о разрешении разборки подлежавших сносу зданий на нужды оборонного строительства.

Председатель горисполкома Смирнов, крайвоенком Котелкин, и начальник краймилиции Сергеев получили задачу провести мобилизацию всех видов транспорта для обеспечения перевозок бронеколпаков и т. п. по заявкам управления обороны [12; л. 9–11].

Назначение начальниками строительства во внутригородских районах секретарей райкомов ВКП(б) этих же районов должно было придать строительству новый импульс, освященный волей правящей партии, направленный на скорейшее окончание строительства.

Кроме работ по строительству оборонительной трассы (обвода), население мобилизовывалось и командировалось на восстановительные работы, на различные сроки: один рабочий день, неделя, месяц.

На восстановлении инфраструктуры, расчистках завалов и разборе поврежденных зданий ежедневно работали сотни и тысячи людей [12; л. 9–6]. Так, 29 марта 1943 г. по Сталинскому городскому району работали на военно-оборонительных и восстановительных работах 1 551 чел. [12, л. 28]. Только завод им. Седина по разнарядке был обязан выставить на трассу по проведению оборонительных работ, начиная с 15 марта 1943 г. и далее – ежедневно, не менее 155 чел., снабдив их рабочим инвентарем [12, л. 3].

В связи с высокой загруженностью работой, распоряжением председателя Краснодарского горисполкома, Смирнова, освобождались от мобилизации на строительство оборонительных сооружений работники Краснодарской ремонтно-строительной конторы, гортрамвая, водопровода, горэлектросети, банно-прачечного треста, благоустройства [12, л. 8].

Мобилизациям подлежали не только работники предприятий, но и безработные. Неявка по мобилизационной повестке могла закончиться и серьезным наказанием, вплоть до тюремного заключения. Таковы были реалии освобожденного города.

На 13 марта 1943 г., за неявку на оборонительные работы 5 гражданок в Сталинском районе были оштрафованы:

1. Никольская Анна Михайловна, 1897 г. р., штраф – 500 р.
2. Власова Ефросинья Карповна, 1917 г. р., штраф – 2000 р.
3. Кирина Полина Ивановна, 1906 г. р., штраф – 2000 р.
4. Варченко Прасковья Федоровна, 1906 г. р., штраф – 500 р.
5. Рыкова Ксения Федоровна, 1914 г. р., штраф – 1000 р. [12, л. 4].

К 14 марта 1943 г. не все предприятия г. Краснодара, учреждения и жакты обеспечили явку своих работников, мобилизованных на оборонительные стройработы. За неявку по мобилизации Шевченко Клавдия Николаевна, Сосюра Елена

Дмитриевна, Субботина Пелагея Семеновна, Мещерякова Татьяна Дмитриевна были оштрафованы на 3000 р. каждая.

К некоторым были применены очень жесткие наказания. Так, Осадчий Степан Гордеевич и Королева Мария Ивановна – были осуждены судом на 6 месяцев тюремного заключения, приговор был приведен в исполнение. Шумливая Мария Яковлевна была предана суду военного трибунала [13, л. 9].

Согласно справке о лицах, привлеченных к ответственности за неявку на оборонработы, за подписью начальника 4 городского отделения милиции капитана Юрьева, по состоянию на 31 марта 1943 г., к ответственности было привлечено 12 чел. Из них шестеро было оштрафовано на сумму 3450 р. Взыскан штраф с двоих граждан в размере 800 р. За злостный отказ от трудовой мобилизации было арестовано (с содержанием в тюрьме) 4 человека: один на 10 дней, один на 25 и двое сроком на один месяц [12; л. 36–38].

В основном, мобилизованными на оборонительные работы были одинокие женщины, преимущественно бездетные, некоторые из них нигде не работали, а также подростки.

По всему городу, на территориях заводов, фабрик, в скверах и парках (всего планировалось 33 пункта) была определена будущая дислокация герметизированных землянок, вместимостью в 30–60 чел. [14; л. 36–38], а также были определены места строительства огневых точек, и, собственно, началось их строительство [14, л. 18].

Всеми предприятиями, учреждениями и домоуправлениями каждого из четырех внутригородских районов Краснодара, в обязательном порядке готовились и инструктировались группы самозащиты [14, л. 39].

По состоянию на июнь 1943 г., все местное население города проходило обязательную подготовку к ПВХО, в объеме 12 часов [14, л. 40].

В Кагановичском районе была организована команда МПВО (Местной противовоздушной обороны), состоявшая из двух звеньев: 1. Пожарное звено – 12 чел. 2. Звено медико-санитарной службы – 35 чел. [14; л. 52–52 об.].

Для проведения оборонных работ проводилась не только мобилизация населения, но и мобилизация транспорта, принадлежавшего предприятиям. Запрещалась только мобилизация

транспорта, принадлежавшего воинским частям и воинским учреждениям [14, л. 57].

Всего в Кагановичском районе предприятия имели 32 единицы транспорта, который был годен и подлежал мобилизации для проведения оборонных работ [14, л. 63].

В городе уцелело мало транспорта и лошадей. Уже 23 февраля 1943 г. в Краснодаре были взяты на учет: лошади всех возрастов; повозки всех типов; упряжь всех типов; отдельные предметы упряжи (хомуты, клещи, ремни от упряжи и т. д.); отдельные предметы обоза (колеса, спицы, кузова и т. д.); отдельные предметы снаряжения (седла, пояса, ленчики); подковы, ухнали. Горком ВКП (б) постановил все это собрать в срок с 28.02. по 6.03. 1943 г. [13, л. 1].

Мобилизованные в рамках трудовой повинности выполняли земляные и маскировочные работы по противотанковым рвам, огневым позициям и огневым точкам. Ими вручную устанавливались, обсыпались и маскировались все изготовленные и завезенные железобетонные колпаки, строились кирпичные противоосколочные защитные точки. Сооружались элементы внутригородской обороны – подготовленные баррикады и огневые точки [12; л. 36–37].

Работы проводились в условиях разрухи. Все дороги в городе пришли в негодность, были покрыты ямами и колдобинами. На них отмечалась очень высокая аварийность. С 10 марта 1943 г. по улицам Краснодара была запрещена езда грузовиков со скоростью более 15 км/ч. и легковых автомобилей со скоростью выше 20 км/ч. За превышение указанной скорости виновные подлежали привлечению к ответственности, вплоть до суда военного трибунала [13, л. 7].

Кроме того, строительство шло в условиях вражеских авиабомбёжек. Немецкая боевая авиация находилась в непосредственной близости от Краснодара, в том числе в Крымске, Крыму и Таганроге, оттуда совершая налеты на Краснодар. Особенно жестокими и приведшими к многочисленным жертвам и разрушениям были налеты с 30 апреля по 3 мая [15; л. 8–9].

По состоянию на июль 1943 г., по данным секретаря Сталинского РК ВКП (б) Сумского, в Сталинском внутригородском районе Краснодара от рук немецко-фашистских оккупантов

погибло 77 чел., его жителей [16, л. 6]. В основном в результате авианалетов немцев.

Параллельно с сооружением оборонного рубежа расчищались завалы и разрушения, восстанавливались объекты инфраструктуры, где также были заняты сотни людей ежедневно [15, л. 24, 24 об., 25].

Работы проводились вручную, с использованием самых примитивных подручных инструментов, специальной строительной техники фактически не было.

Первоначально строительство планировалось закончить к 10 апреля 1943 г. Однако, сроки окончания строительства оборонительного обвода неоднократно переносились. Комитет обороны города планировал окончить все работы и к 23 мая [12, л. 83]. Затем, к 1 июля 1943 года [12, л. 136], но не хватало сил и средств, и основные работы к июлю все-таки были не закончены. В дальнейшем, в связи с успешным изгнанием Красной Армией последних немецких войск, в сентябре-октябре 1943 г., с территории Кубани, работы были окончательно прекращены.

Всего в период 1941–1943 гг. к строительству оборонительных сооружений по всей стране было привлечено около 12 млн городских и сельских жителей [3, с. 45].

Обсуждения и выводы

События прифронтовой повседневности Краснодара с февраля по октябрь 1943 г. отличались очень напряженным положением в городе, который в любой момент мог быть подвергнут контратаке немецко-фашистских войск, находившихся недалеко, в 80-ти километрах от города, в станице Крымской. Город вплоть до мая 1943 г. подвергался налетам и бомбардировкам вражеской авиации, которые принесли неисчислимые бедствия и стали причиной гибели местных жителей и военнослужащих. И так значительно разрушенный город в некоторых своих узловых точках был превращен в руины. Особенно разрушительной была бомбардировка города 30 мая, когда Краснодар атаковали 106 вражеских самолетов, из них около 40 прорвались к городу. Основными целями являлись железнодорожные узлы и пути, аэродром и сооружения предприятий.

Жители Краснодара и пригородов, испытавшие на себе все «прелести» немецкого владычества, понимали, что им может

принести новое возможное вторжение врага и всеми силами пытались этого не допустить. Органы власти, коллективы уцелевших и работающих предприятий, все население в целом включились в подготовку к военным действиям и приступили уже во второй раз к строительству оборонительных сооружений.

Строительство велось в условиях огромного дефицита рабочих кадров, материалов, инструмента, транспорта и т. д. Очень быстро изнашивалась и портилась одежда и обувь, которую нечем было заменить. Очень сложно обстояло и с продовольствием для мобилизованных, с организацией питания и гигиенического снабжения для них. Отмечалась большая нехватка специалистов по строительству оборонительных сооружений. Конечно, все это в совокупности существенно замедляло темпы производства работ. Но люди каждый день выходили на работы, ежедневно отдавая свой труд на благо города и страны в целом. В августе ситуация на фронте улучшилась, а в сентябре оборона врага была прорвана. В октябре враг окончательно был изгнан с Таманского полуострова. Мобилизованные, в основном женщины и подростки, были освобождены от работ.

Это был настоящий народный подвиг. И он совершался, начиная с 1941 г., не только в Краснодаре, но и по всей стране, где миллионы городских и сельских жителей участвовали в оборонительном строительстве, став символом единства и эффективного взаимодействия РККА и гражданского тыла, единства армии и народа.

Список литературы

1. Стефаненко А. Ю. Трудовые мобилизации для строительства оборонительных рубежей в 1941 г. в Ленинграде и Ленинградской области // Петербургский исторический журнал. – 2023. – № 2(38). – С. 18–31. EDN: GKENHS

2. Кладов В. Ю. К вопросу об истории сооружения Пензенского оборонительного обвода (1941–1942) // Региональные аспекты истории Великой Отечественной войны: Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции, Заречный, 26 апреля 2019 года. – Заречный: Пензенский государственный университет, 2019. – С. 65–70. EDN: XMOZPI

3. Мед Ю. Д., Дубровин В. А. Народный подвиг на строительстве оборонительных рубежей // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. – 2016. – № 3(39). – С. 44–46. EDN: XAZWGN

4. Шмонина Н. К. Женщины – участницы строительства в Чувашии оборонительных рубежей в годы Великой Отечественной войны // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов

Поволжья: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Чебоксары, 22 июня 2021 года. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2021. – С. 137–140. EDN: YWUQPX

5. Раджабова З. К., Суздальцева И. А. Женщины Дагестана на строительстве оборонительных сооружений в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. – 2020. – № 4. – С. 137–141. EDN: UDFWFF

6. Данилов В. Н. Строительство оборонительных укреплений на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – № 1. – С. 122–130. – DOI 10.18500/1819-4907-2023-23-1-122-130. EDN: SKLACY

7. Кошкина О. А. Строительство оборонительных рубежей в 1941–1942 годах на территории Марийской и Чувашской АССР // Чувашский гуманитарный вестник. – 2020. – № 15. – С. 95–101. EDN: VDUKTU

8. Кошкина О. А. Строительство оборонительного рубежа на территории Марийской АССР в 1941 году // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Чебоксары, 22 июня 2021 года. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2021. – С. 110–115. EDN: HXLLIE

9. Медведев М. В. Строительство Донского и Сталинградского оборонительных рубежей в 1941–1942 гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 6–1. – С. 156–159. EDN: SGRQHP

10. Иванцов И. Г. О строительстве Краснодарского оборонительного обвода (июль 1941 г. – июль 1942 г.): по протоколам Краснодарского городского комитета ВКП (б) и городского исполкома // Русская старина. – 2017. – № 8(1). – С. 97–104. EDN: ZDECMX

11. Екатеринбург – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях / Материалы к летописи. Краснодар: Кн. Изд-во, 1993. 800 с.

12. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 59. Оп. 1. Д. 134.

13. ЦДНИКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 138.

14. ЦДНИКК. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 139.

15. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1723.

16. ЦДНИКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 119.

From the History of Construction of the Krasnodar Defensive Bypass. March–July 1943

Igor G. Ivantsov

The article is devoted to the history of construction of a continuous defensive perimeter (line) of the city of Krasnodar in March – July 1943. Its construction began in November 1941 and continued (with interruptions) until the first days of August 1942. The sudden attack of fascist German troops on the Kuban territory led to the fact that the construction

of the first stage was not completed. The city authorities did not have time to start the second stage of work – the construction of fortifications inside the city itself (building barricades, mining approaches to residential areas, etc.). The city was captured on August 9, 1942. After its liberation on February 12, 1943, less than a month later, on March 10, 1943, the residents of Krasnodar began building defensive fortifications, but inside the city. The 17th German Army retained the Taman Peninsula, the areas of Novorossiysk and Krymsk and could threaten a counteroffensive from there, but in September its defense was broken through. The gradual disappearance of the German counterattack threat affected construction in Krasnodar; by August it began to lose intensity, completely ending in mid-September. Analysis of archival documents devoted to defensive measures inside the city of Krasnodar allowed us to take a new look at the history of this little-known construction.

Key words: The Great Patriotic War, Krasnodar Defense Committee, defensive structures, feat of the townspeople.

For citation: Ivantsov, I. G. (2024) Iz istorii stroitel'stva Krasnodarskogo oboronitel'nogo obvoda. Mart – Iyul' 1943 g. [From the History of Construction of the Krasnodar Defensive Bypass. March – July 1943]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 83–96. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2_024_2_83. EDN: FCSEBJ

References

1. Stefanenko, A. Yu. (2023) *Trudovye mobilizatsii dlya stroitel'stva oboronitel'nykh rubezhey v 1941 g. v Leningrade i Leningradskoy oblasti* [Labor mobilizations for the construction of defensive lines in 1941 in Leningrad and Leningrad region]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal]. No. 2 (38). Pp. 18–31. (In Russ.)
2. Kladov, V. Yu. (2019) *K voprosu ob istorii sooruzheniya Penzenskogo oboronitel'nogo obvoda (1941–1942)* [On the history of the construction of the Penza defensive bypass (1941–1942)]. *Regional'nyye aspekty istorii Velikoy Otechestvennoy voyny: Materialy III Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Regional aspects of the history of the Great Patriotic War: Materials of the III Interregional Scientific and Practical Conference]. Zarechny, April 26, 2019. Zarechny: Penza State University. Pp. 65–70. (In Russ.)
3. Med, Yu. D., Dubrovin, V. A. (2016) *Narodnyy podvig na stroitel'stve oboronitel'nykh rubezhey* [People's feat in the construction of defensive lines]. *Nauchnyy vestnik Vol'skogo voyennogo instituta material'nogo obespecheniya: voyenno-nauchnyy zhurnal* [Scientific Bulletin of the Volsky Military Institute of Material Support: military-scientific journal]. No. 3(39). Pp. 44–46. (In Russ.)
4. Shmonina, N. K. (2021) *Zhenshchiny – uchastnicy stroitel'stva v Chuvashii oboronitel'nykh rubezhey v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Women – participants in the construction of defensive lines in Chuvashia during the Great Patriotic War]. *Stroitel'stvo Surskogo i Kazanskogo oboronitel'nykh rubezhey – trudovoy podvig narodov Povolzh'ya: Materialy Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Construction of the Sursky and Kazan defensive lines – a labor feat of the peoples of the Volga region: Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, June 22, 2021. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. Pp. 137–140. (In Russ.)
5. Radzhabova, Z. K., Suzdal'ceva, I. A. (2020) *Zhenshchiny Dagestana na stroitel'stve oboronitel'nykh sooruzhenij v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Women of Dagestan in the construction of defensive structures during the Great Patriotic War].

Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Seriya 2: Iskuststvovedeniye. Filologicheskiye nauki [Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art history. Philological sciences]. No. 4. P. 137–141. (In Russ.)

6. Danilov, V. N. (2023) *Stroitel'stvo oboronitel'nykh ukreplenij na territorii Saratovskoj oblasti v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Construction of defensive fortifications on the territory of the Saratov region during the Great Patriotic War]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [News of Saratov University. New series. Series: History. International relationships]. Vol. 23. No. 1. Pp. 122–130. (In Russ.)

7. Koshkina, O. A. (2020) *Stroitel'stvo oboronitel'nykh rubezhey v 1941–1942 godakh na territorii Marijskoj i Chuvashskoj ASSR* [Construction of defensive lines in 1941–1942 on the territory of the Mari and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics]. *Chuvashskiy gumanitarnyy vestnik* [Chuvash Humanitarian Bulletin]. No. 15. Pp. 95–101. (In Russ.)

8. Koshkina, O. A. (2021) *Stroitel'stvo oboronitel'nogo rubezha na territorii Marijskoj ASSR v 1941 godu* [Construction of a defensive line on the territory of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941]. *Stroitel'stvo Surskogo i Kazanskogo oboronitel'nykh rubezhey – trudovoy podvig narodov Povolzh'ya: Materialy Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Construction of the Sursky and Kazan defensive lines – a labor feat of the peoples of the Volga region: Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, June 22, 2021. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. Pp. 110–115. (In Russ.)

9. Medvedev, M. V. (2014) *Stroitel'stvo Donskogo i Stalingradskego oboronitel'nykh rubezhey v 1941–1942 gg.* [The construction of the Don and Stalingrad defensive lines in 1941–1942 gg.]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. No. 6–1. Pp. 156–159. (In Russ.)

10. Ivancov, I. G. (2017) *O stroitel'stve Krasnodarskogo oboronitel'nogo obvoda (iyul' 1941 g. – iyul' 1942 g.): po protokolam Krasnodarskogo gorodskogo komiteta VKP (b) i gorodskogo ispolkoma* [On the construction of the Krasnodar defensive bypass (July 1941 – July 1942): according to the protocols of the Krasnodar city committee of the CPSU (b) and the city executive committee]. *Russkaya starina* [Russian antiquity]. No. 8(1). Pp. 97–104. (In Russ.)

11. (1993) *Ekaterinodar – Krasnodar: Dva veka goroda v datah, sobytiyah, vospominaniyah / Materialy k letopisi* [Ekaterinodar – Krasnodar: Two centuries of the city in dates, events, memories / Materials for the chronicle]. Krasnodar: Book Publishing house. (In Russ.)

12. *Centr dokumentatsii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja (hereinafter – CD-NIKK)* [Center for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Territory]. F. 59. Op. 1. D. 134.

13. CDNIKK. F. 59. Op. 1. D. 138.

14. CDNIKK. F. 1472. Op. 1. D. 139.

15. CDNIKK. F. 1072. Op. 1. D. 1723.

16. CDNIKK. F. 59. Op. 1. D. 119.

Об авторе

Иванцов Игорь Григорьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор 1 кафедры, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С. М. Штеменко, г. Краснодар, Российская Федерация; e-mail: IIG23@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3820-3642

About the author

Ivantsov Igor G., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the 1st Department, Krasnodar Higher Military School named after Army General S. M. Shtemenko. Krasnodar, Russian Federation; e-mail: IIG23@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-3820-3642

Статья поступила в редакцию 26.12.2023

Одобрена после рецензирования 20.02.2024

Принята к публикации 28.02.2024

Документы ЦАМО РФ о фронтовой повседневности госпиталей накануне и в период Курской битвы

В. В. Коровин

В статье рассматриваются актуальные вопросы организации повседневной работы госпиталей, действовавших на Центральном фронте в 1943 году. Материал подготовлен на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников, выявленных автором в Архиве военно-медицинских документов – филиале Центрального архива Министерства обороны РФ. Несмотря на наличие многочисленных публикаций, посвященных оказанию медицинской помощи раненым и больным военнослужащим, заявленная тема остается недостаточно разработанной в силу ограниченности доступа исследователей к специфическим по составу и содержанию архивным документам военно-медицинских учреждений. На конкретных примерах фронтовой повседневности отдельных госпиталей Центрального фронта в статье раскрываются такие аспекты организации их деятельности, как передислокация и развертывание госпитальной базы в экстремальных условиях, состояние кадрового потенциала, решение проблем материального обеспечения, прием, обслуживание и эвакуация раненых воинов. Успешное решение обозначенных задач внесло значимый вклад в поддержание боеспособности войск накануне и в период Курской битвы, других решающих сражений Великой Отечественной войны. Рассмотренный опыт работы госпиталей востребован в современных условиях с позиций научно-теоретического обобщения и практического применения.

Ключевые слова: Центральный фронт, госпиталь, раненые, эвакуация, хирургическая операция, медицинская помощь.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

Для цитирования: Коровин В. В. Документы ЦАМО РФ о фронтовой повседневности госпиталей накануне и в период Курской битвы // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 97–113. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_97. EDN: KEQIGD

Введение

Юбилейные даты наиболее значимых событий отечественной истории, по традиции, активизируют исследовательский интерес к ним. Празднование в 2023 г. 80-летия победы советских войск в битве на Курской дуге не стало исключением. С сожалением приходится констатировать, что большая часть отлично иллюстрированных изданий, отличающихся великолепным полиграфическим исполнением, фактически не содержат в себе новой научной информации, а выполняют лишь подарочные функции, тиражируя давно известные факты. Справедливости ради, следует отметить, что профессиональные историки к подобным фолиантам в стиле модерн, отношения не имеют.

Состоявшиеся в честь годовщины завершения коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны научные конференции подтверждают сохранение актуальных для российской военной истории тем [1–3].

Необходимо признать, что отечественные [4–5] и зарубежные [6–8] военные историки продолжают отдавать приоритеты вопросам боевого применения войск, причем оценки современных западных специалистов отличаются традиционной предвзятостью [9], характерной для работ их коллег, писавших о Курской битве на всех этапах послевоенной историографии.

Тыловое обеспечение войск в ходе подготовки и проведения решающих сражений Великой Отечественной войны в меньшей степени привлекает внимание исследователей в силу недостаточной разработанности источниковой базы [10–12]. В отличие от боевых документов, делопроизводственная документация тыловых структур зачастую хранится вне фондов отдельных частей и соединений, поэтому ее выявление сопряжено с определенными трудностями.

Деятельность врачебно-санитарной службы, как важнейшего элемента системы фронтового тыла в период Великой Отечественной войны, нашла достойное отражение в научно-исторической литературе [13–15]. Многие аспекты оказания медицинской помощи раненым воинам исследовались в советский период историографии, имея особую значимость в деле профессиональной подготовки военных медиков [16]. Подобная тенденция характерна и для современной историографии, причем свободный доступ к закрытым ранее архивным фондам,

позволил раскрыть особенности госпитальной работы военного времени на региональном уровне [25–30].

Вместе с тем, проблема организации деятельности разнопрофильных госпиталей в пределах сферы компетенции определенного фронтового эвакуационного пункта на протяжении конкретного периода, характеризующегося подготовкой и проведением решающих стратегических операций советских войск, остается исследованной не в полной мере.

Решению указанной научной задачи, позволяющей обобщить опыт функционирования госпитальной базы Центрального фронта в условиях военной повседневности 1943 года, способствует введение в научный оборот документов Архива военномедицинских документов, в фондах которого хранятся уникальные по содержанию источники исторической информации.

Наиболее значимыми для раскрытия темы следует признать распорядительные акты, делопроизводственную и отчетную документацию, содержащие обобщенные сведения о динамике перемещения и диагнозах пациентов, характере и объеме лечебно-санитарной и профилактической работы, кадровом и материальном обеспечении военных медучреждений; истории госпиталей, отражающие их боевой путь с момента формирования до окончания войны, зачастую снабженные ценными иллюстрациями и фотографиями; а также учетно-послужные карточки военно-врачебного состава, которые в совокупности с наградными материалами позволяют составить представление о личных и деловых качествах людей, спасавших жизни раненых бойцов и командиров РККА. Пониманию структуры, особенностей территориального размещения и степени загруженности госпиталей способствуют схемы, диаграммы, графики, которыми снабжены многие архивные дела. В совокупности перечисленные источники открывают широкие возможности для продолжения и углубления поисково-исследовательской работы.

Результаты

Победоносное завершение Сталинградской битвы позволило советским войскам перейти в масштабное наступление, сопровождавшееся освобождением значительных по площади территорий. Так, в ходе Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции были освобождены крупные

промышленные центры и транспортные узлы Воронеж, Курск, Харьков, а также десятки районных городов, имевших не менее важное административно-хозяйственное значение. Дальнейшие события на этом участке фронта привели к образованию Курской дуги. На ее северный фас в феврале – марте 1943 г. из-под Сталинграда передислоцировались войска Центрального фронта.

Для транспортировки Центрального фронта к Курску требовалось примерно 1,5 тыс. воинских эшелонов. С учетом пропускной способности большинства участков железных дорог, ограниченной 12 парами поездов в сутки, переезд мог завершиться к концу мая 1943 года. 150-километровый участок от станции Касторная до Курска к началу марта еще не был восстановлен, поэтому преодолевать его перемещаемым войскам приходилось своим ходом [21, л. 195]. Несмотря на указанные трудности, передислокация была проведена в кратчайшие сроки. Вслед за боевыми частями, отправлявшимися в первую очередь, шли эшелоны тыловых учреждений.

Личный состав и имущество госпиталей перемещались по железной дороге до станции Елец, откуда автомобильным транспортом либо самолетами следовали в направлении Курска. Часть медицинского оборудования и инвентаря задерживалась при отправлении и в пути следования, что препятствовало полноценному развертыванию госпиталей в местах новой дислокации. Как подтверждают многочисленные госпитальные документы, практически с момента прибытия в районы базирования, начинались прием и сортировка раненых и больных воинов [22, л. 164].

Само размещение госпиталей в Курске и районах области было сопряжено с трудностями коммунального характера. После освобождения от оккупации областной центр и многие населенные пункты региона лежали в руинах. В этих условиях найти общественные здания, которые можно было приспособить под размещение и лечение раненых, оказалось весьма затруднительно. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что кроме обустройства госпиталей, одновременно приходилось обеспечить расквартирование значительного числа командно-управленческих и военных структур Центрального фронта.

Наиболее подходящими для оборудования госпиталей оказались уцелевшие здания учебных заведений в центре Курска

(медицинский и педагогический институты, Дом пионеров и октябрят, городские школы № 7 и 21). Куряне оказали помощь в оснащении госпиталей, объявив сбор столовой посуды, постельных принадлежностей, кроватей и прикроватной мебели.

В течение марта 1943 г. на территорию Курской и Орловской областей в распоряжение войск Центрального фронта прибыли 14 госпиталей общей вместимостью более 10 тыс. коек. За месяц они приняли более 36 тыс. пациентов [22, л. 164 об.].

Одна из ключевых проблем, которую пришлось решать руководству госпиталей на новом месте – кадровый голод. С одной стороны, врачебный состав, прошедший Сталинградскую битву, приобрел бесценный опыт лечебной работы, но специалистов узкого профиля в госпиталях все равно не хватало. Например, в курских госпиталях в это время работали всего 4 хирурга соответствующей квалификации, которым пришлось провести за месяц более 2 тыс. операций [22, л. 165]. Набор медицинских сестер, санитарок, кухонных рабочих и другого вспомогательного персонала осуществлялся из числа местных жителей. В течение первого месяца работы в Курске начальники госпиталей практически ежедневно подписывали приказы о приеме на службу представителей гражданского населения [23, л. 35 об.].

Зачастую раненые и больные военнослужащие поступали в госпитали единым потоком, без соблюдения элементарных санитарно-гигиенических норм. При этом многие из них уже имели серьезные осложнения в форме воспалительных и некротических процессов. В дополнение к трудностям, связанным с восстановлением здоровья, длительная транспортировка по весеннему бездорожью на бортовых автомобилях наносила непоправимый вред общему состоянию больных и раненых [23, л. 37].

Перечисленные выше проблемы успешно решались, во многом, благодаря профессионализму, ответственному подходу к порученному делу и организаторскому таланту руководящего состава госпиталей. Примером подобного отношения к исполнению служебных обязанностей может служить начальник сортировочного эвакогоспиталя № 95 (СЭГ-95) военврач 2-го ранга А. Л. Рогуля. Артем Лукич родился 3 ноября 1898 г. в Минской губернии. В сентябре 1918 г. стал красноармейцем Ахтырского партизанского отряда, впоследствии воевал на Юго-Западном фронте, получил ранение. В 1922 г. был уволен со службы. Окон-

чив Харьковский медицинский институт, продолжил службу на врачебных должностях в авиационных частях и соединениях. С 1940 г. возглавлял одно из подразделений Военно-врачебной комиссии Киевского особого военного округа, в 1941 г. руководил вспомогательным эвакуационным пунктом № 61 Южного фронта. В 1942 г. был назначен начальником СЭГ-1095. 3 мая 1943 г. А. Л. Рогуля был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Как отмечено в наградном листе, в период Сталинградской битвы он сумел организовать эффективную работу госпиталя в городе Камышине. Инициировал создание двух эвакуационных пунктов на аэродромах, прирельсовый эвакуационный пункт на железнодорожной станции, сортировочные пункты, через которые прошли 163 105 военнослужащих, а лечение в госпитале прошли 9 343 раненых и больных воинов, в основном, представителей командно-политического состава [24; л. 156–157].

При передислокации госпиталя из Камышина в Курск А. Л. Рогуля смог в течение 6 дней переправить имущество и личный состав госпиталя к новому месту несения службы. СЭГ-1095 прибыл в Курск в 12.00 28 февраля 1943 г., а уже через два часа начал прием раненых. Длительное время оставался единственным госпиталем, принимавшим весь поток раненых Центрального фронта. В отдельные дни количество раненых, проходивших через госпиталь, достигало 3 тыс. человек вместо 500 штатных. Только за март 1943 г. через госпиталь было пропущено 11 698 раненых, каждому из которых была оказана квалифицированная медицинская помощь.

Ввиду отсутствия иных средств транспортировки, эвакуация большей части раненых осуществлялась по воздуху. Начальник госпиталя лично контролировал этот процесс, находясь на аэродроме даже во время вражеских бомбежек. 13 381 чел. было эвакуировано вглубь страны только за первые двадцать дней марта 1943 г. «Волевой, инициативный, энергичный начальник, умеющий справляться с трудностями» – так оценивал личные качества подчиненного начальник Фронтového эвакуационного пункта № 73 полковник медицинской службы Б. Н. Ибрагимов [24; л. 157–157 об.].

С 17 марта 1943 г. под руководством полковника медицинской службы А. Е. Эндера в Курске работал ЭГ-3240, через который до конца месяца прошли почти 3 тыс. военнослужащих, нуждавшихся в медицинской помощи. Всего же в течение марта – июня

1943 г. здесь прошли лечение около 7,5 тыс. пациентов. Госпиталь имел преимущественно травматологическую специализацию, связанную с лечением повреждений крупных костей тазобедренной области и грудной клетки. Находясь в Курске, его врачи провели более 1 200 операций [25, л. 27].

По инициативе старшего инспектора-невропатолога ФЭП-73 полковника медицинской службы Е. Д. Голдовского в ЭГ-3240 было развернуто нейрохирургическое отделение. Как опытный специалист, Евсей Давидович большую часть времени проводил в войсках, оказывая неотложную помощь в непосредственной близости от линии фронта. Но и госпитальной работе высококлассный нейрохирург и психиатр уделял особое внимание, не считаясь со временем, передавал свои знания молодым коллегам. Его вклад в спасение больных и раненых воинов был отмечен орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды [25, л. 28].

С мая 1943 г. участились авианалеты противника на Курск, сопровождавшиеся бомбардировками находившихся в городе госпиталей. По этой причине в начале июня ЭГ-3240 вынужден был передислоцироваться в село Овсянниково. При поддержке местного населения и военных строителей сотрудники госпиталя приняли участие в сооружении землянок подземного медицинского городка, в которых расположили операционную, перевязочную, палаты и другие штатные помещения. Одновременно были проведены работы по благоустройству подъездных путей и маскировке земляных сооружений [25; л. 29–30]. В период оборонительных боев на северном фесе Курской дуги ЭГ-3240 принял более 3,5 тыс. пациентов [25, л. 30].

Вопросы снабжения ЭГ-1693 медицинскими препаратами и оборудованием отражены в госпитальной истории. Причем прослеживаются явные изменения в этом процессе на разных этапах деятельности госпиталя. Так, с начала его организации все имущество выделялось со спецсклада. В дальнейшем, по мере расходования, медикаменты пополнялись из фондов Аптекоуправления г. Саратова.

В конце 1942 г. в связи с прибытием раненых и больных в госпиталь со Сталинградского фронта большими партиями, в госпитале иногда происходили перебои в обеспечении перевязочным материалом. Из затруднительного положения

выходили благодаря стирке старого перевязочного материала. Бывали моменты, когда работа госпиталя шла исключительно на использованных ранее бинтах.

После переезда госпиталя в Курск аптека расположилась в трёх комнатах на втором этаже, имея помимо этого складское помещение. По прибытии на новое место аптека оперативно подготовила имущество к бесперебойному обеспечению отделений медикаментами. В курский период снабжение производилось со склада, согласно заявкам, которые покрывались почти полностью [26; л. 22–24].

С марта 1943 г. начальником госпиталя являлся майор медицинской службы Ф. М. Овсянников. Врачебным персоналом эвакуогоспиталь был укомплектован полностью. При этом некомплект палатных медсестер составлял от 10 до 15 %. При передислокации госпиталя из г. Петровска Саратовской обл. в Курск выехало всего 8 врачей, включая двух хирургов, остальные остались по месту прежней дислокации.

По прибытии госпиталя в Курск, штат врачей был пополнен за счет педиатра и венеролога, направленных взамен оставленных в Петровске, а также 6 молодых специалистов. Средний медицинский персонал, за исключением трех старших и четырех операционно-перевязочных медсестер, пришел в госпиталь со школьной скамьи, но к лету 1943 г. приобрел необходимый опыт практической деятельности [26; л. 28–29].

С сентября 1943 г. госпиталь стал работать в тыловом районе. Его профиль изменился на контрольно-эвакуационный. Госпиталь принимал раненых и больных, контролировал правильность направления на дальнейшую эвакуацию и отправлял их в глубокий тыл. Эвакуационная работа в этот период возлагалась на контрольно-сортировочное и осадочное отделения, изолятор и эвакуационные отделения.

Основным звеном в работе госпиталя являлись слаженные действия контрольно-сортировочного отделения, где проводился медицинский контроль всех раненых и больных, поступавших из других госпиталей на эвакуацию. Здесь же раненые и больные проходили проверку их санитарного состояния. После этого раненые распределялись по эвакуационным отделениям с учетом локализации и тяжести ранения. Контрольно-эвакуационное отделение было уком-

плектовано квалифицированными врачами, медицинскими сестрами, санитарками и имело при себе команду санитаров-носильщиков. Контрольно-сортировочное отделение имело хорошо оснащенный санитарный пропускник с душевыми установками и ваннами, а также дезинфекционную камеру. Они функционировали круглосуточно.

После прохождения контрольно-сортировочного отделения тяжелораненые и нетранспортабельные пациенты направлялись в осадочное отделение, где они оставались до того момента, когда состояние здоровья позволяло направить их на эвакуацию или перевести в другие госпитали в случае длительного срока лечения. Легкораненые, не подлежавшие эвакуации из-за короткого срока лечения, переводились в госпитали легкораненых или пополняли команду выздоравливающих. Раненые и больные с подозрением на наличие у них инфекционных заболеваний направлялись в изолятор.

Пациенты, подлежавшие эвакуации, направлялись в эвакуационное отделение, где распределялись по палатам в соответствии с локализацией и тяжестью ранения. Как правило, перемещаемые на носилках раненые направлялись только на нижние этажи, а способные передвигаться самостоятельно – на верхние этажи [26; л. 32–33].

Госпиталями ФЭП-73 успешно руководили и военные врачи – женщины. Так, начальник ГЛР-2620 военврач 2-го ранга М. Н. Ляхова 17 мая 1943 г. была награждена орденом Красной Звезды. Благодаря четкой постановке режима оказания медицинской помощи, организации лечебно-физкультурной работы и боевой подготовки, ее подчиненным удалось вернуть в строй тысячи военнослужащих. В труднейших коммунальных условиях, связанных с отсутствием приспособленных помещений, начальник госпиталя смогла оборудовать дополнительное инфекционное отделение, потребность в открытии которого была велика. Имея на лечении 500 легкораненых в Курске, М. Н. Ляхова организовала на базе бывшей областной психиатрической больницы в деревне Сапогово силами штатных сотрудников своего госпиталя лечение 1 300 больных сыпным тифом [27, л. 116].

Майор медицинской службы Г. П. Шишманева (1911–1943) с октября 1942 г. возглавляла ППГ-85. Вышестоящее командование характеризовало ее как инициативного и энергичного

начальника госпиталя, который смог под ее руководством значительно повысить маневренность, оперативность и качество лечебной работы. Получив приказ о передислокации госпиталя из Ельца в Курск, его начальник в кратчайшие сроки смогла организовать транспортировку имущества и личного состава к новому месту назначения. По прибытии в Курск, майор Шишманева незамедлительно развернула госпиталь [24, л. 158], приступив к приему раненых командиров. Количество обслуживаемых раненых было доведено до 740, вместо положенных по штату 200 чел. В госпитале ей удалось организовать отличный уход и лечение раненых. В ходе эвакуации пациентов по воздуху или санитарной летучкой начальник госпиталя лично присутствовала и руководила погрузкой. 3 мая 1943 г. Военный совет Центрального фронта наградил ее орденом Отечественной войны 2-й степени.

О трагической гибели Г. П. Шишманевой рассказывает в мемуарах бывший член Военного совета Центрального фронта, генерал-лейтенант К. Ф. Телегин: «В конце июня Г. П. Шишманян, начальник военного госпиталя № 85, выкроила часок, чтобы повидаться с мужем – Василием Ивановичем Казаковым (командующий артиллерией Центрального фронта – *авт.*). Во время ужина раздался гул немецких самолетов. Стало ясно, что немцы знают о расположении штаба фронта и будут бомбить его. Все немедленно вышли из помещения. К. К. Рокоссовский скомандовал: «Ложись!» Василий Иванович своим телом прикрыл Галину Павловну, но осколок попал ей в бедро. Больше никто не пострадал. Ранение было тяжелое, в госпитале делали все возможное. Она умерла через 10 дней. Похоронили Галину Павловну с воинскими почестями в Курске...»¹ Согласно документам ЦАМО РФ, Г. П. Шишманева получила тяжелое ранение 2 июня, а умерла 2 июля 1943 г. Памятник на ее могиле в Курске является объектом культурного значения.

В подчинении у Г. П. Шишманевой работали не менее талантливые специалисты, спасавшие жизни раненых. 24-летняя военврач 2-го ранга Г. В. Таланова, являясь ординатором хирургического отделения ППГ-85, когда госпиталь принимал в Курске до 750 раненых ежедневно, не считалась со временем

¹ Махрин Ю. Розы для Галины [Электронный ресурс]. URL: <https://mirnov.ru/rubriki-novostey/yeto-interesno/rozy-dlja-galiny.html> (дата обращения: 10.03.2024).

и усталостью, по несколько суток не выходила из перевязочной, самостоятельно вела не менее 250 раненых, оказывала хирургическую помощь и спасла жизнь многим командирам Красной армии. 3 мая 1943 г. была награждена орденом Красной Звезды [28, л. 193]. «Чуткой, беззаветно преданной своему делу, пользующейся всеобщей любовью со стороны раненых» – характеризовало командование военврача 3-го ранга Н. Г. Чугаеву, представляя ее к награждению орденом Красной Звезды [28, л. 196].

Государственными наградами и поощрениями командования в 1943 г. неоднократно отмечался добросовестный труд по уходу за ранеными и больными воинами не только начальствующего и врачебного состава госпиталей, но и младшего медицинского и обслуживающего персонала.

Обсуждение и выводы

Повседневная деятельность госпиталей, принимавших на лечение раненых и больных советских воинов, длительное время оставалась вне поля зрения исследователей. Исследования гражданских специалистов по истории военной медицины ограничивались, главным образом, рассмотрением документов местных органов власти об организации оказания материальной помощи госпиталям и моральной поддержки раненым (сбор инвентаря, продуктов питания, формирование подарочных фондов, переписка, читка газет и шефские концерты), а также воспоминаний ветеранов, трудившихся в госпиталях.

Открытие доступа к фондам Архива военно-медицинских документов, ставшего филиалом Центрального архива Министерства обороны РФ значительно расширило возможности исследователей. Распорядительная и отчетная документация органов управления санитарно-эвакуационной и лечебно-профилактической работой позволяет четко представить их структуру и степень подчиненности, а также многогранную деятельность по оказанию первой доврачебной и квалифицированной медицинской помощи раненым.

Пропуск пораженных в боях и имевших заболевания военнослужащих через полевые подвижные и эвакуационные госпитали является лишь одним из важных аспектов медико-санитарного обслуживания войск. Но именно госпитали стали ключевым звеном важной системы тылового обеспечения,

которое поддерживало боеспособность армии за счет возвращения в строй временно выбывших военнослужащих, а самое главное – сохраняло человеческие жизни.

Архивные документы дают вполне развернутую картину круга повседневных проблем, с которыми пришлось сталкиваться госпиталям, работавшим в прифронтовой полосе. Приведенные в статье примеры деятельности лишь нескольких лечебных учреждений фронтового эвакуационного пункта № 73, позволяют четко представить, каким образом в экстремальных условиях военного времени решались наиболее актуальные вопросы, связанные с выполнением профессиональных обязанностей военными медиками.

Успешное решение задач по ускоренной передислокации и оперативному развертыванию госпиталей стало возможным благодаря организаторскому таланту начальствующего состава и слаженности действий их коллективов, проявивших способность принимать непосредственное участие в транспортировке раненых и вверенного имущества, обустройстве новых помещений, требовавших проведения коренной реконструкции или восстановления, неотложных ремонтно-строительных работ и санитарной обработки.

Снабжение госпиталей продуктами питания, недостающими предметами быта, а также доукомплектование штатными должностями младшего медицинского и обслуживающего персонала осуществлялось за счет использования местных ресурсов. Население Курской области активно помогало расквартированным на ее территории госпиталям, оказывало неоценимую поддержку больным и раненым воинам, осуществляя постоянный санитарный уход за ними и оказывая позитивное морально-психологическое воздействие.

Профессионализм личного состава госпиталей, проявляемый ими в повседневной практической деятельности, подтверждается содержащимися в отчетной статистике данными. Минимальный процент летальных исходов, фиксируемый на уровне 2–3 %, количество проведенных операций, направление тяжелораненых для организации специализированного лечения в тыловых районах, возвращение в строй выздоравливающих военнослужащих свидетельствует о высоком уровне квалификации медико-санитарного персонала госпиталей

Центрального фронта в рассматриваемый период. Высокая оценка труда военных медиков дополняется и конкретизируется приведенными в наградных материалах фактами.

В целом, имеющиеся на хранении в Архиве военно-медицинских документов источники предоставляют широкие возможности для проведения исторических исследований по проблемам кадрового обеспечения, организации лечебно-профилактической работы, установления судеб раненых и многим другим аспектам функционирования врачебно-санитарной службы РККА в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. История Курской битвы: проблемы и перспективы исследования и сохранения памяти: сборник науч. статей участников Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию победы в Курской битве. 12–13 мая 2023 года, г. Курск / гл. ред. В. В. Коровин. Курск: Университетская книга, 2023. 325 с. EDN: XBSWIY

2. Мы выстояли и победили: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 80-летию прорыва блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвы. Оренбург, 26–27 мая 2023 г. / под ред. Р. Р. Хисамутдиновой. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2023. 264 с. EDN: ENEURM

3. Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Материалы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию освобождения Дона и Донбасса. Ростов-на-Дону, 05–08 июля 2023 года / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2023. 624 с. EDN: EVKYUG

4. Замулин В. Н. Курская битва. Сражение, изменившее ход истории: монография. М.: Вече, 2017. 496 с. EDN: ZRVQRN

5. Исаев А. В. Курская битва. Всё о сражении, решившем судьбу Второй мировой. М.: Эксмо: Яуза, 2018. 367 с.

6. Карель П. Восточный фронт. Книга вторая: Выжженная земля. 1943–1944. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. 432 с.

7. Гланц Д., Хауз Д. Курская битва: решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ: Астрель, 2007. 508 с.

8. Ньютон С. Х. Курская битва. Немецкий взгляд: операция "Цитадель" в описании нем. военачальников. М.: Яуза: Эксмо, 2006. 573 с.

9. Тёппель Р. Курск 1943: величайшая битва Второй мировой войны. М.: Вече, 2019. 302 с.

10. Тыл советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. С. К. Куркоткина; Ин-т воен. истории. М.: Воениздат, 1977. 559 с.

11. Доманк А. С. Тыл Огненной дуги. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1989. 269 с.

12. Потапов В. А. Тыл советских Вооруженных сил в сражениях 1941–1945 гг. // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 10. – С. 31–36.

13. Гладких П. Ф., Локтев А. Е. Очерки истории отечественной военной медицины. Служба здоровья в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. Б. В. Гайдара. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 720 с. EDN: QLLMFT

14. Астапова Л. И. Организация и функционирование госпитальной базы Воронежского фронта (июль 1942 г. – декабрь 1943 г.) // Война на Дону: материалы междунар. науч. конф., Россия, Воронеж, ВГАУ им. К. Д. Глинки, 15 апреля 2008 г. / Отв. редактор С. И. Филоненко. Воронеж: Истоки, 2008. С. 442–448.

15. Байрамов Р. С. Организация эвакуации раненых и больных воинов Центрального фронта в ходе подготовки и в период Курской битвы // Курский военно-исторический сборник. Вып. 21. Курск: Университетская книга, 2021. С. 10–13. EDN: EKDHRT

16. Очерки истории советской военной медицины / под ред. Д. Д. Кувшинского и А. С. Георгиевского. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1968. 526 с.

17. Тимофеев В. В. Эвакогоспитали в республиках Волго-Вятского экономического региона в годы Великой Отечественной войны // Мы победу приближали как могли: материалы междунар. науч. конф., посвященной Великой Отечественной войне (с акцентом на события 1943 года), Москва, 18–19 апр. 2003 г. / рук. редкол. В. С. Порожня. Смоленск: Смядынь, 2003. С. 494–498.

18. Красноженова Е. Е. Организация госпитального хозяйства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) // Вестник гуманитарного научного образования. – 2012. – № 6 (20). – С. 04–06. EDN: NYWEPS

19. Карамова Л. М., Гайнуллина М. К., Фахуртдинова Л. А. Эвакуационные госпитали Башкирии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Медицина труда и экология человека. – 2015. – № 2. – С. 13–16. EDN: TXZDWR

20. Щевьев А. А., Синельников И. Ю. Деятельность рязанских эвакогоспиталей в годы Великой Отечественной войны // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2021. – № 4 (73). – С. 64–70. EDN: ZNZVHU

21. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 226. Оп. 354. Д. 7.

22. Архив военно-медицинских документов – филиал ЦАМО РФ (АВМД). Ф. 5. Оп. 1. Д. 152.

23. АВМД. Ф. 560. Оп. 48701. Д. 1.

24. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 265.

25. АВМД. Ф. 1780. Оп. 70112/4. Д. 41.

26. АВМД. Ф. 1046. Оп. 2202. Д. 1.

27. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4645.

28. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 142.

Documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation on the Frontline Routine of Hospitals on the Eve and During the Battle of Kursk

Vladimir V. Korovin

The article deals with topical issues of the organization of the daily work of hospitals operating on the Central Front in 1943. The material is prepared on the basis of documentary sources introduced into scientific circulation for the first time, identified by the author in the Archive of Military Medical Documents – branch of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Despite the presence of numerous publications devoted to the provision of medical care to wounded and sick servicemen, the stated topic remains insufficiently developed due to the limited access of researchers to archival documents of military medical institutions specific in composition and content. Using specific examples of the frontline daily life of individual hospitals of the Central Front, the article reveals such aspects of the organization of their activities as relocation and deployment of hospital base in extreme conditions, the state of human resources, solving problems of material security, reception, maintenance and evacuation of wounded soldiers. The successful solution of these tasks made a significant contribution to maintaining the combat capability of the troops on the eve and during the Battle of Kursk and other decisive battles of the Great Patriotic War. The considered experience of hospitals is in demand in modern conditions from the standpoint of scientific and theoretical generalization and practical application.

Key words: Central front, hospital, wounded, evacuation, surgery, medical care.

Acknowledgments: The publication was prepared as part of the implementation of state assignment No. 085102020-0033 “Transformation of Private and Public Law in the Context of an Evolving Individual, Society and State”.

For citation: Korovin, V. V. (2024) Dokumenty CAMO RF o frontovoj povsednevnosti gospi-talej nakanune i v period Kurskoj bitvy [Documents of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation on the Frontline Routine of Hospitals on the Eve and During the Battle of Kursk]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 97–113. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_97. EDN: KEQIGD

References

1. Korovin, V. V. (2023) (ed.) *Istoriya Kurskoj bitvy: problemy i perspektivy issledovaniya i sohraneniya pamyati* [The history of the Battle of Kursk: problems and prospects of research and preservation of memory]. *Sbornik nauchnykh statej uchastnikov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 80-letiyu pobedy v Kurskoj bitve. 12–13 maya 2023 goda, g. Kursk* [Collection of scientific articles by participants of the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Battle of Kursk. May 12–13, 2023]. Kursk: Universitetskaya kniga. (In Russ.). EDN: XBSWIY
2. Hisamutdinova, R. R. (2023) (ed.) *My vystoyali i pobedili* [We stood up and won]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya k 80-letiyu proryva blokady Leningrada, Stalingradskoj i Kurskoj bitvy. Orenburg, 26–27 maya 2023 g.* [International Scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the breakthrough of the siege of Leningrad, the Battle of Stalingrad and the Battle of Kursk. Orenburg, May 26–27, 2023]. Collection of articles. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. (In Russ.). EDN: ENEURM

3. Matishov, G. G. (2023) (ed.) *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly* [The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of Southern Russia: events, participants, symbols]. *Materialy IV Vseros. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 80-letiyu osvobodzheniya Dona i Donbassa. Rostov-na-Donu, 05–08 iyulya 2023 goda* [Materials of the 4th All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of the liberation of the Don and Donbass. Rostov-on-Don, 05–08 July 2023]. Rostov-on-Don: YUNC RAN. (In Russ.). EDN: EVKYUG

4. Zamulin, V. N. (2017) *Kurskaya bitva. Srazhenie, izmenivshee hod istorii* [The battle that changed the course of history]. Moscow: Veche. (In Russ.). EDN: ZRVQRN

5. Isaev, A. V. (2018) *Kurskaya bitva. Vsyo o srazhenii, reshivshem sud'bu Vtoroj mirovoj* [The Battle of Kursk. All about the battle that decided the fate of World War II]. Moscow: Eksmo: YAuz. (In Russ.)

6. Karel', Paul. (2003) *Vostochnyj front. Kniga vtoraya. Vyzhzhennaya zemlya. 1943–1944* [The Eastern front. Book two. Scorched earth. 1943–1944]. Moscow: Izografus, EKSMO. (In Russ.)

7. Devid, Glanc, Dzhonatan, Hauz (2007) *Kurskaya bitva: reshayushchij povоротnyj punkt Vtoroj mirovoj vojny* [The Battle of Kursk: the decisive turning point of the Second World War]. Moscow: AST: Astrel'. (In Russ.)

8. N'yuton Stiven, H. (2006) *Kurskaya bitva. Nemeckij vzglyad: operaciya "Citadel" v opisaniyah nem. voenachal'nikov* [The Battle of Kursk. German view: Operation Citadel in the descriptions of German military leaders]. Moscow: YAuz: Eksmo. (In Russ.)

9. Tyoppel', Roman (2019) *Kursk 1943: velichajshaya bitva Vtoroj mirovoj vojny* [Kursk 1943: the greatest battle of the Second World War]. Moscow: Veche. (In Russ.)

10. Kurkotkin, S. K. (1977) (ed.) *Tyl Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [The rear of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945.]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)

11. Domank, A. S. (1989) *Tyl Ognennoj dugi* [The rear of the Fire Arc]. Voronezh: Central'no-CHernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)

12. Potapov, V. A. (2010) *Tyl sovetskikh Vooruzhennykh Sil v srazheniyah 1941–1945 gg.* [The rear of the Soviet Armed Forces in the battles of 1941–1945]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 10. Pp. 31–36. (In Russ.)

13. Gladkih, P. F., Loktev, A. E. (2005) *Ocherki istorii otechestvennoj voennoj mediciny. Sluzhba zdorov'ya v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Essays on the history of Russian military medicine. Health Service in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.). EDN: QLLMFT

14. Astapova, L. I. (2008) *Organizaciya i funkcionirovanie gospi'tal'noj bazy Voronezhskogo fronta (iyul' 1942 g. – dekabr' 1943 g.)* [Organization and functioning of the Voronezh Front Hospital Base (July 1942 – December 1943)]. *Vojna na Donu. materialy mezhdunar. nauch. konf. Rossiya, Voronezh, VGAU im. K.D. Glinki, 15 aprelya 2008 g.* [The War on the Don. Materials of the International scientific Conference, Voronezh, Russia, K.D. Glinka State State University, April 15, 2008]. Voronezh: Istoki. Pp. 442–448. (In Russ.)

15. Bajramov, R. S. (2021) *Organizaciya evakuacii ranenyyh i bol'nyh voinov Central'nogo fronta v hode podgotovki i v period Kurskoj bitvy* [Organization of evacuation of wounded and sick soldiers of the Central Front during the preparation and during the Battle of Kursk]. *Kurskij voenno-istoricheskij sbornik* [Kursk Military Historical Collection]. Vol. 21. Kursk: Universitetskaya kniga. Pp. 10–13. (In Russ.). EDN: EKDHRT

16. Kuvshinskij, D. D., Georgievskij A. S. (eds.) (1968) *Ocherki istorii sovetskoj voennoj mediciny* [Essays on the history of Soviet military medicine]. Leningrad: Medicina. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.)

17. Timofeev, V. V. (2003) *Evakogospitali v respublikah Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo regiona v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [They were evacuated in the republics of the Volga-Vyatka economic region during the Great Patriotic War]. *My pobedu priblizhali kak mogli* [We brought victory as close as we could]. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the Great Patriotic War (with an emphasis on the events of 1943). Smolensk: Smyadyn'. Pp. 494–498. (In Russ.)

18. Krasnozhenova, E. E. (2012) *Organizaciya gospi tal'nogo hozyajstva v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Organization of hospital facilities during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovaniya* [Bulletin of Humanitarian scientific Education]. No. 6 (20). Pp. 04–06. (In Russ.). EDN: NYWEPS

19. Karamova, L. M., Gajnullina, M. K., Fahurtdinova, L. A. (2015) *Evakuacionnye gospi tali Bashkirii v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Evacuation hospitals of Bashkiria in the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Medicina truda i ekologiya cheloveka* [Occupational medicine and human ecology]. No. 2. Pp. 13–16. (In Russ.). EDN: TXZDWR

20. SHChev'yov, A. A., Cinel'nikov, I. YU. (2021) *Deyatel'nost' ryazanskikh evakogospitalej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activities of Ryazan evacuation hospitals during the Great Patriotic War]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin]. No. 4 (73). Pp. 64–70. (In Russ.). EDN: ZNZVHU

21. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF (hereinafter – CAMO RF)* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. F. 226. Op. 354. D. 7. L. 195.

22. *Arhiv voenno-medicinskih dokumentov – filial CAMO RF (hereinafter – AVMD)* [Archive of military medical documents – branch of the Central Medical Research Center of the Russian Federation]. F. 5. Op. 1. D. 152.

23. AVMD. F. 560. Op. 48701. D. 1.

24. CAMO RF. F. 33. Op. 682526. D. 265

25. AVMD. F. 1780. Op. 70112/4. D. 41.

26. AVMD. F. 1046. Op. 2202. D. 1.

27. CAMO RF. F. 33. Op. 686044. D. 4645.

28. CAMO RF. F. 33. Op. 682526. D. 142.

Об авторе

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация; e-mail: vlavikor@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-8353-526X

About the author

Korovin Vladimir V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation; e-mail: vlavikor@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-8353-526X

Статья поступила в редакцию 14.03.2024

Одобрена после рецензирования 26.04.2024

Принята к публикации 2.05.2024

Об одной из операций разведывательного спецотряда под командованием И. К. Шерстнева в Лужском районе Ленинградской области

В. И. Хрисанфов

В статье на основе ранее не введенных в научный оборот документов реконструирована деятельность в 1943–1944 гг. партизанского отряда под командованием Ивана Кузьмича Шерстнева на территории оккупированного немецко-фашистскими захватчиками Лужского района Ленинградской области. В ходе исследования описана биография главы отряда, его соратников по борьбе с оккупантами, взаимоотношения с местными жителями и карательными отрядами фашистов. Подробно проанализирован ход исполнения отрядом задания командования Ленинградского фронта и Ленинградского штаба партизанского движения по сбору сведений о военном положении города Луга, численности местного гарнизона, его вооружении и укреплениях, о движении воинских эшелонов по Варшавской железной дороге и воинских частей по Киевскому шоссе. При изучении архивных документов выявлены «безвестные герои» – лужане, которые несмотря на угрозу смерти, выполняли разведывательную деятельность в городе, где базировалось гестапо и комендатура. В ходе анализа информации из архивных документов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга и сопоставления с опубликованными исследованиями прослежена деятельность партизанского отряда по созданию агентуры на оккупированной территории, раскрытию засекреченных врагом оборонительных сооружений.

Ключевые слова: И. К. Шерстнев, Лужский район, Ленинградская область, партизанское движение.

Для цитирования: Хрисанфов В. И. Об одной из операций разведывательного спецотряда под командованием И. К. Шерстнева в Лужском районе Ленинградской области // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 114–127. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_114. EDN: NDRPPM

Введение

В современной российской историографии уже неоднократно отмечалось, что в истории партизанской и подпольной борьбы на оккупированной территории Ленинградской области еще много «белых пятен», многое остается не изученным, о чем пишут исследователи: Н. Д. Козлов, С. В. Кулик, В. Г. Колотушкин, Е. Е. Красноженова, Е. С. Завражная и другие [1–6]. Так, по сведениям профессора П. Р. Шевердалкина (1906–1980), которого, по общему мнению историков, принято считать первым исследователем партизанского движения в Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны, только из Ленинграда за линию фронта ушел 191 партизанский отряд, не считая множество местных отрядов, возникавших на оккупированной территории различных районов области [7, л. 7].

Пока же опубликованные материалы рассказывают нам лишь о десятках или чуть более из них. Конечно, многие из отдельных отрядов потом вливались в созданные 13 партизанских бригад. Но у каждого отряда была уже своя боевая история, которую также необходимо зафиксировать.

Оставались и еще долго действовали самостоятельно десятки спецотрядов, которые решали разведывательные задачи. Об одном из таких отрядов, выполнявшим специальное задание на территории Луги и Лужского района, и пойдет речь в данной статье.

Результаты

В годы Великой Отечественной войны, как в самом ее начале, так и во время оккупации Лужского района, город Луга и его окрестности имели стратегическое значение. Поэтому командование Ленинградского фронта и Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД) хотели знать все о военном положении города, о численности местного гарнизона, его вооружении и всех укреплениях, имевшихся в городе, а также о движении воинских эшелонов по Варшавской железной дороге и воинских частей по Киевскому шоссе.

Такие задания давались подпольщикам, местным партизанским отрядам, действовавшим самостоятельно, позднее – партизанским бригадам, действовавшим в Лужском районе, вблизи г. Луги. Разведывательная информация в центр шла, таким об-

разом, по различным каналам: от подпольщиков к партизанам, оттуда в центр. Этим занимались разведчики 11-й Волховской бригады, разведка 5-й бригады. Такие задания давались и отдельным специальным отрядам, главной задачей которых и была разведывательная деятельность на лужском направлении.

Одним из таких отрядов был отдельный разведывательный отряд И. К. Шерстнева, который часто упоминается в исторической литературе, но о котором мы мало, что знаем. В 2006 г. завесу таинственности попытался приоткрыть корреспондент газеты «Лужская правда» А. Лосев [8]. Но его материал был посвящен некоторым исполнителям замыслов ЛШПД. Конкретно А. Лосев рассказал о жизни в оккупированном городе лужской семьи Мотыльковых, члены которой волей судеб, быть может, вопреки их желанию, оказались втянутым и в водоворот событий, благодаря которым они очутились на переднем крае опасной для жизни борьбы бойцов «невидимого фронта».

Их действия не были связаны с борьбой лужской подпольной организации Н. Н. Теплухина, и поэтому, с одной стороны, понятна характеристика, данная главе семьи Мотыльковых организатором лужского подполья И. Д. Дмитриевым, который негативно отозвался о П. В. Мотылькове, назначенным немцами главным агрономом Лужского района, считая его коллаборационистом. В своем отчете о деятельности лужских партизан он писал: «В районе всеми земельными делами заправлял бывший агроном колхоза “Большой Брод” Мотыльков» [9, л. 33; 10, 30]. И. К. Шерстнев, вспоминая о нем, назвал его «старичком», чуть ли не «божьим одуванчиком» [10, л. 30].

А. Лосев, рассказывая о нем, с другой стороны, опирался только на слова его сына, полностью доверяя его рассказу, достоверность которого подкреплялась справкой за подписью Шерстнева, которую показал ему во время своего интервью В. П. Мотыльков-младший. В ней подтверждается главное – они «действительно, работали по заданию в тылу врага – г. Луге для ЛШПД с 15 октября 1943 г. по 1 февраля 1944 г. и превосходно справились с порученной им работой, как-то:

1. Предоставили полный и подробный план всей обороны г. Луги.

2. Регулярно сообщали о движении автотранспорта и поездов по их дорогам... а также информировали о внутреннем

положении и движении войск, за что представлены к правительственной награде – медали “За оборону Ленинграда”» [Цит. по: 8, 2006. 4 мая].

Наше внимание привлёк комментарий журналиста, касающийся встреч Мотыльковых с Шерстневым, которого А. Лосев, почему-то называет Иваном Константиновичем. Конечно, сам В. П. Мотыльков, поскольку он в те годы был ещё молодым человеком, ему было всего 22 года, мог и не встретиться с Шерстневым. А вот с его отцом, П. В. Мотыльковым, Шерстнев был связан не только через связных, но встречался и лично, о чем будет рассказано по ходу изложения материала, также и по поводу цитаты из книги писателя П. И. Лукницкого, которую приводит А. Лосев.

Начнем с рассказа о самом командире отряда Шерстневе, личности, действительно легендарной, опираясь на его воспоминания о действиях возглавляемого им отдельного разведывательного спецотряда.

Иван Кузьмич Шерстнев, 1906 г. рождения, член ВКП(б), был родом из Ивановской области. В 1933 г. он закончил техникум в Вязниках, а потом два года был на партийной работе. С 1935 г. работал начальником цеха фабрики им. К. Либкнехта, в том же городе. В 1937–1939 гг. стал главным инженером фабрики «Пролетарий» Никологарского района Ивановской области. С 1939 г. и до начала Великой Отечественной войны – уже директор Псковской льночесальной фабрики, которая работала на Ивановский ткацкий регион.

Когда враг подошел к городу, приказа на эвакуацию Шерстнев не получил, поэтому ему пришлось срочно уничтожить фабричное имущество, за день до захвата Пскова немцами. Он уехал сначала в Торошино, а затем 18 или 19 июля прибыл в Новгород. Оттуда на своей машине Шерстнев отправился в пос. Окуловка. В армию его не взяли, предложили временно идти работать на местную фабрику.

28 июля Иван Кузьмич вступил в местный партизанский отряд, насчитывавший 60 чел. Около двух месяцев их обучали, а в середине октября отряд, в котором Шерстнев был назначен командиром взвода подрывников, перешел линию фронта в районе Киришей. Отряд действовал в районе Чудово, правда, недолго. Однажды партизаны напоролись на карателей, которые рассеяли отряд [11, л. 1–3 об.].

Потом Шерстнев оказался в партизанском отряде из Боровичей, откуда попал в Волхов, и, наконец, снова очутился в Окуловке, где их отряд расформировали. Из Окуловки, в январе 1942 г. Шерстнев был направлен в Валдай, где он был прикомандирован к 1-й отдельной партизанской бригаде Буйнова (бывшего пограничника). Партизаны действовали в районе дер. Бродки Дедовического района, занимались подрывными работами [11, л. 4].

22 июня 1942 г., по приказу ЛШПД, из лучших бойцов 1-й бригады (разведчиков и подрывников) был организован специальный партизанский отряд, получивший задание производить диверсии на Ленинградском шоссе. Командиром этого отряда назначается И. К. Шерстнев. 27 хорошо вооруженных людей под его командованием начали действовать в районе Новоселья и Струг Красных, а в октябре перебрались в район Витебской железной дороги. Отряд базировался в лесу, в районе деревень Хвошно, Высокая, Оклюжье, где вели разведку местности. В конце октября в деревнях появились каратели (около 1,5 тыс. чел.). Отряду пришлось уходить. 11 ноября партизаны Шерстнева встретились с бригадой Кириллова (о ней Шерстнев ничего не пишет).

В лесу отряд пополнился за счет военнопленных и окруженцев 2-й Ударной армии [12, л. 9]. Настроение у бойцов было неважное. По словам Шерстнева, было очень плохо с продуктами – хлеба никакого, съедали по кружке ржи в день и кусочек мяса [11, л. 9]. Шерстнев не жаловался на бытовые условия, а лишь констатировал этот факт. Зимой 1942/43 гг. отряд все время передвигался, в походах спали на земле: вытаптывали снег, клали вдоль и поперек сучья, на них накладывали еловые ветки. К костру ложись ногами. В баню ходили редко. 2 раза серьезно голодали – 7 дней в сентябре 1942 г.; второй раз – в январе 1943 г. во время боев с карателями.

Карательные отряды состояли преимущественно из русских, эстонцев и финнов. Один раз столкнулись с поляками – в дер. Подгорье, Рогозино, Елисеєво. По словам Шерстнева, польский гарнизон, стоявший в дер. Заполье, «лояльно относился к партизанам» [11, л. 16 об., 17 об., 18].

От Валдайской оперативной группы, с которой поддерживалась связь, отряд получил задание «наблюдать за работой

Люблинского и Красновального аэродромов, на которых в отдельные периоды базировалось до 300 самолетов [11, л. 10].

25 декабря 1942 г., в немецкое Рождество, партизаны Шерстнева заминировали Витебскую железную дорогу в районе разъезда Кочура: взорвали эшелон с живой силой. И фашистам в течение 7 суток пришлось расчищать и восстанавливать разрушенный участок железной дороги [11, л. 10].

Затем отряд пошел навстречу бригаде Кириллова. Утром 12 января 1943 г. пришли на место вероятного расположения бригады, но обнаружили лишь взорванные землянки [11, л. 11], поэтому Шерстнев принял решение вернуться к старому месту базирования. Из-за плохой обуви и одежды несколько партизан обморозили руки и ноги. Пришлось идти в дер. Средние Озерцы Лужского района. Здесь местные жители помогли с одеждой и обувью. Рассказывая об этом, Шерстнев особенно подчеркивал теплые, доверительные отношения с жителями, с которыми отряд общался.

Отряд принял 8 человек из интернационального партизанского отряда Ф. Гульона. Шерстнев не называл никаких фамилий. Станислав Вязьменский, автор книги об испанских партизанах, предполагал, что это была группа Н. Пилипко, комиссара отряда Гульона, и указывал фамилии двух человек – Пилипко и Гриценко, которые, по его источникам, «в Уторгошском районе встретили отряд Шерстнева» [11, л. 11; 13, с. 39], но поскольку налицо разночтение пункта встречи – требуется уточнение.

В течение зимних месяцев 1943 г. отряд Шерстнева жил в лесу, вернувшись в район деревень Хвошно, Высокое, Окложье. В этот период партизаны оказались без боеприпасов и радиосвязи. Только две ночи ночевали в деревнях. За это время с помощью жителей удалось добыть радиопитание и 2–3 раза связаться с оперативной группой на Валдае, но пользы от этого не было – обещанный груз не был сброшен. К тому же снова сели батареи. В деревне Нежатицы два местных жителя – Иванов и Федоров – взяли на себя выполнение задачи: «в срок до 20 февраля или добыть у немцев в Луге новые, или исправить старые батареи» [11, л. 12 об.].

Но в ночь с 19 на 20 января немцы организовали крупную карательную экспедицию. Как вспоминал Шерстнев, пришлось отходить, так как «сопротивляться не могли». Отошли в район

Радиловского озера. Сюда 6 марта была сброшена группа Коминского с радиоприемником. Шерстнев связался с начальником Валдайской оперативной группы ЛШПД Гординым и получил приказ идти в район оз. Лучно Славского района. Потом был получен приказ присоединиться к 5 ЛПБ. Там Шерстнев пробыл до августа 1943 г. и занимался, главным образом, разведывательной работой [11, л. 12 об.].

В августе Иван Кузьмич получает отпуск (как старый партизан), сдал отряд и свой автомат и ждал самолет для вылета в советский тыл.

Настало время вернуться к приведенному А. Лосевым комментарию, а точнее, к цитате из книги писателя П. Лукницкого, о которой мы упоминали в начале статьи, и которая, по мнению журналиста, должна была подчеркнуть значимость задания, выполняемого Шерстневым. Из слов писателя, которые Лосев приводил, следовало, что лично начальник ЛШПД М. Н. Никитин, направляя Шерстнева в тыл врага, произнес такие слова: «Мы знаем все, что делается везде – в Новгороде, Пскове, Гатчине. А о Луге – ничего не знаем». Шерстнев, по мнению Лукницкого, сумел заполнить этот пробел [9, 4 мая].

Сказано с пафосом, красиво, значимо! На самом деле, все было проще, прозаичнее. Пока И. К. Шерстнев ждал прилета самолета, из ЛШПД был получен новый приказ: «организовать агентурную разведку и разведать город Лугу». Приказ был от подполковника Атрощенко. Правда, неофициальный, но выполнять его надо было. Так, что для Шерстнева это было лишь очередное задание.

В сентябре 1943 г. Шерстнев с группой в 8 человек приступил к выполнению данного приказа. Но для его реализации потребовались значительные усилия, хотя и центр, и он сам, первоначально посчитали это дело простым и легким, которое не займет много времени. По мнению Шерстнева, вся операция выглядела так: «организуем агентуру, обеспечиваем рацией и, таким образом, его работа будет закончена», тем более что предполагалось опереться «на людей проверенных, ранее уже помогавших и связанных с партизанами».

Одним из них был житель деревни Хвошно (правда, не коренной, беженец из Ленинграда) по фамилии Шилейко. Он работал на 202 участке авторемонтной базы. Ему было предложено

заниматься разведывательной деятельностью, так как он имел пропуск на право хождения в Лугу. Хотя для него это и было неожиданным, Шилейко дал согласие и «аккуратно выполнял все поручения по разведке Луги, а также следил за движением по Варшавской железной дороге» [11, л. 13].

Другим проверенным человеком был 65-летний Иван Семенович Камков. Он различными путями, через фельдшера и взятки, добывал пропуск в Лугу и тоже выполнял все поручения партизан. Но для того, чтобы получить пропуск Камкову приходилось собирать яйца и кур у населения и носить в подарок немецкому коменданту Городка. Он относил в Лугу сельскохозяйственные продукты, а оттуда приносил «всякую дребедень» – сахарин, иголки и т. п. мелочь. Короче говоря, как бы занимался спекуляцией [11, л. 13].

Но и тот, и другой бывали в Луге нерегулярно. А этого было недостаточно. Нужно было налаживать постоянную агентуру. В октябре 1943 г. был завербован и использован как резидент агентурной разведки управляющий так называемого «госимения» (бывший совхоз) «Солнцев берег» Александр Иванович Васильев. До войны он работал агрономом этого совхоза. У немцев он пользовался доверием и имел возможность свободно ходить и ездить в Лугу и по окрестностям Луги. У Васильева были связи в городе, и он мог организовать целую сеть агентов. После этой «вербовки», дела пошли лучше. В декабре 1943 г. к Васильеву пришла группа партизан из полка Тараканова (5-я Ленинградская партизанская бригада) и начала угрожать расправой за связь с немцами. Он был вынужден признать связь с Шерстневым. Но те, кого Шерстнев назвал «шарлатанами», хотя, скорее, это были глупые, ограниченные люди, продолжали кричать. Об этом стало известно местным жителям, и на второй день (после ухода партизан) Васильев был арестован немцами. Дальнейшая его судьба Шерстневу была неизвестна [11, л. 15].

Шерстневу этого показалось мало, и он организовал параллельную агентуру. В итоге нужная информация пошла из нескольких источников по одному направлению (т. е. появилась возможность перепроверить полученные сведения). С этой целью в ноябре 1943 г. был завербован и использован как резидент управляющий госимения «Рапти» Николай Иванович Орлов. Ему было около 40 лет. Он, как и Васильев, до войны был

агрономом. Вербовка Орлова проходила так. Получив информацию, что в совхозе Рапти есть человек, который имел большие связи в Луге и пользовался доверием у немцев, И. К. Шерстнев поставил перед собой задачу «завербовать его и заставить работать на себя, а если не удастся – уничтожить». Он послал Орлову, через своих партизан, письмо, в котором напоминал тому о предательстве и предложил работать на советскую разведку, чтобы искупить вину. Назначил срок для размышления и место встречи. Но тот долго не отвечал (оказалось, что Орлова направили «на курсы» в Германию). Но Шерстнев, не зная об этом, написал еще одно, уже резкое по содержанию, письмо. После этого Орлов пришел к партизанам со слезами на глазах и настоял на личной встрече с Шерстневым. После встречи и беседы, Орлов, по словам Шерстнева, стал работать «честно и добросовестно». Правда, Иван Кузьмич не знал, «за страх или за совесть» [11, л. 15].

Орлов организовал в Луге свою сеть агентов. В частности, им была завербована семья Мотылькова, который был назначен немцами главным агрономом Лужского района. Со слов В. П. Мотылькова-младшего, инициатором сближения был не Орлов, а его отец, который знал Орлова еще с довоенных времен. И однажды, когда тот приехал из «Рапти», П. В. Мотыльков пригласил Орлова к себе в дом. Возможно, так и было, но скорее всего, это приглашение последовало после получения им «письма» от Шерстнева. Из воспоминаний Ивана Кузьмича следует, что и Орлов, и Мотыльков были завербованы при помощи писем. И с тем и с другим он встречался затем лично. И, как мы представляем, разговор с обоими был непростым [11, л. 15].

После того, как все трое Мотыльковых подписали соглашение о сотрудничестве, связь с Орловым, действительно, стала осуществляться через связного. Им стал также знакомый Мотыльковых по довоенному времени М. А. Кононов (во время оккупации – волостной старшина). Два раза в неделю Кононов, на правах старого знакомого, приходил к ним в гости.

Вся семья Мотыльковых, как вспоминал Шерстнев, «работала замечательно», и он был доволен их работой. То, что делали Мотыльковы, подробно изложено в публикации А. Лосева [8, 4 мая]. И здесь нет необходимости повторяться. Но одно обстоятельство, которое предшествовало постановке перед ними

опасного задания, и о котором не мог знать В. П. Мотыльков, давая интервью журналисту, следует упомянуть.

В агентурной сети Орлова, помимо семьи Мотыльковых, были еще «переводчик, парикмахер и официант», фамилии и имена которых Шерстнев не раскрыл, назвав их просто «нашими людьми». Они выкрали (также не раскрывается, как это было осуществлено) «какую-то схему. Но она оказалась непригодной», и тогда обратились к Мотыльковым. Схему делал агроном П. В. Мотыльков, а «по укреплениям лазили его жена-старушка и сын-инвалид». Шерстнев признал, что их работа была опасной («там было 13 дотов. 17 дзотов, очень много пулеметных точек»), поэтому где-то они действовали через рабочих, которые там работали, а где можно было – и сами лазили» [11, л. 14].

Таким образом, агентурой резидента Орлова была представлена полная схема города Луги со всеми оборонительными сооружениями: дотами, дзотами и пулеметными точками, траншеями, проволочными заграждениями, минными полями, расположением складов и постоянного гарнизона в г. Луге. Оборонительные сооружения были представлены не только по Луге, но и по ее окрестностям [11, л. 14]. По словам Шерстнева, за эту схему часть его людей была награждена. А главное – схема обороны Луги была своевременно передана наступающим частям ленинградского фронта, что дало возможность с наименьшими потерями взять Лугу.

Помимо составления схемы обороны г. Луги, агентурная разведка наладила учет движения поездов (круглосуточно) по Варшавской железной дороге и железной дороге Луга-Новгород [11, л. 14].

Отряд Шерстнева, кроме разведки, занимался еще и диверсиями. Его бойцами, в частности, на аэродроме в Торашковичах был взорван склад авиабомб, и пожар полыхал более 2-х суток [11, л. 15 об.]. Еще об одной операции, осуществленной по заданию Шерстнева, рассказал Василий Васильевич Кузьмин, из деревни Городец. Через него получив взрывчатку от партизан, военнопленные Николай и Владимир, работавшие в комендатуре г. Луги, заложили ее в печку, которую они ремонтировали. Взрывом коменданту оторвало ногу, 1 немец был убит, 2 солдата ранены. За это фашисты взяли в заложни-

ки 12 человек, продержали двое суток, потом выпустили. Все ушли в лес [14, л. 161].

С 25 октября 1943 г. и до прихода частей Красной Армии отряд, численностью 65 человек (а могло, по словам Шерстнева, быть и больше, но он всех направлял в полк Тараканова), жил по деревням. Правда, были и тяжелые бои, и тогда партизаны уходили в лес, а затем снова возвращались. Сам И. К. Шерстнев находился в дер. Бляхино Лужского района, а два месяца жил в дер. Святое. Описывая быт партизан и отношение к ним местного населения, Шерстнев вспоминал: «Нас уважали. Прямого предательства не было. Старосты спрашивали, докладывать или нет о приходе партизан немецким властям». Его партизаны, подчеркивал Шерстнев, без разрешения в дома жителей не заходили. И им также категорически запрещалось что-либо брать у местного населения» [14; л. 14, 16]. После окончания войны И. К. Шерстнев демобилизовался. Ушел «на гражданку» и, по свидетельству В. П. Мотылькова, был назначен директором Псковского льнокомбината [8, 6 июля].

Обсуждения и выводы

Задачу, поставленную командованием Ленинградского фронта и Ленинградского штаба партизанского движения, удалось исполнить в короткий срок – менее 2 месяцев, полученные агентурные сведения Красная армия использовала в январе 1944 г. для освобождения города Луга. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что такую же работу выполняли и другие партизанские отряды, и соединения. Так, из отчета руководителя Лужского межрайонного подпольного партийного центра Г. А. Рябова следует, что члены центра еще зимой 1943 г. разведывали Люблинский аэродром и вели наблюдение за движением самолетов, а также вели разведку гарнизона Луги [15, л. 5]. Одновременно с Шерстневым задачу составления схемы укреплений Луги выполняли разведчики 11-й Волховской бригады, используя свою агентурную сеть [16; с. 137–142].

Все они выполняли важную работу, которая затем оценивалась в ЛШПД, а в штабе Ленинградского фронта обрабатывалась и использовалась при проведении фронтовых операций. Все, и каждый в отдельности, партизаны и подпольщики вносили свой вклад в общую копилку Великой Победы.

Список литературы

1. Завражная Е. С. Наступление немецких войск и создание первых партизанских отрядов на территории Ленинградской области (июль-сентябрь 1941 г.). Калининград: Фил. СПБИВЭСЭП, 2011. 50 с.

2. Кулик С. В. Выявление предателей и пособников в партизанских отрядах на оккупированной территории ленинградской области (1941–1944 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета. – 2012. – № 69–2. – С. 60–62. EDN: QAPKFN

3. Колотушкин В. Г. Вопросы дисциплины в партизанских отрядах Ленинградской области в 1941–1944 гг. // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 2(27). [Сетевое издание]. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1613886> (дата обращения: 01.02.2024). DOI: 10.34680/2411-7951.2020.2(27).2. EDN: TJGQLS

4. Красножённова Е. Е., Колотушкин В. Г. Преступления нацизма как фактор партизанского движения в Ленинградской области // Вопросы истории. – 2021. – № 4(1). – С. 214–226. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202104Statyi06. EDN: CHVFOY

5. Козлов Н. Д. Особенности оккупационного режима и повседневной жизни населения пригородных районов осажденного Ленинграда // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: Сборник статей по материалам Междунар. науч. онлайн конф., Казань, 20–21 октября 2020 года. – Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2020. – С. 279–290. EDN: OLVVLP

6. Козлов Н. Д. Мотивы участия советских граждан в партизанском движении в оценках его участников, оккупантов и союзников // Оккупация и Сопротивление в годы Второй мировой войны. Материалы междунар. науч. онлайн-семинара, посвященного 77-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией и ее сателлитами / науч. ред. и отв. за выпуск Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург, 2022. – С. 48–52. EDN: XCZORB

7. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-4788л. Оп. 1. Д. 68.

8. Лосев А. Непокоренные. Документальный рассказ // Лужская правда. – 2006. 4. 6, 11, 18, 20, 27 мая; 10, 15, 22, 29 июня; 6 июля.

9. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 1. Д. 332.

10. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 9. Д. 177.

11. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000л. Оп. 10. Д. 883.

12. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 5. Д. 6432.

13. Вязьменский С. Б. Ленинградская битва 1941–1944. Партизанский отряд Франциско Гульона: судьба и память. М.: ТАСС, 2019. 156 с.

14. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4383л. Оп. 1. Д. 33.

15. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116л. Оп. 9. Д. 252.

16. Хрисанфов В. И. На пути к Великой Победе: (к 75-летию создания 11-й (Волховской партизанской бригады): монография. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2020. 229 с.

About One of the Operations of a Special Reconnaissance Detachment Under the Command of I. K. Sherstnev in the Luga District of the Leningrad Region

Valentin I. Khrisanfov

The article, based on documents previously not introduced into scientific circulation, reconstructs the activities of the partisan detachment in 1943–1944 under the command of Ivan Kuzmich Sherstnev in the territory of the Luga district of the Leningrad region occupied by the Nazi invaders. The study traced the biography of the head of the detachment, his comrades in the fight against the occupiers, relationships with local residents and punitive detachments of the fascists. Execution of the task to the detachment from the command of the Leningrad Front and the Leningrad headquarters of the partisan movement about the military situation of the city of Luga, the size of the local garrison, its weapons and all the fortifications in the city, the movement of military trains along the Warsaw railway and military units along the Kyiv highway were analyzed in detail. During the analysis of archival documents, “unknown heroes” were identified – the Luga citizens, who, despite the threat of death, carried out intelligence activities in the city where the Gestapo and the commandant’s office were based. During the analysis of information from archival documents of the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg and comparison with published research, the activities of the partisan detachment to create agents in the occupied territory and the disclosure of defensive structures classified by the enemy were traced.

Key words: I. K. Sherstnev, Luzhsky district, Leningrad region, Guerrilla movement.

For citation: Khrisanfov, V. I. (2024) Ob odnoj iz operacij razvedyvatel'nogo specotryada pod komandovaniem I. K. SHERSTNEVA v Luzhskom rajone Leningradskoj oblasti [About One of the Operations of a Special Reconnaissance Detachment Under the Command of I. K. Sherstnev in the Luga District of the Leningrad Region]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 114–127. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_114. EDN: NDRPPM

References

1. Zavrazhnaya, E. S. (2011) *Nastuplenie nemeckih vojsk i sozdanie pervyh partizanskih otryadov na territorii Leningradskoj oblasti (iyul'-sentyabr' 1941 g.)* [The offensive of German troops and the creation of the first partisan detachments on the territory of the Leningrad region (July-September 1941)]. Kaliningrad (In Russ.)
2. Kulik, S. V. (2012) *Vyjavlenie predatelej i posobnikov v partizanskih otryadah na okkupirovannoj territorii leningradskoj oblasti (1941–1944 gg.)* [Identification of traitors and accomplices in partisan detachments in the occupied territory of the Leningrad region (1941–1944)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University]. No. 69–2. Pp. 60–62. EDN: QAPKFN (In Russ.)
3. Kolotushkin, V. G. (2020) *Voprosy discipliny v partizanskih otryadah Leningradskoj oblasti v 1941–1944 gg* [Issues of discipline in partisan detachments of the Leningrad region in 1941–1944]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Novgorod State University]. No. 2 (27). [Setevoe izdanie]. Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1613886>. EDN: TJGQLS. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.2(27).2 (In Russ.)
4. Krasnozhyonova, E. E., Kolotushkin, V. G. (2021) *Prestupleniya nazizma kak faktor partizanskogo dvizheniya v Leningradskoj oblasti* [Nazi crimes as a factor in the partisan movement in the Leningrad region]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. No. 4 (1). Pp. 214–226. EDN: CHVFOY; DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202104Statyi06 (In Russ.)

5. Kozlov, N. D. (2020) *Osobennosti okkupacionnogo rezhima i povsednevnoj zhizni naseleniya prigorodnykh rajonov osazhdennogo Leningrada* [Peculiarities of the occupation regime and the daily life of the population of the suburban areas of besieged Leningrad]. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: podvig naroda i уроки istorii* [The Great Patriotic War of 1941–1945: the feat of the people and the lessons of history]. Collection of articles based on materials from the International scientific online conference, Kazan, October 20–21, 2020. Kazan': Institut istorii imeni Shigabutdina Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Pp. 279–290. EDN: OLVVLP (In Russ.)

6. Kozlov, N. D. (2022) *Motivy uchastiya sovetskikh grazhdan v partizanskom dvizhenii v ocnakah ego uchastnikov, okkupantov i soyzuznikov* [Motives for the participation of Soviet citizens in the partisan movement in the assessments of its participants, occupiers and allies]. *Okkupaciya i Soprotivlenie v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Occupation and Resistance during the Second World War]. Materials of the international scientific online seminar dedicated to the 77th anniversary of the Victory of the Soviet Union over Nazi Germany and its satellites. Orenburg. Pp. 48–52. EDN: XCZORB (In Russ.)

7. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov (hereinafter – TsGAIPD)* [Central State Archive of Historical and Political Documents]. R-4788l. Op. 1. D. 68. (In Russ.)

8. Losev, A. (2006) *Nepokorennye. Dokumental'nyj rasskaz* [Unconquered. Documentary story]. *Luzhskaya pravda*. 4. 6, 11, 18, 20, 27 maya; 10, 15, 22, 29 iyunya; 6 iyulya. (In Russ.)

9. TsGAIPD. R-116l. Op. 1. D. 332. (In Russ.)

10. TsGAIPD. R-116l. Op. 9. D. 177. (In Russ.)

11. TsGAIPD. R-4000l. Op. 10. D. 883. (In Russ.)

12. TsGAIPD. R-24. Op. 5. D. 6432. (In Russ.)

13. Vyaz'menskij, S. B. (2019) *Leningradskaya bitva 1941–1944. Partizanskij otryad Francisko Gul'ona: sud'ba i pamyat'* [Battle of Leningrad 1941–1944. Guerrilla detachment of Francisco Gullón: fate and memory]. Moscow: TASS, (In Russ.)

14. TsGAIPD. R-4383l. Op.1. D. 33. (In Russ.)

15. TsGAIPD. R-116l. Op. 9. D. 252. (In Russ.)

16. Hrisanfov, V. I. (2020) *Na puti k Velikoj Pobjede: (k 75-letiyu sozdaniya 11-j (Volhovskoj partizanskoj brigady): monografiya* [On the way to the Great Victory: (to the 75th anniversary of the creation of the 11th (Volkhov Partisan Brigade): monograph]. SPb.: Kul'turno-prosvetitel'skoe tovarishchestvo (In Russ.)

Об авторе

Хрисанфов Валентин Иванович, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: veronika.hrisanfova.v@yandex.ru

About the author

Khrisanfov Valentin I., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: veronika.hrisanfova.v@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.03.2024

Одобрена после рецензирования 03.04.2024

Принята к публикации 16.04.2024

Советские газеты 1920–1930-х гг. как источник по истории повседневности

Н. В. Тихомиров

Статья посвящена анализу массовой печати в СССР в контексте источниковедческой критики. Обосновано положение о советской прессе 1920–1930-х гг. как источнике, отражающем явления и события повседневной действительности. Основное внимание сосредоточено на исследовании заметок рабочих и крестьянских корреспондентов, а также писем советских граждан в редакции краевых, областных и районных газет. Выявлены возможности привлечения материалов общественно-политической прессы для изучения частных вопросов обыденной жизни советского населения. Работа нацелена на восполнение теоретического пробела, существующего в области научной оценки информационного потенциала и эвристических возможностей советской газетной периодики как исторического источника. Предложенные выводы расширяют научные представления о познавательной значимости многотиражной печати для исследовательской практики. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейшей работе по уточнению классификации письменных источников новейшей российской истории, а также в построении теоретического обоснования исследований ранней советской повседневности, опирающихся на массовую прессу как источник информации.

Ключевые слова: газеты, историческая антропология, исторические источники, история повседневности, источниковедение, микроистория, периодическая печать, советские газеты.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Советские газеты 1920–1930-х гг. как источник по истории повседневности // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 128–146. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_128. EDN: OAODVT

Введение

Газеты уже давно были осмыслены научным сообществом в качестве исторического источника и привлекаются для решения разнообразных исследовательских задач. Так, например, С. О. Шмидт отмечал значительную роль данного средства массовой печати в деле сохранения свидетельств о прошлом [1, с. 104]. По видовой принадлежности пресса принадлежит к числу письменных источников и, согласно определению Л. Н. Пушкарева, представляют «исторически сложившийся комплекс письменных источников, для которых характерны сходные признаки их структуры, их внутренней формы» [2, с. 225]. При этом среди других представителей данного класса газета выделяется жанровым разнообразием и синтетической структурой. Это, в частности, служит причиной того, что некоторые авторы отказываются видеть в периодической печати самостоятельный вид источника. Так, В. М. Рынков предлагает считать её лишь «местом и способом публикации источников». Газета, в его понимании, «не является комплексным источником, но представляет собой комплекс источников» [3, с. 45]. Такие разногласия в среде специалистов говорят о том, что рассматриваемый объект нуждается в дальнейшем теоретическом изучении, в том числе с целью уточнения его классификационных признаков и соотношения с другими, близкими по форме группами источников.

Однако, главным для нас в рамках настоящей статьи, представляется содержательное наполнение прессы. Мы полагаем, что существующие представления об информационном потенциале газеты как источнике исторических сведений, остаются весьма ограниченными, заметно отставая в своём развитии от изменений общего проблемного поля современной исторической науки. Упомянутые изменения были обусловлены во многом существенным расширением круга теоретико-методологических установок в системе отечественного гуманитарного знания, пришедшемся на последнюю четверть минувшего века. Произошло обогащение идейного арсенала российских историков комплексом культурологических и антропологических концепций. Советские, а позже российские специалисты восприняли и творчески освоили опыт зарубежных коллег, связанный с развитием традиций т. н.

школы «Анналов». Так, новейший период отечественной историографии ознаменовался становлением новых направлений научно-исследовательской практики, опирающихся на принципы историко-антропологической парадигмы. Это потребовало выработки новых исследовательских стратегий, позволяющих изучать исторические факты в наибольшем, человеко-размерном приближении, воспроизводить историческую действительность с предельно высокой детализацией.

Указанные тенденции воплотились в росте интереса историков к изучению проблем повседневной жизни людей прошлого. Согласно определению Н. Л. Пушкарёвой и С. В. Любичанковского, история повседневности – это «отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [4, с. 7]. Постижение обыденности открывает новые грани в понимании большой, событийной, истории. Такой пересмотр задач исторического познания неизбежно сопряжён с ревизией воззрений на источник – то, что формирует базу всякого исторического исследования. Потому мы полагаем необходимым актуализовать вопрос о познавательной ценности такого источника как советские газеты в связи с возможностью его задействования для изучения истории повседневности.

Результаты

Объектом нашего изучения являются советские многотиражные газеты, выпускавшиеся в 1920–1930-е гг. В качестве конкретных примеров, иллюстрирующих положения статьи, были привлечены материалы нескольких изданий: 1) «Северный рабочий» – орган Ярославского Окружного комитета ВКП(б), а также местных Окрисполкома и Окрпрофсовета, выходила ежедневно; 2) «Советская Сибирь» – орган Сибирского (с 1930 г. Западно-Сибирского) Крайкома ВКП(б), Краевого исполкома советов и Сибирского Краевого совета профсоюзов, выходила ежедневно за редкими исключениями; 3) «Ойротский край» – орган Ойротских Обкома ВКП(б), Облесполкома и Облпрофбюро, выходившая дважды в неделю. Структура выпусков названных изданий имеет черты сходства: публиковавшиеся материалы отражают международную, общесоюзную

и местную повестку. Последней всегда присуща специфика, обусловленная особенностями хозяйственного и социально-культурного развития региона. Так, первые два издания отражают реалии бойко развивающихся крупных промышленных центров, их публикации посвящены проблемам производства, трудовой дисциплины, социальному обеспечению населения, партийному контролю и т. д. «Ойротский край» сосредоточен преимущественно на проблемах алтайского села, связанных с трудностями перестройки традиционного быта. Вместе с тем общими темами для всех газет являются коллективизация, культурное строительство, проведение классовой линии в устроении жизни на местах.

Хронологические рамки обусловлены как своеобразием данного периода в развитии СССР, так и особенностями тогдашней массовой печати, пребывавшей в состоянии становления. Выводы, полученные в ходе нашего анализа, могут быть *mutatis mutandis* распространены на весь массив советской общественно-политической прессы.

Сегодня отношение историков к советской периодической печати зачастую остаётся скептическим. По справедливому замечанию Е. В. Каменской, её источниковедческий потенциал «в глазах многих исследователей сводится к минимуму в связи с присущей ей идеологической ангажированностью» [5, с. 42]. Группа историков из РГГУ в коллективном труде, посвящённом вопросам источниковедения, характеризует советскую прессу как «одноликую» и «серую», утверждая, что она «никогда не являлась зеркалом, отображающим действительность, да и не ставила перед собой такие задачи» [6, с. 624]. Мы не можем согласиться с таким утверждением как содержащим изрядную долю предубеждённости, что делается ясным при внимательном изучении газетных материалов за интересующий нас период. Конечно, немалая часть любого выпуска содержала информацию, распространявшуюся централизованно и однообразно воспроизводимую всеми изданиями по стране. Таковы, например, заметки о международных делах, партийных съездах и пр. Однако этим не исчерпывается спектр вопросов и проблем, получавших освещение в разных изданиях. Местная пресса в областях, краях, округах, районах не занималась одним перепечатыванием тезисов центральных «Правды» или «Известий»,

будучи сосредоточенной преимущественно на вопросах регионального значения.

В этой связи следует упомянуть об одной из важнейших функций, осуществлявшихся газетами в означенное время. 1920–1930-е гг. стали временем коренных изменений: запущенная большевиками культурная революция была нацелена на перестройку быта, мировоззрения, семейных, гражданских и трудовых отношений в обществе. Массовая пресса была призвана освещать и направлять соответствующие процессы, и тем самым наделялась идейно-воспитательной функцией, которая не сводилась лишь к распространению лозунгов о новых образцах поведения и внушению гражданам набора пропагандистских догматов. Газеты, находясь на острие борьбы за новый быт и культуру, выявляли изъяны, изобличали пороки в разных областях общественной жизни, показывали и бичевали явления, недопустимые в новых реалиях. Это требовало привлечения конкретного материала, и потому, вопреки упомянутому выше мнению, советская пресса в ранний период своего существования, безусловно, была зеркалом действительности.

Газета принадлежит числу массовых источников, чьё существование тесно связано с насущными проблемами общества, вследствие чего одной из присущих ей функций является воздействие на общественные отношения. В первые десятилетия советской власти это воздействие особенно заметно. С одной стороны, пресса выступала приводным ремнём создававшегося механизма государственного правления: она наставляла, инструктировала, порицала, просвещала, – одним словом, руководила народными массами от лица высшей власти. С другой стороны, и для нас это особенно важно, печатные органы нередко служили орудием граждан в их стремлении преодолеть множественные проблемы в быту, организации труда, работе хозяйственных организаций и т. д. В условиях незрелости административного аппарата на местах, слабо развитого гражданского сознания населения и его низкой правовой грамотности газета для людей подчас выступала едва не единственным средством разрешить их жизненные трудности. По мере укрепления и совершенствования советской государственности описанный функционал массовой печати неуклонно редуцировался, однако в 1920–1930-е гг. его непременно следует иметь

в виду для верного понимания информационного потенциала газетных источников.

Оценивая степень охваченности населения газетными изданиями в конкретный исторический период, недостаточно опираться исключительно на показатель тиража. Так, в условиях становления советской газетной периодики в 1920–1930-х гг. количество выпусков даже крупных региональных изданий могло быть невелико – 20 000–50 000 экземпляров. Однако следует помнить об особенностях социального восприятия газетных публикаций в указанный период времени. Газеты задействовались в культурно-массовой работе: партийные активисты в городах и сельской местности производили громкие читки печатных материалов с последующим их обсуждением; газеты выписывались для изб-читален и красных уголков, поступали в столовые и чайные. Наконец, отдельный гражданин, получавший газету по подписке, после прочтения мог пересказывать её содержание своему окружению.

В условиях ограниченности информационных возможностей газеты становились одним из основных каналов распространения общественно значимых сведений. Редакции формировали запрос на получение данных с мест, стремясь насытить выпуски актуальными и острыми материалами.

Огосударствление печати сделало её орудием партийно-государственного руководства в деле осуществления масштабной программы построения социализма. Коренным вопросом внутренней политики СССР в 1920–1930-е гг. была глубокая модернизация общества, искоренение прежней культурной нормы (нравов, обычаев, мировоззрения) и насаждение новой – социалистической. Решению этого вопроса в той или иной мере была подчинена деятельность массовой печати в центре и на местах. Построение нового общества было сопряжено с напряжённой борьбой, которую по всему Союзу вёл культурный актив в лице работников образования, партийных пропагандистов, разнообразных общественных организаций и, конечно, редакционных коллективов газет.

Произвести идейно-нравственное обновление людей, перевоспитать их в духе гражданской сознательности было невозможно посредством одной агитационной риторики. Требовалась кропотливая работа с конкретными пороками

общественной жизни, их изобличение на примере частных поступков и происшествий, а также показательная критика провинившихся граждан и организаций. Таким образом, газеты не могли в своей работе ограничиться простой передачей и распространением пропагандистских посылов из союзного центра. Они должны были вовлекаться в гуцу общественных отношений, чтобы отслеживать, как в отдельно взятой местности происходит развёртывание советского культпохода, укоренение социалистической нравственности, изживание старого уклада и т. д. Отсюда закономерно возникала необходимость предметного рассмотрения в газетных публикациях некоторых сторон обыденной жизни разных категорий населения. На этом и будет сосредоточено наше внимание в дальнейшем. Постараемся в общих чертах определить познавательный потенциал ранней советской прессы.

В. Г. Литвак высказал верное замечание по поводу информационных возможностей массовых источников: «Поскольку первичный массовый документ не только отражает единичный исторический факт, но порой сам является частью его, перед историком открывается бóльшая возможность непосредственного восприятия факта, чем при анализе сводного, обобщающего документа, который неизбежно освещает факты сквозь призму субъективного восприятия создателя этого документа» [7, с. 110]. Среди материалов советской печати изучаемого периода мы находим сообщения от обывателей, которые сами по себе могут рассматриваться как исторические события. Таковы объявления, размещавшиеся многими крупными газетами в соответствующих рубриках. Среди прочего, здесь представлены любопытные сообщения, имеющие характер своего рода деклараций или, в некоторых случаях, публичной исповеди. Наиболее частые такие материалы в газетах рубежа 1920–1930-х гг., времени «великого перелома». Типичными являются сообщения такого рода: «Я, Малякина М. А., отказываюсь от своего отца как лишенца и всю связь с ним порываю» [8, с. 4]; либо «Я, И. А. Шарунин, отказываюсь от должности псаломщика с. Даводкова Ярославского района» [9, с. 4]. Целью заявителей было прилюдно сообщить о своих поступках, превратив бытовое событие в общественно значимое действие. Потому опубликование таких объявлений следует понимать как

отражение одного факта, а также запечатление другого факта, творящегося одновременно с его запечатлением. Поскольку лишь напечатанием в газете осуществлялось задуманное – человек оглашал свою нравственную позицию, совершая своего рода гражданское самоочищение.

Такие заявления-события, пусть микроскопического масштаба, будучи выделенными из ткани исторического процесса, помогают наблюдателю яснее увидеть его структуру, достроить систему ориентиров для лучшего понимания его внутренних связей. Данные свидетельства содержат ценную информацию для исследователя повседневности. Для их обработки могут быть успешно применены, прежде всего, методы математического анализа, позволяющие выяснить, как изменялась во времени динамика поступления таких писем от граждан, какие категории населения их писали, и какие послы являлись преобладающими. Так ярославская газета «Северный рабочий» только в номерах за март 1930 г. разместила в общей сложности 44 объявления рассматриваемого типа. Из них большинство (35) связано с отказом детей от родителей, и меньшая часть (9) – с отказом от церковного служения. Подобного рода заявления печатались и в других изданиях. К примеру, «Советская Сибирь» в том же 1930 г. помещала тексты вида: «Порываю связь с отцом Василием Ивановичем Андреевым как с лишенцем, дочь Мария Андреева. Большевистская, 55» [10, с. 4]. Встречаются и весьма пространные послы, как, например, опубликованные в 1928 г. «Ойротским краем» письма алтайских кудесников (камов), которые не только отказывались от прежних занятий, но и разоблачали ложность камланий [11, с. 1; 12, с. 2].

В структуре всего массива газетных публикаций за интересующий нас период объём подобного материала огромен. Его изучение, требующее сбора, обобщения, статистической обработки и сравнения данных по разным регионам, пока остаётся делом будущего. Но уже сейчас можно с уверенностью говорить об информационной значимости данных сообщений как отражающих коренные изменения в обыденном сознании широких масс населения под воздействием агитационно-пропагандистских мероприятий.

Также при работе с газетными объявлениями плодотворны методы контент-анализа и анализа дискурса. Исследо-

вание структуры, содержания и языка объявлений даёт возможность изучить настроения рядовых граждан, проследить влияние на их сознание и поступки установок официальной пропаганды. Такая работа должна иметь комплексный характер, который предполагает анализ множества газетных объявлений за выбранный период. Этим будет обеспечена представительность полученных данных, что позволит сделать выводы о чертах быта населения рассматриваемого региона, динамике его культурного развития и особенностях образа мысли. Например, объявления в газете «Советская Сибирь» начала 1930-х гг. содержат сведения о продаваемых и утерянных вещах, благодаря чему появляется возможность составить представление о деталях быта населения Новосибирска в период ускоренной индустриализации. Многочисленны частные сообщения о продаже мебели, домашней утвари, спортивного и охотничьего инвентаря, животных. Среди сбываемых вещей встречаются «дубовый кабинет, письменный дубовый стол» [13, с. 4], «дамская дошка и трюмо» [14, с. 4], «рояль Шредера» [15, с. 4], «варшавская кровать» [16, с. 4], фотоаппарат [17, с. 4], «ружьё заграничное» [18, с. 4] и прочее. Примечательны породы собак, потерянных и выставляемых на продажу: шпиз [19, с. 4], овчарка [20, с. 4], пойнтер [21, с. 4], шотландский сеттер [22, с. 4] и т. д. Такого рода данные позволяют судить о благосостоянии части горожан, типовых чертах их домашней обстановки, увлечениях (часто встречаются объявления о продаже велосипеда; упоминаются фотоаппараты, ружья и охотничьи породы псов). В данном случае обширные перечни предметов быта горожан, составленные по газетным публикациям, помогают воссозданию материальной культуры позднего НЭПа в сибирской провинции и показывают относительную устойчивость некоторых её элементов уже в первые годы ускоренной индустриализации.

Подобного толка информация, несомненно, способна дополнить и расширить картину представлений об обыденной жизни изучаемого региона. Несмотря на отрывочность и кажущуюся скудость известий, ошибочно было бы пренебрегать ими в исследовательской работе. Вспомним слова М. Блока: «Всё, что человек говорит или пишет, всё, что он изготавливает, всё, к чему он прикасается, может и должно давать о нём сведения» [23, с. 39]. Познавательная ситуация в исторической науке

после произошедшего антропологического поворота требует внимательного отношения ко всякому источнику и ко всяким деталям, в нём содержащимся.

Массовую советскую прессу можно классифицировать в привязке к системе административно-территориального деления СССР. Полученный перечень будет включать общесоюзные и региональные издания, среди которых выделяются республиканские, областные (краевые), окружные и районные газеты. Вторая категория изданий представляет наибольший интерес в разрезе исследования повседневности. Если центральная пресса в силу стоящих перед ней задач была сосредоточена преимущественно на вопросах политики, культуры и хозяйства страны в целом, то редакционные коллективы на местах освещали соответствующие проблемы в преломлении региональной специфики. Их публикации наполнены конкретными сведениями об устройении общественных взаимодействий, связанных с ними противоречиях, пережитках, функционировании новых социальных институтов и т. д.

Информационный потенциал конкретного издания предопределяется как редакционной политикой, так и особенностями соответствующего региона в рассматриваемый период. Говорить о единстве содержания всей советской печати 1920–1930-х гг. не приходится. Безусловно, редакции в регионах работали в русле повестки, задаваемой сверху. Больше того, некоторые материалы центральных печатных органов могли с точностью воспроизводиться на местах (это касается освещения международных событий, партийных съездов и пр.). В то же время проблемы общесоюзного значения нередко имели своеобразные, даже экзотические, проявления в условиях местной специфики, что и получало отражение в газетных публикациях.

Примером того может служить общесоюзный смотр общественного питания, производившийся по стране весной 1930 г. Инициатором выступила столичная «Правда», на местах почин подхватили региональные редакции многотиражных газет. Они направляли и координировали мероприятия по проверке работы столовых и кухонь, что далее получало освещение в газетных публикациях.

При схожести в целом характера проблем, присущих развитию советского общепита на указанном этапе, в каждой

местности они обретали свою качественную и количественную специфику. Выявление и сравнительный анализ особенностей функционирования системы общественного питания в разных частях СССР позволяет уточнить и дополнить имеющиеся представления о темпах и внутренних противоречиях советской модернизации.

Данный вопрос подробно освещался в нашей ранней публикации на примере Сибирского края с привлечением материалов местной прессы, которые «убедительно показывают сложность и многогранность этой частной стороны жизни советского общества, взятой на коротком отрезке исторического времени в антропологическом аспекте» [24, с. 141].

Итак, содержание региональной прессы отчасти подсказывалось тенденциями общесоюзного уровня. Однако в значительной мере наполнение выпусков бывало predetermined социальным, экономическим и культурным своеобразием данного региона. Любопытно сопоставить, к примеру, материалы массовой печати двух географически близких территорий – Новосибирского округа и Ойротской автономной области (горного Алтая), до середины 1930 г. входивших в состав Сибирского края РСФСР. Новониколаевск-Новосибирск в первые послереволюционные десятилетия представлял собой быстро растущий промышленный и культурный центр, где ярко проявились как признаки НЭПа, так и начала социалистической культурной революции, а также последствия сталинского «великого перелома». В то же время Горный Алтай оставался глухой сельской окраиной, где с трудом пробивал себе дорогу новый социалистический быт. Печатные органы местных руководящих организаций – «Советская Сибирь» и «Ойротский край» – крайне несхожи в подборе тем и сюжетов, проблематике публикаций.

Соответственно опыт анализа материалов одного издания не всегда успешно переносим на другое, и ожидания исследователя в этой связи могут оказаться несостоятельными. Историк в своей работе надлежит выяснить ведущую проблематику анализируемого издания за изучаемый период и установить, какие стороны повседневной жизни нашли отражение в публикациях. Уровень культурного развития, хозяйственный уклад региона, состав населения и другие обстоятельства predetermined конфигурацию тем и сюжетов, оказывавшихся в поле зрения

журналистов. Так, общественность Новосибирска, крупного транспортного узла, неизменно волновали события вокруг местной железной дороги. Газета не единожды живописала местный вокзал, называемый в статьях сумасшедшим домом [25, с. 3] и адом [26, с. 4]. В соседнем горном Алтае, слабо развитой сельской провинции, газета «Ойротский край» заботилась об иных делах, например, об искоренении народных суеверий и предрассудков, преобразении традиционного быта алтайцев. Печатные материалы содержат описания, и порой подробные, деятельности коновалов [27, с. 3] и знахарей [28, с. 4], рассказывают об освоении коренным населением правил домашней гигиены [29, с. 2]. Некоторые публикации напоминают по содержанию этнографические зарисовки.

Значительный объём сведений о жизни советских людей в 1920–1930-е гг. газеты получали от рабкоров и селькоров. Эти добровольные помощники редакций сообщали с мест о состоянии дел на предприятиях, ходе культмассовой работы, настроениях в различных областях жизни и т. д. Информация такого рода содержит первичное отражение фактов обыденной жизни, образующих её структур повседневности.

В этом отношении многим газетам первых послереволюционных десятилетий присущи выраженные черты народности, особенно различимые в удалённой провинции. Таково, например, издание «Сталинский путь», освещавшее жизнь Тайгинского района в составе Кемеровской области Западно-Сибирского края. В номерах за 1930-е гг. размещено множество писем от читателей, рассказывавших о собственных нуждах или сообщавших о беспорядках в некоторой области общественных отношений. К примеру, среди опубликованной части редакционной почты содержится много свидетельств о состоянии местной системы школьного образования. Знакомство с этими материалами позволяет узнать о трудностях в работе школ, проблемах материального обеспечения учеников, быте просвещенцев, их взаимоотношениях с руководителями сельсоветов [30].

Редакции газет побуждали население к деятельному участию в рабкорской работе, призывая слать письма с наблюдениями и предложениями, которые могли быть полезны в устройении нового быта. Так, «Ойротский край» призывал неравнодушных граждан: «Селькоры! Срочно шлите материалы о работе

кооперативов и комитетов взаимопомощи, о их недостатках и достижениях» [31, с. 2]. В установочной статье ярославского «Северного рабочего» рабкор назывался «помощником партии и сознательным участником социалистического строительства» [32, с. 3]. Такой подход, исповедуемый в целом советской прессой, предполагал известные ограничения в перечне предметов, за разработку которых брались авторы на местах. Вопросы, которые в редакции считали не имевшими общественного значения, к рассмотрению не принимались. Некоторые издания по этому поводу давали информаторам публичные отповеди, вроде следующей: «Это личная мелочь, касающаяся только Вас» [33, с. 4].

Следствием такого отношения явилось то, что значительный объём писем, содержавших сведения о повседневной жизни советских людей, оказался необнародованным и, видимо, утраченным для исследователей. В. В. Кабанов отмечает, что почта, поступающая в редакции газет от частных лиц, в большинстве случаев не хранилась долго [34; с. 224–225]. А значит, сегодня помыслы советских граждан, изложенные ими в таких посланиях, доступны нам только посредством состоявшихся газетных публикаций. Причём зачастую эти письма проходили редакторскую правку, что, между прочим, даёт дополнительный довод против приведённого выше тезиса Рынкова о газете как месте публикации источников: подвергнутый, пусть и незначительной, переработке текст формально не может считаться тождественным первоисточнику.

Как бы то ни было, сообщения рабкоров, селькоров и просто активных граждан при всех ограничениях и условностях редакционной политики являют собой представительный пласт информации, которая позволяет судить об образе жизни рядовых людей, проблемах в их повседневном существовании и навыках их разрешения, способах мышления и осмысления ими окружающей действительности. В этом выражается диалектичность советской газеты, борьба которой за проповедуемый идеал будущего была переплетена с критикой настоящего в его наличном конкретном разнообразии. Объектами критики становились пережитки прошлого, перегибы и недостатки в работе служащих и управленцев – населению подсказывались пути преодоления старых пороков общества на пути к социалистическому будущему.

С. О. Шмидт замечал: «Поскольку непосредственным материальным воплощением мышления является слово, оно несёт в обществе основную культурную и познавательную нагрузку» [1, с. 112]. Тексты газетных заметок, безусловно, культурно нагружены: в них запечатлены очертания быта, действия институций, формы коллективного мышления, – всё то, что даёт в совокупности живую картину повседневности. Какова польза такой реконструкции? Разумеется, приращение знаний о прошлом имеет самостоятельную ценность для исторической науки. Но не менее важно то, что знание о протекании разнообразных процессов на микроуровне общественной организации служит лучшему пониманию крупных процессов, характеризующих развитие страны в целом. Так, наблюдение советской культурной революции 1920–1930-х гг. в человекообразном масштабе позволяет составить представление о скорости и степени равномерности модернизации в разных точках СССР, своеобразии восприятия новшеств населением в отдельных регионах.

Насущным остаётся вопрос о степени полноты и точности сведений, которые можно почерпнуть из газетных источников. Очевидное затруднение, с которым сталкивается исследователь повседневности при работе с материалами прессы, состоит в ограниченности числа исторических фактов, отражённых в публикациях. Отсюда возникает опасность искажения исторической действительности, поскольку историку приходится воспроизводить её по сравнительно малому набору исходных сведений. Это чревато заблуждениями относительно распространённости некоторых явлений, переоценкой их социально-культурной значимости. Народные респонденты могли снабжать редакции недостоверной информацией, на что те иногда прямо указывали [35, с. 4]. Здесь мы имеем дело с личностным началом, субъективностью, которая роднит рабкоровские сообщения с источниками личного происхождения, порождая соответствующие издержки. Это же подсказывает методологические ориентиры в работе с такими публикациями. При этом стоит отметить, что погрешности в отображении исторических фактов, неизбежно содержащиеся в указанных сообщениях, также могут иметь познавательную ценность как указывающие на особенности восприятия действительности рядовыми советскими гражданами. Анализ такого рода аберраций по-

зволяет обнаружить противоречия в понимании обывателями социально-культурных новшеств, особенности усвоения ими новых форм поведения и т. д.

Могут ли газетные материалы служить основой для источниковой базы исследования, посвящённого обыденной жизни? Возьмёмся ответить положительно, с оговоркой, что речь идёт о решении частных вопросов, требующих значительной ограниченности предмета в пространстве. Иначе говоря, массовая печать способна высветить многие примечательные черты повседневности города, района, области. Такого рода изыскания могут быть отнесены к области микроистории. При выходе содержания публикаций на уровень страны или макрорегиона конкретика повседневности уступает место большим обобщениям и событиям национальной истории как таковой.

Обсуждения и выводы

Итак, советские газеты 1920–1930-х гг. заслуживают того, чтобы считаться источником, отражающим действительность современной ему общественной жизни. Многие материалы массовой общественно-политической периодики сближаются с эго-документами по форме и содержанию. Безоговорочно приравнять их к источникам личного происхождения не позволяют соображения о возможном наличии редакторского вмешательства, даже при ничтожном объёме последнего. Тем не менее, нарушение авторской стилистики не лишает письменные обращения граждан в газету их главного достоинства – содержащегося в них отражения конкретных элементов повседневности.

Подчеркнём принципиально важное обстоятельство: газеты не ограничивались простой декларацией целей и задач общественного развития, провозглашённых высшим партийно-государственным руководством, но, будучи проводниками социалистической культуры, занимались последовательной критикой противоречивших ей реалий своего времени. Таким образом, тезис о формировании массового сознания как ведущей функции прессы надлежит понимать так, что предлагаемый обществу идеал всегда необходимо сопряжён с изображением изъянов наличного порядка вещей. Создаваемая таким образом картина жизни малых общностей (в основном, городов и районов) имеет человекообразный масштаб, открывающий

наблюдателю обширный массив первичной исторической информации о фактах обыденности рассматриваемой эпохи.

Завершение культурной революции в СССР сняло с повестки многие вопросы, бывшие насущными в первые два десятилетия большевистского руководства. Это поменяло состав и содержание газетных публикаций, что не позволяет (по крайней мере, в рамках данной статьи) распространять выводы об информационном потенциале газет 1920–1930-х гг. на позднейший период советской истории.

Что же касается в целом советских газет указанного времени, их возможности отражения вещественного и культурного бытия советских людей представляются бесспорными, а познавательный потенциал является достаточными для того, чтобы данные материалы рассматривать как важную составляющую источниковой базы в исследованиях повседневности, не ограничивая их применения сугубо вспомогательными функциями.

Список литературы

1. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.
2. Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.
3. Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–50.
4. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 1. – С. 7–21. EDN: SEELED
5. Каменская Е. В. Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года: сборник научных статей. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 37–44. EDN: УРАРЕУ.
6. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцев М. Ф. Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории: учебное пособие для гуманитарных специальностей. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
7. Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1969. С. 102–114.
8. Северный рабочий. – 1930. – № 69.
9. Северный рабочий. – 1930. – № 64.
10. Советская Сибирь. – 1930. – № 11.

11. Ойротский край. – 1928. – № 50.
12. Ойротский край. – 1928. – № 99.
13. Советская Сибирь. – 1930. – № 15.
14. Советская Сибирь. – 1930. – № 22.
15. Советская Сибирь. – 1930. – № 53.
16. Советская Сибирь. – 1930. – № 74.
17. Советская Сибирь. – 1930. – № 243.
18. Советская Сибирь. – 1933. – № 118.
19. Советская Сибирь. – 1934. – № 68.
20. Советская Сибирь. – 1932. – № 138.
21. Советская Сибирь. – 1930. – № 74.
22. Советская Сибирь. – 1931. – № 327.
23. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 256 с.
24. Тихомиров Н. В. «Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания 1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты «Советская Сибирь») // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 126–143. DOI 10.35231/25422375_2023_2_126.
25. Советская Сибирь. – 1930. – № 148.
26. Советская Сибирь. – 1927. – № 196.
27. Ойротский край. – 1926. – № 6.
28. Ойротский край. – 1929. – № 52.
29. Ойротский край. – 1928. – № 33.
30. Тихомиров Н. В. Повседневность провинциальной школы 1930-х гг. по материалам газеты «Сталинский путь» (г. Тайга) // СибСкрипт. – 2023. – Т. 25. – № 3. – С. 297–306. DOI 10.21603/sibscript-2023-25-3-297-306. EDN НКУВУК.
31. Ойротский край. – 1925. – № 39.
32. Северный рабочий. – 1930. – № 74.
33. Ойротский край. – 1928. – № 3.
34. Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: РГГУ, 1997. 385 с.
35. Ойротский край. – 1925. – № 81.

Soviet Newspapers of the 1920s – 1930s as a Source on the History of Everyday Life

Nikita V. Tikhomirov

The article is devoted to the analysis of mass newspaper printing in the USSR in the context of source criticism. The position of Soviet press of the 1920s – 1930s as a source reflecting the phenomena and events of everyday reality is substantiated. The main attention is focused on the study of notes of workers and peasant correspondents, as well as letters of Soviet citizens in the editorial offices of province, regional and district newspapers. The possibilities of attracting materials of socio-political press to study private issues of everyday life of the Soviet population are revealed. The work is aimed at filling the theoretical gap existing in the field of scientific evaluation of the information potential and heuristic capabilities of the Soviet newspaper periodicals as a historical source. The

proposed conclusions expand the scientific understanding of the cognitive significance of large-scale printing for research practice. The results obtained can be used in further work on clarifying the classification of written sources of contemporary Russian history, as well as in constructing theoretical justification for studies of early Soviet everyday life based on the mass press as a source of information.

Key words: newspapers, historical anthropology, historical sources, history of everyday life, source studies, microhistory, periodicals, soviet newspapers.

For citation: Tikhomirov, N. V. (2024) Sovetskie gazety 1920-h – 1930-h gg. kak istochnik po istorii povsednevnosti [Soviet Newspapers of the 1920s – 1930s as a Source on the History of Everyday Life]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 2. Pp. 128–146. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_128. EDN: OAOVDVT

References

1. Shmidt, S. O. (1997) *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii* [The Path of the Historian: Selected Works on Source Studies and Historiography]. Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
2. Pushkaryov, L. N. (1975) *Klassifikaciya russkih pis'mennyh istochnikov po otechestvennoj istorii* [Classification of Russian written sources on Russian history]. Moscow: Science Publ. (In Russ.)
3. Rynkov, V. M. (2010) Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennyye arhivy* [Domestic archives]. No. 3. Pp. 44–50. (In Russ.)
4. Pushkareva, N. L., Lyubichanskovskij, S. V. (2014) *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossijskoj filosofskoj shkole* [Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the Annals school to the Russian Philosophical school]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. No. 1. Pp. 7–21. (In Russ.)
5. Kamenskaya, E. V. (2017) *Sovetskie gazety kak istoricheskij istochnik: specifika i vozmozhnosti ispol'zovaniya* [Soviet newspapers as a historical source: specifics and possibilities of use]. *Chelovek, obshchestvo, vlast'. K 100-letiyu rossijskoj revolyutsii 1917 goda: Sbornik nauchnykh statej* [Man, society, power. To the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917: Collection of scientific articles]. Ekaterinburg: UrFU Publ. Pp. 37–44. (In Russ.)
6. Danilevskij, I. N., Kabanov, V. V., Medushevskaya, O. M., Rumyantseva, M. F. (1998) *Istochnikovedenie: Teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossijskoj istorii: uchebnoe posobie dlya gumanitarnyh special'nostej* [Source studies: Theory, history, method. Sources of Russian History: textbook for humanities]. Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
7. Litvak, B. G. (1969) *O putyah razvitiya istochnikovedeniya massovyh istochnikov* [On the ways of developing the source studies of mass sources]. *Istochnikovedeniye: Teoreticheskiye i metodicheskiye problemy* [Source studies: Theoretical and methodological problems]. Ed. by S.O. Schmidt. Moscow: Science Publ. Pp. 102–114. (In Russ.)
8. *Severnyj rabochij* [Northern Worker]. 1930. No. 69.
9. *Severnyj rabochij* [Northern Worker]. 1930. No. 64.
10. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 11.
11. *Ojrotskij kraj* [Oiro region]. 1928. No. 50.
12. *Ojrotskij kraj* [Oiro region]. 1928. No. 99.
13. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 15.
14. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 22.
15. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 53.
16. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 74.
17. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 243.
18. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1933. No. 118.
19. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1934. No. 68.

20. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1932. No. 138.
21. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 74.
22. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1931. No. 327.
23. Blok, M. (1986) *Apologiya istorii, ili remeslo istorika. 2^e izd.* [The apology of history, or the craft of the historian. 2nd ed.]. Moscow: Science Publ. (In Russ.)
24. Tikhomirov, N. V. (2023) "*Korennoj vopros dnja*": *smotr obshchestvennogo pitanija 1930 g. v Zapadnoj Sibiri (po materialam gazety "Sovetskaja Sibir'")* ["The key question of the day": review of public catering in 1930 in Western Siberia (based on the materials of the newspaper "Soviet Siberia")]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 2. Pp. 126–143. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_2_126.
25. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1930. No. 148.
26. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1927. No. 196.
27. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1926. No. 6.
28. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1929. No. 52.
29. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1928. No. 33.
30. Tikhomirov, N. V. (2023) *Povsednevnost' provincial'noj shkoly 1930-h gg. po materialam gazety "Stalinskij put"* (g. Tajga) [Everyday life of the provincial school of the 1930s based on the materials of the newspaper "Stalin's Way" (Taiga)]. *SibSkript* [SibScript]. Vol. 25. No. 3. Pp. 297–306. (In Russ.). DOI 10.21603/sibscript-2023-25-3-297-306.
31. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1925. No. 39.
32. *Severnyj rabochij* [Northern Worker]. 1930. No. 74.
33. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1928. No. 3.
34. Kabanov, V. V. (1997) *Istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: Kurs lekcij* [Source studies of the history of Soviet society: A course of lectures.] Moscow: RSUH Publ. (In Russ.)
35. *Ojrotskij kraj* [Oirot region]. 1925. No. 81.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

About the author

Tikhomirov Nikita V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

Статья поступила в редакцию 31.08.2023
Одобрена после рецензирования 27.09.2023
Принята к публикации 5.02.2024

«Решительно и беспощадно наказывать всех лиц, замеченных в пьянстве...» – проблема пьянства на Краснознамённом Балтийском флоте в 1938–1940 гг.

В. О. Левашко

В статье раскрываются проблемы морально-психологического состояния моряков Краснознамённого Балтийского флота и в частности, пьянства в 1937–1940 гг. Материал подготовлен на основании документов Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург). Несмотря на то, что тема подготовки Красной армии и Красного флота к войне с Финляндией и непосредственного участия в ней весьма широко освещена в новейшей исторической и военно-исторической литературе, проблемам морально-психологического состояния военнослужащих до настоящего времени не уделяется должного внимания. Несомненно, что корни такой проблемы как пьянство среди военнослужащих следует искать в состоянии самого советского общества, поэтому в начале публикации кратко освещается ситуация с употреблением алкоголя в СССР и непосредственно в Ленинграде. В статье, построенной по хронологическому принципу, приводятся материалы статистических отчётов, посвящённые пьянству на флоте и конкретные примеры. Рассматриваются с одной стороны статистика и примеры пьянок командного, а с другой – личного состава. Автором публикации предпринята попытка проанализировать причины пьянства моряков и усугубления ситуации с ним во второй половине 1930-х годов. Хотя несомненно, что массовое пьянство самым отрицательным образом влияло на морально-боевые качества моряков, выделяется и положительная сторона этого явления.

Ключевые слова: пьянство, дисциплина, Краснознамённый Балтийский флот, краснофлотцы, командный состав.

Для цитирования: Левашко В. О. «Решительно и беспощадно наказывать всех лиц, замеченных в пьянстве...» – проблема пьянства на Краснознамённом Балтийском флоте в 1938–1940 гг. // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 147–162. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_147. EDN: PMNLGD

Введение

Важнейшим фактором, обеспечивающим боевые качества войск, является морально-психологическое состояние (далее МПС) военнослужащих. Именно оно определяет боевую устойчивость личного состава в ходе боевой учёбы и военных действий [1, с. 24–25]. Формирование МПС – это чрезвычайно сложный процесс, зависимый от множества факторов как позитивных, так и негативных. Их анализ в прошлом даёт возможность минимизировать влияние негатива в сегодняшнем строительстве и боевой работе Вооружённых сил.

Несмотря на то, что состояние советских Вооружённых сил в преддверии советско-финляндской войны и в самом вооружённом конфликте [2] в целом, как и роль Краснознамённого Балтийского флота в нём, в последние годы были изучены самым обстоятельным образом [3–5], многие вопросы, связанные с формированием морально-психологического состояния бойцов Красной армии и флота до настоящего времени до конца не рассмотрены, и требуют анализа на основании современной методологии и новых исторических источников.

Целью данной статьи является анализ ситуации с пьянством личного и командного состава Краснознамённого Балтийского флота накануне и в ходе советско-финляндской войны. Для реализации данной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть состояние проблемы с пьянством в СССР и, в частности, в Ленинграде, дать характеристику ситуации с употреблением алкогольных напитков личным и командным составом флота в 1938–1940-х гг., и выделить те причины, которые привели к распространению пьянства среди балтийских моряков.

В качестве источниковой базы исследования используются материалы политических органов флота, боевые донесения, отчёты и иные документы, содержащиеся в Российском государственном архиве Военно-морского флота.

Результаты

Среди многих проблем, с которыми столкнулось во второй половине 1930-х гг. советское общество, серьёзно заявила о себе проблема алкоголизма. На протяжении первых 10 послереволюционных лет советская власть характеризовала излишнее пристрастие к спиртному исключительно как враждебный,

буржуазный пережиток. Однако, начиная с 28 августа 1925 г. (введение в оборот водки «Московской особенной» в просторечии – рыковки) власть решила не отказываться от тех доходов, которые русское государство во все времена получало от государственной монополии на продажу алкоголя. Поэтому совершенно справедливо будет сказать, что советская власть в равной степени негативно относилась как к трезвенникам, так и к сугубым алкоголикам. Оптимальное соотношение хорошо определил в 1936 г. нарком Анастас Иванович Микоян: «До революции пили именно оттого, чтобы напиться и забыть свою несчастную жизнь... теперь веселее стало жить. От хорошей жизни пьяным не напешься. Весело стало жить, значит, и выпить можно» [6, с. 20–21]. К сожалению, в полной мере реализовать это разумное соотношение было абсолютно невозможно, и количество употребляемых крепких напитков в Советском Союзе неуклонно возрастало, и к 1927 г. размер употребляемого алкоголя (без самогонарения) достиг 3,7 л на человека в год. Это озаботило власти, которые ввели целый ряд антиалкогольных мер и увеличили производство средне и слабоалкогольных напитков. В 1937 г. начался выпуск «Советского шампанского», что подавалось как значительное повышение уровня жизни и культуры советских людей. Статистка показывает, что в 1940 г. в СССР было произведено – водки и ликёро-водочных изделий 830 млн л, вина – 130 млн л, пива – 1 220 млн л [7, с. 225]. Была существенно повышена и цена на крепкий алкоголь, хотя сама по себе эта мера весьма спорная. Как бы то ни было, к 1940 г. количество употребляемого алкоголя несколько снизилось – от 2.1 до 2.3 литра на человека в год¹. Но и этого было больше, чем достаточно, чтобы в обществе проявились все нежелательные последствия массового употребления спиртного.

Вторая столица СССР, город трёх революции Ленинград, естественно, не был исключением. На 1 января 1940 г. в Ленинграде насчитывалось 949 ресторанов, 1 651 столовая и буфет, 210 пивных и 1 571 ларьков-будок, где можно было приобрести любой алкоголь формально с 12.00 до 24.00. [8, с. 88]. Но, на самом деле, крепкие напитки можно было купить в любое время и, что самое печальное, в любом возрасте [6, с. 24]. Исследова-

¹ Калабеков И. Г. СССР и страны мира в цифрах. Продажа и потребление алкоголя [Электронный ресурс]. URL: <https://su90.ru/alcohol.html?ysclid=ity5vsec6j95648421> (дата обращения: 18.03.2024).

тель Н. Б. Лебина отлично характеризует в этой связи ситуацию в среде городской молодёжи в 1937 г.: «В общежитиях имеют место пьянство, хулиганство... драки, прививаются нечистоплотность и некультурность. В общежитии "Мясокомбината" нет никаких развлечений, целый день играют в карты и пьют водку» [9; с. 43–44]. Именно употребление горячительных напитков стало в конце 1930-х гг. самой распространённой формой проведения досуга.

Рабоче-крестьянская Красная армия и флот, как составляющие части советского общества, к сожалению, не остались в стороне от этой пагубной тенденции. О серьёзности положения свидетельствует тот факт, что в январе 1939 г. нарком ВМФ командарм 1 ранга М. П. Фридловский был вынужден издать приказ № 2, в котором констатировал факт запредельного употребления алкоголя на флотах: «пьянство среди личного состава РККФ за последнее время приобрело угрожающий характер и стало бичом флота» [10, с. 358]. 15 января 1939 г. приказ был дополнен директивой Народного комиссара ВМФ и Политуправления РККФ № 3/СС прямо направленной на искоренение пьянства и недисциплинированности в рядах РККФ.

К сожалению, Краснознамённый Балтийский флот часто упоминался в обоих документах. В 1938 г. по данным ПУ флота командатурой было зафиксировано 3228 случаев пьянства, из них начсостава – 201 случай (или 6 %). Если считать численность личного и командного состава КБФ в 62780 чел., то получалось, что за пьянство был задержан примерно каждый двадцатый моряк. 183 командира КБФ, в том числе и 10 политработников за систематическое пьянство и моральное разложение были уволены из флота [11; л. 38–39].

Командование особо беспокоило повальное пьянство начальствующего состава. Примером, неоднократно повторяющимся в различных документах командования флота и Политического управления стала встреча нового, 1938 г. в 1 минно-торпедном авиаполку. Капитан ВВС КБФ Веремчук, организовал у себя в квартире коллективную пьянку, в которой приняли участие несколько командиров ВВС, в том числе – ответственный секретарь партбюро 1-го минно-торпедного полка Мазур, начальник штаба эскадрильи старший лейтенант Хохлов, начальник связи полка старший лейтенант Бабушкин и др. В результате вспыш-

ки пьяной ревности, началась массовая драка, в ходе которой старший лейтенант Миронович был сброшен с лестницы. Процветало пьянство и на кораблях. Так, неоднократно являлся пьяным на корабль командир линкора «Октябрьская революция» Пирогов [11, л. 46]. Среди пьяных дебоширов на КБФ 22 % составляли командный и политический состав, что было значительно больше, чем на других флотах – 16 % [12, с. 226], но и личный состав вносил свой вклад. На тральщике «Патрон» за участие в пьянке к ответственности были привлечены 12 комсомольцев. Самым серьёзным случаем стала пьянка краснофлотцев эсминца «Сокрушительный», сопровождавших военный груз из Москвы в Ленинград, по итогам которой комиссар эсминца был уволен из рядов РККФ [11, л. 47; 10, с. 359].

В 1939 г. ситуация отнюдь не улучшилась. Всего за два первых месяца года на флоте было наложено 5 573 дисциплинарных взыскания, в том числе за пьянство и дебош 829 взысканий, причём 52 % было наложено на коммунистов и комсомольцев флота [10, с. 360]. Как следствие, командование и политический состав КБФ и отдельных соединений вынуждены были вновь констатировать провал в антиалкогольной работе. 25 января 1939 г. был издан приказ командующего ВВС флота № 0010 в котором прямо указывалось: «с 1 сентября 1938 по 1 января 1939 года было совершено 1 076 дисциплинарных нарушений, по которым были вынесены взыскания, из них 246 было совершено командным и начальствующим составом», который, как указывалось в приказе: «призван бороться за восстановление железной дисциплины». Из этого числа неисполнений приказа было зафиксировано 28; нарушения лётных инструкций и ухода за матчастью – 53; пьянок, дебошей и хулиганства 190; самовольных отлучек 102; грубостей и оскорбления начальства – 92 случая. Всего было вынесено 1 016 персональных решений по проступкам, при этом 531 чел., или 53 % проштрафившихся были кандидатами в члены и членами ВКП (б). Обратим внимание на совпадение процентного соотношения ~52–53. Командование ВВС напрямую справедливо связывало низкую дисциплину в частях с низкой боевой готовностью и высокой аварийностью. В качестве примера приводился злосчастный 1 МТАП, в котором дело было совсем плохо: было зафиксировано 150 проступков, 6 аварий и поломок. Командование ВВС фло-

та требовало: «Командованию частей лично изучить и разъяснить всему л/с существо приказа... Борьбу с пьянством и борьбу за установление железной дисциплины считать одной из главных задач в работе комсостава и партийно-комсомольских организаций... Решительно и беспощадно наказывать всех лиц, замеченных в пьянстве. На неисправимых пьяниц представлять материал, для отдачи под суд военного трибунала» [13, л. 11].

Этот же вопрос был поднят на партийной конференции флота 1939 г., где отмечалось: «Только за апрель и май 1939 года число нарушивших воинскую дисциплину выражается в 5386 случаев, из них пьяных 1717. ... По количеству нарушений особо выделяться ОВР (561 нарушение, в том числе 24 – начсостав), ВВС (528 нарушений, начсостав – 76), СУР (500 нарушений, 24 – начсостав), эскадра КБФ (364 нарушения, начсостав – 11) [12, с. 226].

ВВС флота не зря заняли в перечне «почётное» второе место. По итоговым сводкам 1 политотдела ВВС КБФ за февраль 1939 г. было зафиксировано 163 нарушения, из них 18 пьянок. За март всего 158 проступков, пьянство и дебош – 14. За май всего 104 проступков, пьянство и дебош – 8.

Дело шло фактически к прямому подрыву боеготовности авиации и флота, что подтвердилось, когда 13 ноября 1939 г. военком 1 МТАП батальонный комиссар Эренпрайс вынужден был ходатайствовать о замене трёх авиационных экипажей самолётов, получивших приказ на особое задание. Военком предлагал отстранить четверых человек, в том числе одного по политическим соображениям и одного из-за низкой дисциплины [13, л. 9–10].

Подобные случаи происходили, к сожалению, и в других соединениях. В качестве вопиющего примера приведем случай, когда назначенный на маневрах командовать стороной «А» командир первой бригады подводных лодок капитан 1 ранга Шапов запил, не явился на флагманский корабль, и учения прошли без него [14; л. 35–38]. На эскадренном миноносце «Ленин» командир корабля капитан-лейтенант В. С. Махов умудрился пропить боевой выход в море в конце 1939 г.: эсmineц должен заступать в дозор, а командир «в стельку» пьян! Военком корабля Н. И. Кочурин потребовал снять его с должности: «Корабль должен был выйти в дозор (несение дозорной и караульной службы по Уставу является выполнением боевой задачи даже

в мирное время), когда я вызвал командира. Но он оказался пьяным. Тов. Махов работой не занимается, все время сидит дома, даже с рейда, находясь в поддержке дозора, умеет уйти домой...» – писал разгневанный военком [14, л. 36].

Нарушения дисциплины совершались как кадровым, так и призывным составом. В частности, в в/ч 31111 ВВС флота военком Бессонов, младшие командиры срочной службы Макаров, Беляев и Горохов на квартире Горохова организовали пьянку, подобные же проступки, сопровождавшиеся стрельбой из табельного оружия, произошли в в/ч 7025, 7062. 4047. Краснофлотцы отнюдь не стеснялись своей тяги к спиртному, открыто бравировали этим. Так комсомолец краснофлотец Прокопенко, узнав, что его командируют в Прибалтику, говорил товарищам, что лучше уволиться и жить дома, выпить будет можно, к/ц Авдеев с гордостью заявлял: «Для меня командиры не авторитет. Я в гражданских условиях пил водку и здесь буду пить, никто мне не запретит» [15; л. 91–92].

В конце ноября 1939 года КБФ вступил в войну с Финляндией. Этот факт оказал определённое влияние на уровень дисциплины, в частности, на пьянство на флоте. Так, автору этой статьи не удалось установить ни одного факта употребления алкоголя и вообще нарушения дисциплины личным составом в боевой обстановке. Командные и политические органы различных частей и соединений флота неуклонно отмечали высочайшую дисциплину и собранность моряков в бою. То же самое можно сказать и при проведении работ, от которых напрямую зависела боеготовность кораблей, ПЛ и самолётов, например, во время зимнего ремонта надводных кораблей, межпоходовых ремонтов подводных лодок и так далее [1]. Новый военный комиссар эскадры, полковой комиссар М. И. Казначеев, характеризуя определённое улучшение ситуации с дисциплиной на кораблях эскадры, писал в марте 1940 г.: «С 1 декабря по 1 февраля снизилось количество самовольных отлучек, сократились случаи пьянства и дебоша, а также меньше случаев сна на посту и вахтах» [17, л. 334]. Но, в целом, к сожалению, проблема никуда не делась, и это относится, прежде всего, в начальствующему составу.

По мнению наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова Краснознамённый Балтийский флот прочно удерживал первое место в РККВМФ по различным дисциплинарным нарушениям – 59 тысяч! [10,

с. 261]. Среди них пьянство командиров всех рангов играло не последнюю роль. Началось всё уже в новогоднюю ночь, которая отметилась целым рядом приключений: 31 декабря флагманский связист 1 бригады ПЛ капитан-лейтенант Пишлин и начальник штаба капитан 3 ранга Якушин явились на службу в пьяном виде. На дежурной ПЛ С-5 (командир капитан-лейтенант А. А. Бащенко, военком ст. политрук В. Т. Долинский) была «накрыта» командованием коллективная пьянка начсостава и краснофлотцев, в которой принял участие военком бригады полковой комиссар А. И. Байков и часть офицеров штаба 18 дивизиона ПЛ. На ПЛ Щ-309 в коллективной пьянке принял участие и военком лодки старший политрук Макаров. 31 декабря на Щ-305 командир – капитан-лейтенант Афанасьев в своей каюте организовал пьянку, на которую были приглашены командиры других лодок, военкомы и политруки. Имели место и новогодние пьянки краснофлотцев [15; л. 276–282]. А ведь в январе 1940 г. подводные лодки продолжали активное участие в боевых действиях.

Столь же «весело» начсостав отметил на флоте и 23 февраля. Коллективная пьянка командиров было организована на 23 дивизионе 3-й бригады ПЛ («Малютки»). В ней приняли участие командиры «малюток» Д. М. Сазонов, Г. А. Жаворонков, дивизионный штурман лейтенант Фролов и другие командиры. Конфузом завершился торжественный банкет, посвящённый празднику в советском полпредстве в Риге, куда были приглашены командиры советских кораблей. Моряки изрядно перепились, особенно «отличился» командир крейсера «Киров» капитан 1 ранга Николай Эдуардович Фельдман [9, с. 360].

Но самый вопиющий случай произошёл в Кронштадте и его «героем» стал Дмитрий Данилович Вдовиченко, командир линкора «Октябрьская революция». Валяясь пьяным на улице в Кронштадте в ночь с 22 на 23 февраля, капитан 2 ранга был обнаружен патрулем, старшина которого, действуя по инструкции, предложил Д. Д. Вдовиченко довести его до корабля. Тот ответил нецензурной бранью, оскорбляя и старшину и прибывшего ему на подмогу помощника коменданта города. Более того, с линкора был вызван караул (вооруженный взвод), который предпринял попытку разоружения патруля! Дело поступило на рассмотрение в военную прокуратуру [15, л. 288].

Неспокойно было и в лётных частях! Проблема пьянства обострилась после того, как лётному составу, вылетающему на боевое задание, и техсоставу, работающему по подготовке самолётов к боевому вылету, стали выдавать вино. Очень скоро это привело к многочисленным злоупотреблениям, которые командир 8 АБ полковник А. Н. Суханов и военком Н. С. Александров отмечали в приказе № 09 от 26 января 1940 г.: «В частях бригады, имели случаи, когда отдельные командиры, и даже командир 2 авиаэскадрильи капитан П. П. Попок нарушил установленные нормы потребления вина, по сути дела пьянствовал. В этой связи было приказано вино выдавать только лётчикам по итогам боевых вылетов и техникам в период напряжённой работы. Командирам и комиссарам частей предписывалось лично проверять, кому выдаётся вино и категорически прекратить выдачу вина, кому не положено. Отдавалось распоряжение воспретить передачу права на получение вина и виновных в этом деле, и тех, кто передал, и тех, кто взял привлекать к строжайшей ответственности. «Категорически не допускать распитие вина в штабах и комнатах, вино выдаётся только в столовой» [16, л. 121].

Эти случаи лишь подчеркивали факт, что, пьянство начсостава оставалось ключевой проблемой флота. Естественными выглядят и претензии, которые, в связи с этим предъявлял личный состав. Раздраженные поведением командиров, старшина Гунцев, краснофлотец Бувис заявляли: «Почему нам нельзя на вокзале купить бутылку пива, когда все лейтенанты и большие начальники так делают?» [13; л. 21–22].

Несомненно, что все перечисленные случаи пьянства самым негативным образом сказывались на морально-психологическом состоянии и боевой готовности кораблей и соединений флота. Однако, справедливости ради следует отметить одну весьма интересную тенденцию, которая наметилась на флоте именно в начале 1940 г. Речь идёт об участивших случаях совместных пьянок командиров и личного состава. Подобные случаи отмечались на ПЛ, в зенитно-артиллерийских дивизионах, лыжном отряде, ещё целом ряде кораблей и частей, прежде всего тех, кто или в этот период, или в недавнем прошлом участвовал в активных боевых действиях.

Как ни парадоксально, но мы должны расценить эти факты положительно, как с точки зрения морального климата

на флоте, так и с точки зрения повышения боеготовности. Они наглядно свидетельствуют о сближении личного и командного состава, преодолении той самой кастовости, пренебрежительного отношения кадрового командного состава к призывному личному составу, что до сих пор является неизжитой проблемой наших Вооружённых сил [17, л. 20; 15; л. 276–282]. По сути дела, совместные пьянки командиров и краснофлотцев свидетельствуют о формировании реальных боевых коллективов! Общая опасность, победы и поражения сближали людей и объективно повышали боевую готовность боевых единиц.

Этот опыт в дальнейшем был учтён, в частности, командованием Северного флота, где в годы войны вошло в традицию отмечать возвращение подводной лодки из похода совместным банкетом командования, офицеров и матросов [18, с. 1091].

Как мы видим, острота ситуации требовала продуманных и жёстких мер по противодействию пьянству на флоте. О некоторых мы уже сказали выше. Командование не останавливалось перед самыми решительными мерами для пресечения пьянства. Так, в 1940 г. за систематическое разложение и пьянство был снят с должности, уволен из флота и осуждён на 8 лет командир ПЛ «Щ-320» Т. Г. Мартимьянов. Участники упоминаемой «новогодней пьянки» в 1-й бригаде ПЛ начальник штаба бригады В. Г. Якушин и военком бригады А. П. Байков были сняты с занимаемых должностей, уволены из рядов ВМФ и исключены из партии [9; с. 360–361]. О приговорах, вынесенных личному составу политическое управление предписывало информировать весь личный состав флота [19; с. 7–8].

Но исключительно репрессиями победить пьянство было невозможно. В упоминаемой уже нами Директиве Народного комиссара ВМФ и Политуправления РККФ № 3/СС предписывалось: «...не отказываясь от дисциплинарных взысканий, как одной из форм воспитания личного состава. следует положить конец их безрассудному применению... Улучшить повседневную партийно-политическую, воспитательную работу по борьбе за укрепление дисциплины, высокое морально-политическое состояние личного состава. ... Вопросы дисциплины и морально-политического состояния систематически обсуждать на партийных и комсомольских собраниях, на собраниях начальствующего состава и на собраниях личного состава частей и подразделений.

... Улучшить культурное обслуживание бойцов и командиров, особенно в дни отдыха и праздников» [14, л. 18].

Очень интересную методику борьбы с пьянством личного состава предложил новый военком в/ч 14099 Мазур, который, как мы знаем сам, был далеко не безгрешен. Однако, его эксперимент нельзя не признать успешным. На разбор проступков, связанных с нарушениями дисциплины, приглашались родители провинившихся. Так, на разборе дела коллективной пьянки младших командиров присутствовал отец мл. командира Собакина. В итоге, тот, заявил «Всё, пить больше не буду» [14, л. 64]. Подобный нетрадиционный подход приносил зачастую больший эффект, чем самые строгие дисциплинарные меры.

В чём же причины этого печального явления? В самих документах командования и политического управления флота ответа на этот вопрос мы не найдём. Авторы документов ограничиваются отсылками к необходимости повышать культурный уровень командного состава, очевидно полагая низкий его уровень основной причиной распространения пьянства на флоте. Что касается пьянства личного состава, то причинам этого явления внимание не уделяется в принципе. Естественно, непонимание причин явления резко снижало возможности борьбы с ним.

Несомненно, низкая культура являлась одной из причин распространения алкоголизма. Но, наряду с этим, можно увидеть ещё два интересных момента. Один из них мы уже отметили выше – распространение пьянства во второй половине 1930-х гг. было свойственно всему советскому обществу, и было бы наивно полагать, что Красная армия и флот останутся в стороне.

Ещё одной причиной многие исследователи считают последствия политических репрессий второй половины 1930-х гг., В. С. Мильбах и Ф. К. Саберов отмечают в этой связи: «Следует признать, что период политических репрессий 1937–1938 гг. характеризовался падением уровня организованности и воинской дисциплины на Краснознамённом балтийском флоте. Массовые политические репрессии исключительно отрицательно повлияли на состояние таких основных компонентов боевой способности флота, как укомплектование флота профессиональными кадрами, организованность и воинская дисциплина, морально-боевые качества личного состава» [11, с. 239].

Итак, в качестве причин распространения пьянства на Краснознаменном Балтийском флоте во второй половине 1930-х годов можно указать взаимодействие трёх важнейших негативных моментов – общие настроения, свойственные всему советскому обществу, последствия политических репрессий, усугублённых низкой культурой личного и командного состава.

Обсуждение и выводы

В статье проведён краткий анализ ситуации с пьянством на КБФ в 1938–1940 гг. Подводя итог, можно отметить следующее. На протяжении всего рассмотренного периода пьянство оставалось одним из главных факторов, существенно снижающих МПС моряков и, как следствие, боеготовность флота. Однако, в 1940 г. количество пьянок несколько снизилось, в связи с участием флота в боевых действиях.

Все случаи пьянства на флоте можно разделить на две группы – пьянство начсостава и краснофлотцев. Первое является преобладающим фактором. Пьянству были подвержены все уровни начсостава, включая командиров соединений флота и крупных кораблей. Можно отметить, что, хотя для начсостава основной формой пьянства были коллективные попойки, встречались и случаи индивидуальных запоев. Количество пьянок командиров резко увеличивалось в преддверии и в дни праздничных дат. В целом ряде случаев в пьянстве командного состава принимал участие политический состав, призванный бороться с «зелёным змием». Всё это даёт нам основание характеризовать пьянство комсостава КБФ как систематическое явление.

Пьянство краснофлотцев систематического характера не носило, и определялось конкретными возможностями, а не было приурочено к конкретным датам. Краснофлотцы напивались, когда удавалось. При этом употребление алкоголя резко повышало авторитет краснофлотца и являлось предметом гордости.

Причинами распространения пьянства на флоте можно считать три фактора – общее состояние советского общества в этот момент, страх и непонимание, вызванные политическими репрессиями и бескультурье, которое лишало людей возможности проводить праздник иначе, чем за бутылкой. Для личного состава ещё одной причиной было недовольство привилегированным, по их мнению, положением командиров.

Распространение пьянства резко отрицательно влияло на боеготовность флота, приводило к повышенной аварийности и другим печальным факторам. Однако, наметившиеся с начала военных действий против Финляндии коллективные пьянки командиров и краснофлотцев свидетельствуют о укреплении отношений и сближении между ними, что для советского ВМФ было чрезвычайно важно.

Командование флота пыталось бороться с пьянством, но не осознавало до конца первопричины этого явления. Борьба осуществлялась путём максимального «завинчивания гаек» и пропаганды культурного поведения, что было, в целом, малоэффективно. Более результативными были действия отдельных командиров и политруков, использовавших для борьбы с пьянством не традиционные методы.

Список литературы

1. Левашко В. О. На Балтике в советско-финляндскую: Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период Советско-Финской войны (1939–1940 гг.). СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2009. EDN: VOOSTX.
2. Никифоров Ю. А., Субханулов Р. Ф. Тенденции освещения истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 1(10). – С. 76–89. EDN: LAIFYL.
3. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Боевые действия на море / под ред. А. В. Платонова. СПб.: Остров, 2002. 200 с.
4. Жуматий В. И. Боевые действия Военно-морского флота в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.). М.: Военный университет, 1997. 84 с.
5. Петров П. В. Балтийский флот. Финский гамбит. М.: Издательство "Яуза", 2005. 403 с. EDN: QPBLSN.
6. Твердюкова Е. Д. Общественное питание Ленинграда во второй половине 1930-х годов: трансформация системы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2006. – № 2. – С. 40–49. EDN: RTTCCF.
7. Гончарова С. Г. Борьба с распространением пьянства и алкоголизма в годы великой отечественной войны и в послевоенный период (1941–1964 гг.) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. – 2015. – № 4–5. – С. 222–234. EDN: WLWJMD.
8. Твердюкова Е. Д. «О пивном уклоне и торгашеских извращениях»: торговля алкоголем в Ленинграде 1930-х гг. // Новейшая история России. – 2012. – № 2(4). – С. 88–99. EDN: NTSHBX.
9. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Летний сад", 1999. 320 с. EDN: RYEBBF.

10. Петров П. В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 – весна 1941 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 692 с. EDN: YRCSSZ.

11. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ) Ф. р. – 34. Оп. № 6. Д. 831.

12. Мильбах В. С. Забаров Ф. К. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. Краснознаменный балтийский флот. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2016 384 с.

13. РГА ВМФ. Ф. р. – 62. Оп 5. Д. 3.

14. РГА ВМФ. Ф. р. – 107. Оп. № 7с. Д. 58.

15. РГА ВМФ. Ф. р. – 62. Оп. 5. Д. 4.

16. РГА ВМФ. Ф. р. – 34. Оп. № 6с. Д. 849.

17. РГА ВМФ. Ф. р. – 62. Оп. 2. Д. 68.

18. РГА ВМФ. Ф. р. – 92. Оп. № 2. Д. 600.

19. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е., Сенникова Кс. Г. Командиры Северного флота в эго-документах матроса-подводника Г. И. Сенникова // Манускрипт. – 2021. № 6. – С. 1083–1092.

20. РГА ВМФ. Ф. р. – 62с. Оп. 5с. Д. 2с.

"Resolutely and Mercilessly Punish Everyone Found Drunk..." – the Problem of Drunkenness in the Red Banner Baltic Fleet in 1938–1940

Vadim O. Levashko

The article reveals the problems of moral and psychological state of the sailors of the Red Banner Baltic Fleet and, in particular, drunkenness in 1937–1940. The material is based on the documents of the Russian State Archive of the Navy (St. Petersburg). Despite the fact that the topic of preparation of the Red Army and the Red Fleet for the war with Finland and direct participation in it is widely covered in the latest historical and military literature, the problems of moral and psychological state of military personnel didn't have due attention. Undoubtedly, the roots of such a problem as drunkenness among military personnel should be sought in the state of Soviet society itself, therefore, the situation with alcohol consumption in the USSR and directly in Leningrad is briefly highlighted. The article, based on the chronological principle, provides materials from statistical reports on drunkenness in the navy, and provides specific examples. The article examines, on the one hand, statistics and examples of drunkenness of the command, and on the other hand, personnel. The author of the publication attempts to analyze the causes of drunkenness of sailors and aggravation of the situation in the second half of the 1930s. Although there is no doubt that mass drunkenness had the most negative effect on the moral and combat qualities of sailors, the author also considers the positive side of this phenomenon. Based on the given material, the author draws conclusions on the indicated problem.

Key words: drunkenness, discipline, Red Banner Baltic Fleet, Red Navy, command staff.

For citation: Levashko, V. O. (2024) «Reshitel'no i besposhchadno nakazyvat' vseh lic, zamechennyh v p'yanstve...» - problema p'yanstva na Krasnoznamyonnom Baltijskom flote v 1938–1940 gg. ["Resolutely and Mercilessly Punish Everyone Found Drunk..."] – the Problem of Drunkenness in the Red Banner Baltic Fleet in 1938–1940]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 147–162. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_147. EDN: PMNLGD

References

1. Levashko, V. O. (2009) *Na Baltike v sovetsko-finlyandskuyu: Moral'no-politicheskoe sostoyanie lichnogo sostava krasnoznamennogo Baltijskogo flota v period Sovetsko-Finskoj vojny (1939–1940 gg.)* [In the Baltic during the Soviet-Finnish War: The moral and political state of the personnel of the Red Banner Baltic Fleet during the Soviet-Finnish War (1939–1940)]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russ.) EDN: VOOSTX.
2. Nikiforov, YU. A. Subhanulov, R. F. (2010) *Tendencii osvshcheniya istorii sovetsko-finlyandskoj vojny 1939–1940 gg. v otechestvennoj istoriografii* [Trends in coverage of history of the Soviet-Finnish War of 1939–1940 in Russian historiography]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University]. No. 1 (10). Pp. 76–89. (In Russ.) EDN: LAIFYL.
3. (2002) *Sovetsko-finlyandskaya vojna 1939–1940 gg. Boevye dejstviya na more* [The Soviet-Finnish War of 1939–1940. Fighting at sea] / ed. A. V. Platonov. St. Petersburg: Ostrov. (In Russ.)
4. ZHumatij, V. I. (1997). *Boevye dejstviya Voennno-morskogo flota v sovetsko-finlyandskoj vojne (1939–1940 gg.)*. [Naval operations in the Soviet-Finnish War (1939–1940)]. Moscow: Voennyj universitet. (In Russ.)
5. Petrov, P. V. (2005) *Baltijskij flot. Finskij gambit* [The Baltic Fleet. The Finnish gambit]. Moscow: Izdatel'stvo "Yauza". ISBN 5-699-13752-1. (In Russ.) EDN: QPBLSN.
6. Tverdyukova, E. D. (2006). *Obshchestvennoe pitanie Leningrada vo второй половине 1930-h godov: transformaciya sistemy* [Public catering in Leningrad in the second half of the 1930s: the transformation of the system]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History]. No. 2. Pp. 40–49. (In Russ.) EDN: RTTCCF.
7. Goncharova, S. G. (2015). *Bor'ba s rasprostraneniem p'yanstva i alkogolizma v gody velikoj otechestvennoj vojny i v poslevoennyj period (1941–1964 gg.)* [The fight against the spread of drunkenness and alcoholism during the Great Patriotic War and in the post-war period (1941–1964)]. *Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko* [Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko]. No. 4–5. Pp. 222–234. (In Russ.) EDN: WLWJMD.
8. Tverdyukova, E. D. (2012) *"O pivnom uklone i torgasheskih izvrascheniyah": trgovlya alkogolem v Leningrade 1930-h gg.* ["On beer bias and merchant perversions": alcohol trade in Leningrad in the 1930s]. *Novejšhaya istoriya Rossii* [Contemporary history of Russia]. No. 2 (4). Pp. 88–99. (In Russ.) EDN: NTSHBX.
9. Leбина, N. B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody* [Daily life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920–1930]. St. Petersburg: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "Letnij sad"". ISBN 5-89740-004-0. (In Russ.) EDN: RYEBBF.
10. Petrov, P. V. (2016) *Krasnoznamennyj Baltijskij flot nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny: 1935 – vesna 1941 gg.* [The Red Banner Baltic Fleet on the eve of the Great Patriotic War: 1935 – Spring 1941]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. (In Russ.) EDN: YRCSSZ.
11. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota (hereinafter – RGA VMF)* [The Russian State Archive of the Navy (RGAVMF)]. F. r. – 34. Op. 6. D. 831. (In Russ.)
12. Mil'bah, V. S. Saberov, F. K. (2016) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stvuyushchego sostava 1937–1938 gg. Krasnoznamyonnyj baltijskij flot* [Political repressions of the commanding officers of 1937–1938. The Red Banner Baltic Fleet]. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks «Gangut». (In Russ.)
13. RGAVMF. F. r. – 62. Op. 5. D. 3. (In Russ.)
14. RGAVMF. F. r. – 107. Op. 7s. D. 58. (In Russ.)
15. RGAVMF. F. r. – 62. Op. 5. D. 4. (In Russ.)
16. RGAVMF. F. r. – 34. Op. 6s. D. 849. (In Russ.)

17. RGAVMF. F. r. – 62. Op 2. D. 68. (In Russ.)
18. RGAVMF. F. r. – 92. Op. 2. D. 600. (In Russ.)
19. Postnikova, E. G., Lyubeckij, A. E., Sennikova, Ks. G. (2021) *Komandiry Severnogo flota v ego-dokumentah matrosa-podvodnika G. I. Sennikova* [The commanders of the Northern Fleet in the ego documents of the submariner G. I. Sennikov]. Manuscript. No. 6. Pp. 1083–1092. (In Russ.)
20. RGAVMF. F. r. – 62s. Op. 5s. D. 2s. (In Russ.)

Об авторе

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: VO-Levashko@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0006-8392-6125

About the author

Levashko Vadim O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: VO-Levashko@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0006-8392-6125

Статья поступила в редакцию 26.03.2024

Одобрена после рецензирования 26.04.2024

Принята к публикации 2.05.2024

Послевоенная повседневность сельского населения Беларуси: уровень жизни и стратегии жизнеобеспечения

Е. В. Сумко

В статье на основании широкого круга источников рассматривается повседневность сельского населения Беларуси после освобождения от нацистской оккупации и в период послевоенного восстановления. Архивные документы и материалы устной истории позволили реконструировать с достаточной долей вероятности отдельные элементы повседневности. Автор обращает внимание, что на структурирование послевоенной реальности белорусской деревни оказывали следующие факторы: сосуществование двух моделей жизнеобеспечения крестьян-колхозников и крестьян-единоличников; наличие “зон бедствия” (уничтоженные деревни во время карательных экспедиций и военных действий) и “зон относительной стабильности” (степень разрушения населенного пункта была незначительной), что было следствием неравномерного ущерба по итогам Великой Отечественной войны; специфика природного ландшафта и месторасположение населенного пункта (удаленность от города, военного городка, крупного местечка, железнодорожных станций). Подчеркивается, что выбор стратегии сельского населения определяли социальные и жизненные ресурсы, возможность их использования.

Ключевые слова: сельская повседневность, устная история, жизненные стратегии, уровень жизни, Беларусь.

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ “Стратегии выживания и адаптивные практики сельского населения Северной Беларуси в послевоенный период”, договор № Г23ИП-037.

Для цитирования: Сумко Е. В. Послевоенная повседневность сельского населения Беларуси: уровень жизни и стратегии жизнеобеспечения // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 163–181. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_163. EDN: QQYMGG

Введение

Великая Отечественная война имела катастрофические последствия для Беларуси, преодоление которых растянулось на длительный период. Послевоенная деревня находилась в крайне неблагоприятной экономической ситуации, а сельские жители вынуждены были реализовать весь свой потенциал, чтобы решать насущные проблемы жизнеобеспечения своей семьи, параллельно прикладывая титанические усилия для восстановления сельскохозяйственного производства. В исследованиях советского периода отдавали должное трудовому подвигу белорусского крестьянства, которое проявив самоотверженность в работе, смогло за короткий период ликвидировать последствия нацистской оккупации и войны. Однако проблематика послевоенной повседневности обычного крестьянина оставалась «за кадром», что было обусловлено принятой в исторической науке того времени исследовательской парадигмой. Фактически единственным исследованием послевоенной истории белорусской деревни, является монография А. П. Белязо, в которой автор ввёл в научный оборот значительное количество архивных документов, свидетельствующих о тяжелой послевоенной действительности и на конкретных примерах показал, что в жизнь белорусской деревни первых послевоенных лет вернулось далёкое прошлое, «а крестьянство вынуждено пользоваться такими предметами, как рогатина и лучина» [1, с. 18]. Попытки переосмыслить историю советского крестьянства в первые послевоенные годы предпринимались в 1990-е гг., когда историки получили доступ к ранее закрытым архивным документам. Одной из первых таких монографий, стала книга О. М. Вербицкой, в которой была исследована организация и оплата труда крестьян, роль личного приусадебного хозяйства, изучены доходы, структура потребления и быт, показаны практики со стороны крестьян-колхозников подкорректировать или обойти существующую систему [2].

Анализ современной историографии показывает, что вопросы, связанные с послевоенным состоянием белорусской деревни, рассматриваются преимущественно в контексте восстановления сельского хозяйства БССР и изучения деятельности партийно-государственных органов в сфере реализации аграрной политики [3; 4]. Отдельные исследования посвящены

проблемам послевоенной коллективизации в Западной Беларуси и трансформационным процессам в западнобелорусской деревне во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. [5–7].

Среди изданий последних лет, которые так или иначе затрагивают проблематику повседневности сельского населения Беларуси, следует отметить книгу Ольги Ивановой, которая является первой попыткой показать историю XX века через призму воспоминаний жителей белорусской деревни [8]. В исследовании представлена реконструкция основных сюжетов устной истории сельских жителей в XX веке, а также подробно освещены вопросы методологии и методики исследования в области устной истории. Книга О. Ивановой перекликается с исследованиями И. Е. Козновой, которая изучала память на уровне событийной ретроспекции – «История XX века глазами крестьян» [9; 10].

Исследования по истории повседневности имеют сравнительно недолгую традицию в Беларуси. Наиболее полно эта проблематика представлена в российской историографии, в рамках которой история повседневности рассматривается как одна из наиболее востребованных в исторической науке составляющих социальной истории. Однако, как отметил Ю. Костяшев, в современной российской историографии утвердилась обновленная концепция коллективизации, объективный взгляд на колхозную жизнь в 1930-е гг. и во время войны, а послевоенный период все еще изучен недостаточно [11, с. 7]. Российские исследователи преимущественно использовали региональный подход в исследовании истории сельской повседневности и условий жизни колхозного крестьянства [11–13].

Описание обыденной жизни и повседневных практик сельских жителей невозможно без понимания функционирования аграрной экономики определенного периода. Вопросы, связанные с перераспределением роли укладов в производстве сельскохозяйственной продукции, формами эксплуатации, социальными отношениями в колхозно-совхозной деревне, раскрываются в исследованиях М. А. Бензина, Т. М. Димони [14; 15].

Некоторые исследователи считают, что сегодня крестьянская история – это история устная, транслирующая опыт и знания вербальными средствами, сохраняющая преемственность поколений [16, с. 55]. Устная история активно внедряется в исто-

рическую научную практику. Здесь необходимо отметить разработки Т. К. Щегловой, которая рассматривает устную историю как метод и источник исследования сельского населения в контексте исторических событий XX века. Автор отмечает, что устная история формирует источниковую базу для исследования не только таких элементов культуры жизнеобеспечения, как жилище, пища, одежда, так и периферийных элементов – санитарии, гигиену, отопительные и осветительные материалы, народную медицину и другие элементы [17, с. 13].

Цель данной статьи – на основе архивных документов и материалов устной истории реконструировать послевоенную повседневность сельского населения Беларуси. Ключевым источником выступают свидетельства респондентов, которые дают возможность понять, как люди выживали, как жизненный опыт, передававшийся из поколения в поколение, воспроизводился в сложное послевоенное время, какие стратегии и практики жизнеобеспечения реализовывались, какие ресурсы использовали для восстановления своего хозяйства. Значительным информационным потенциалом обладают архивные документы, в основном это делопроизводственная документация региональных органов власти, а также отчеты, которые отправлялись в партийные структуры, курирующие сельскую сферу. Данные источники предоставляют ценную информацию о некоторых аспектах повседневной жизни сельского населения Беларуси в сложное послевоенное время: материальный уровень жизни, взаимоотношение с властной вертикалью, мотивация нарушения Устава сельскохозяйственной артели и пути решения определенных жизненных проблем.

Результаты

Сочетание традиционных и инновационных исследовательских направлений, наличие значительного объема накопленных источников позволяют по-другому взглянуть на историю деревни, особенно в кризисные и переходные периоды, когда наиболее отчетливо проявляются трансформационные процессы, проблемы преемственности повседневных социальных, культурных, экономических практик и их роль в жизни населения в неблагоприятных условиях. Реальность, в которой оказались сельские жители Беларуси, после Великой Отече-

ственной войны, предопределила жизненные цели и способ их реализации. Спектр возможных действий для достижения определенного уровня благосостояния сельской семьи был обусловлен локацией проживания: размещение в «зоне бедствия» (проживание на месте уничтоженной деревни в результате карательных операций или военных действий) или «зоне относительной стабильности» (проживание в населенном пункте, где степень разрушения была незначительной или отсутствовала); возможность использования природных ресурсов. Кроме этого, содержание послевоенной сельской повседневности предопределялась тем, что в послевоенной Беларуси до конца 1940-х гг. сохранялось сосуществование двух моделей системы жизнеобеспечения сельского населения, в основе которых, преимущественно на территории Западной Беларуси (районы, которые в межвоенный период входили в состав Польской республики), лежали единоличные хозяйства, а на территории Восточной Беларуси – ключевую роль играла колхозно-совхозная система. Как свидетельствуют архивные документы и материалы устной истории, крестьяне-единоличники в первые годы после освобождения обладали лучшими стартовыми возможностями для восстановления довоенного уровня жизни. Ситуация с жизнеобеспечением в районах с единоличным сектором изменилась в конце 1940-х гг., когда был взят курс на ускоренную коллективизацию, что привело к включению основной части крестьянства западных областей Беларуси в колхозно-совхозную систему.

Неравномерный ущерб по итогам Великой Отечественной войны предопределил разные стартовые возможности для восстановления. В неблагоприятных условиях оказалось население районов, которые были отнесены к наиболее пострадавшим. Согласно документам, которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь, в первые послевоенные годы такой статус имели 36 районов, население которых находилось в весьма тяжелых, а иногда и экстремальных жизненных условиях: «Положение, оставшихся в живых населения на время освобождения чрезвычайно тяжелое. Посевные площади на 1944 г. составляют не более, чем 27 % к 1940 г., лошадей осталось 13 %. В личном пользовании колхозников скота осталось 14 % к довоенному. Большинство населения не имело жилья и проживало в землянках. Народ длительно голодал, имелось большое

количество истощенных людей, и среди них немало дошедших до крайней степени истощения. Свирепствовала эпидемия тифа. Население после освобождения в 1944 году покидало разоренные районы и уходило в более сохранившиеся районы Беларуси, Украины, Литвы, Латвии» [18, л. 29]. Современные исследования и материалы устной истории значительно расширяют территорию, которую можно отнести к «зоне бедствия».

Первостепенной проблемой для населения, которое возвращалось на уничтоженную усадьбу, была адаптация к экстремальным условиям и решение жилищного вопроса. В первые годы после освобождения землянки, как временное жилье, были реальностью наиболее пострадавших районов. Иной раз в землянке жило по несколько семей: «Рыли землянки, жили по 2–3 семьи в землянке, потому что не у всех же были мужики. И мы ж вернулись с мамкой домой, а папы не было. Ну вот землянку вырыли, жили» [19, записано в 2019 г., от женщины 1935 г. р., деревня Ломаша Глубокского района Витебской области]. Материалы устной истории фиксируют, что там, где преобладала болотистая местность и уровень воды был высокий, землянки не рыли, а строили временные наземные конструкции – курени. Данная конструкция, по воспоминаниям респондентов, выглядела следующим образом: «Курень – это составленные шатром жерди, обложенные соломой и сухой травой, сверху укрепленные дерном и палками, чтобы не сдувало. В середине куреня был очаг. Вверху, где сходились жерди, была дырка, чтобы выходил дым. Ставился курень на специальный поддон: вбивали рогульки в землю, потом жерди, потом на них поперечные и застилали валежником» [19, записано в 2023 г., от мужчины 1938 г. р., деревня Новоселки Петриковского района Гомельской области]. Формат временного жилья и продолжительность проживания зависели от возможностей конкретной семьи (в принципе в воспоминаниях про послевоенную реальность наличие мужчины в семье отождествлялось с перспективой быстрого восстановления). В качестве материалов для временного жилья использовали все доступные ресурсы, обычно застраивая уцелевший угол. Одним из распространенных вариантов было использование бани в качестве временного жилища, которая по своим параметрам больше подходила к модели дома. Поскольку бани строились на удалении от жилых

и хозяйственных построек, а также от дороги, они обычно были наиболее сохранившимися элементами крестьянской усадьбы.

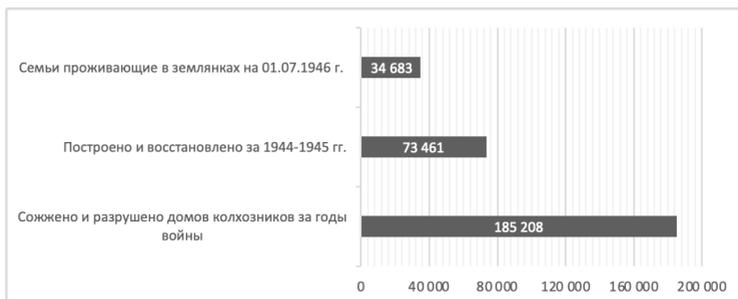


Рис. 1. Состояние строительства жилых домов колхозников в особо пострадавших районах БССР в первые послевоенные годы.

Процесс перехода сельского населения из землянок курировался органами властной вертикали и партийным руководством, однако восстановительные работы частного жилого комплекса шли медленными темпами: не хватало строительных материалов, рабочих рук, транспорта, в первую очередь отстраивали колхозные объекты. Летом 1946 г. в особо пострадавших районах в землянках проживало 34 683 семьи (рис. 1) [18, л. 23]. С каждым годом количество проживающих в землянках сокращалось, однако окончательное решение вопроса затянулось до конца 1940-х гг., а в отдельных районах до начала 1950-х гг. Как свидетельствуют архивные документы, информация в отчетах иной раз отличалась от реальности. Дело было в том, что в некоторых районах выделялись мизерные фонды строительного леса: «леса на строительство одного жилого дома отпускается 25 кубов, этого хватает только на сруб, а для того, чтобы получить на достройку лесоматериала необходимо вызывать комиссию, которую можно ждать весь год» [20, л. 7]. Однако по документам наличие сруба, даже непригодного для жилья, рассматривалось отделом колхозного строительства как решение жилищной проблемы, а по факту семья продолжала жить в землянке. Так, например, было в Чашницком районе Витебской области (декабрь 1947 г.): «...что касается отдела колхозного строительства, то они передали сведения, что в зем-

лянках нет ни одной семьи, а фактически по данным отчетов сельских советов в районе проживает в землянках 21 семья, у которых есть срубы, но незакончены по причине отсутствия тягловой и мужской силы» [20, л. 18].

Кроме этого, распространенной формой жилья в первые послевоенные годы, были так называемые «временки», которые мало чем отличались от землянок. Материалы устной истории свидетельствуют о существовании переходного типа жилища – «хатинка три на четыре». Первые дома, построенные после Великой Отечественной войны, были небольшими по размерам и практически лишенными декоративно-художественного убранства, к тому же у многих крестьян отсутствовали дополнительные хозяйственные постройки. Уровень жизни крестьянской семьи предопределял длительность использования лучины для освещения деревенской избы, особенно в осенне-зимний период. Самыми доступными, а поэтому и распространенными материалами для крыши, были солома или чарот. По свидетельству респондентов, крыша из чарота служила до 50 лет, она могла покрыться мхом, однако воду не пропускала. Крыша из соломы была менее долговечна. Необходимо отметить, что распространенным было явление, когда в голодные годы соломенную крышу снимали и она шла на корм домашнему скоту. Воспоминания про полноценную крестьянскую усадьбу относятся к середине 1950-х гг., когда была пересмотрена сталинская модель экономических отношений между государством и колхозниками, и у последних появилась возможность создать более комфортные условия существования и отойти от режима экономии. Показательным является следующий фрагмент из воспоминания: «Когда стали покрепче, дома крыли щепой. Щепу делали с осины или сосны. Соснова щепка служила 15 лет, осиновая – около 25. Щепу делали в колхозе, сначала для своих нужд, а потом людям. Записывались в очередь и организовывали талаку. За вечер могли сделать заготовки для одного человека. Красота! Дома уже строили с хорошего материала, не то что после войны» [19, записано в 2023 г., от мужчины 1938 г. р., деревня Новоселки Петриковского района Гомельской области].

Послевоенную повседневность отличал устойчивый дефицит базовых продуктов питания. Более пронзительна эта тема

звучала у респондентов, которые проживали в «зоне бедствия». В качестве примера можно привести следующее воспоминание: «Бедно было. Голод, ничего не было. Ходили бульбу собирать по полю – гнилушки были. Мама как-то промывала и оставался беленький крахмал. Пекла блины. Мама говорила: «ничего, детки, так глотайте». Щавель собирали, лебеду...» [19, записано в 2021 г., от женщины 1938 г. р., деревня Осовец Молодечненского района Минской области]. Следует отметить, что некоторые респонденты в ходе интервью называли оладушки, приготовленные из перезимовавшего картофеля, «тошнотиками».

Послевоенная экстремальная продовольственная ситуация привела к резкому сокращению необходимого количества растительной и животной пищи в ежедневном рационе сельской семьи и, как следствие, к нехватке питательных веществ, необходимых для здоровья человека. Обоснованные научные нормы потребления продуктов питания, полученные в 1939 г., включали следующие показатели (на 1 человека в год, кг): хлебных изделий – 121, картофеля – 114, овощей и бахчевых – 141, молока и молочных продуктов – 540 [21, с. 85], в послевоенные годы не соблюдались. Широкое распространение получило употребление в пищу различных растительных суррогатов (кора деревьев, цветы клевера, производные от конского щавеля и т. д.). «Есть было нечего. Мы добывали еду. Весной рано собирали шнитть в кустах, тогда крапивка подросла, потом щавель. Это всё варили и хлебали. Ни хлеба, ни муки, ни крупы – одна трава» [19, записано в 2023 г. от женщины 1938 г.р, деревня Малая Пушча Полоцкого района Витебской области]. Продукты собирательства давали необходимые белки и витамины, что позволяло определенным образом корректировать дисбаланс в системе питания в послевоенные годы. Функционал собирательства определялся конкретными природными условиями и расположением микрорегиона. Многие респонденты вспоминали, что их кормил лес: «Лес – это грибы, ягоды. Ягод было много. Как только май прошел, так в лес и пошли. Лисичка была первая и были маленькие красненькие сыроежки. У нас моды не было, чтобы грибы отваривать, их перебирали, помыли и сразу на сковороду – на воде жарили. Сушили благородные. Мяса ж никакого нет, поэтому это считалось нашим мясом» [19, записано в 2023 г., от мужчины 1938 г. р., деревня

Новоселки Петриковского района Гомельской области]. Иногда в лепешки, чтобы было больше, добавляли опилки, опытным путем выясняя степень пригодности того или иного дерева: «Сначала пробовали березовые. Думали, что будут вкусные. Березовые очень горькие, невозможно, жгучие, горит во рту, нельзя есть. Вкусные осиновые опилки. У осины только кора горькая» [19, записано в 2021 г., от женщины 1932 г. р., деревня Барсуки Верхнедвинского района Витебской области]. Когда разговор касался послевоенной системы питания, респонденты отмечали острую нехватку соли, что вообще было характерным явлением для первых послевоенных лет. Каждая семья выходила из ситуации по-своему. Например, использовали калийную соль в пищу или вываривали доски от ящиков, где когда-то было соленое сало.

Разница уровня жизни в послевоенные годы очень хорошо прослеживается именно в ситуации с продуктовым обеспечением и повседневными нормами потребления сельской семьи. Полевые исследования фиксируют, что экстремальная гастрономия и включение в послевоенный рацион дикорастущих растений и растительных продуктов – суррогатов, которые не использовались в пищу в период относительного благосостояния, практиковалось больше жителями Восточной Беларуси, чем Западной. В качестве примера, можно привести следующий фрагмент из воспоминания, записанный на территории Западной Беларуси от женщины из полной семьи, родители которой были крестьянами-единоличниками и проживали в зоне «относительной стабильности»: «Мы не горевали. У нас было и масло, и хлеб, и я на пасту сама не гоняла, но ходила к пастухам и выменяла один раз хлеб с маслом на пирожок. С чем он там был, может с лебедой или семенем каким-то, так я потом в больницу попала...» [19, записано в 2020 г. от женщины 1939 г. р., деревня Прозороки Глубокского района Витебской области]. Необходимо отметить, что данный фрагмент, скорее исключение, однако полевые материалы свидетельствуют о том, что единоличные хозяйства обладали лучшим экономическим потенциалом для восстановления, поэтому послевоенная реальность крестьян-единоличников отличалась от послевоенной действительности крестьян-колхозников.

На протяжении первых послевоенных лет районы Западной Беларуси были зоной возможностей для крестьян с Восточной Беларуси получить базовые продукты питания и необходимые ресурсы для восстановления. «Стали восстанавливаться. Приобретать скот в западных районах за последнюю одежду и другие предметы, на 3–5 хозяйств коллективно покупали коров, птицу» [22, л. 13].

Западнобелорусский регион был самым востребованным направлением как для трудовой миграции, так и вынужденного «хождения по миру» (подразумевается прошение милостыни, которое помогало в неблагоприятной жизненной ситуации решить проблемы элементарного жизнеобеспечения и в первые послевоенные годы оно приобрело массовый характер). Анализ материалов устной истории фиксирует, что в некоторых случаях в памяти респондентов «хождение по миру» сочетало в себе как нищенские практики, так отходничество. Архивные документы также фиксируют отток населения в Западную Беларусь: «в 1946 году из Витебской области выбыло большое число людей как организовано, так и не организовано. За август выбыло из сельской местности 7393 человек. Уезжают в другие области Западной Беларуси целые семьи и в одиночку, также уходят в города на работу...» [23, л. 69]. Причем чем удаленнее относительно линии коммуникации и городов находилась усадьба, тем выше была оплата за работу. Специфическая демографическая ситуация вызвала диффузию традиционных возрастных и гендерных ограничений во время выполнения как сельскохозяйственных работ, так и реализации жизненных стратегий. Анализ воспоминаний показывает, что устройство на работу в западные районы происходило или через знакомых, или, заметив сообразительную девочку на базаре, договаривались с ее родителями о найме на работу. Показательным является воспоминание женщины с Верхнедвинского района (район Восточной Беларуси, который относился к наиболее пострадавшим) про то, как «ходила на заработки»: «Я ездила в Западную к хозяевам. Папа меня за руку, как воскресенье, и на базар. А западники приезжали на конях на пароме. И папа водил меня за руку по базару. Люди спрашивали: «Куда ты девочку ведешь? Продавать?» А он и говорит: «А вот кому надо? Она может на пасту гонять, и свиней пасти...». Ай, сколько было

хозяев! Я все лета на пасту гоняла. А у них 15 овец, две коровы, телята... Мне платили зерном. Папа приезжал, брал зерно – это была моя плата» [19, записано в 2020 г. от женщины 1932 г. р., деревня Жигули Верхнедвинского района Витебской области]. Дешевая рабочая сила, преимущественно с восточной Беларуси, давала возможность крестьянам-единоличникам быстрее восстановить оптимальный уровень благосостояния. Вместе с этим, материалы полевых исследований свидетельствуют, что и крестьяне-единоличники также пытались адаптироваться к сложной послевоенной реальности и искать ресурсы, необходимые для восстановления. Они также практиковали отходничество, однако преимущественно работали за деньги, чтобы купить лошадь (необходимую для обработки земли) или рассчитаться с налогами.

В период послевоенного восстановления наблюдался возврат к натуральному хозяйству, которое позволяло достигнуть определенной степени автономности: «жили только со своего». Посредством обмена ресурсами семьи обеспечивали себя необходимыми продуктами питания, сырьем, одеждой. Объемы потребления зависели от урожайности и структуры посевов. Наряду с зерновыми в структуре посевов важную роль играл лен, имевший стратегическое значение для жизнедеятельности деревенской семьи. Материалы устной истории свидетельствуют о том, что в условиях послевоенной разрухи эта культура активно использовалась как хозяйственный и пищевой ресурс.

Неотъемлемым элементом послевоенной действительности в сельской местности стал возврат к самодельной обуви и самодельной одежде, для производства которой основным материалом являлся лен. За редким исключением, почти все респонденты, независимо от пола, подробно рассказывали о технологии обработки льна, свидетелями которой они стали в послевоенное время, а также поэтапном процессе создания домотканого полотна, из которого изготавливали одежду и предметы домашнего обихода. По воспоминаниям некоторых респондентов из Западной Беларуси, лен по традиции сеяли до начала 1950-х гг. Необходимость данной культуры в севообороте, даже в условиях сокращения пахотных земель в хозяйствах единоличников в результате коллективизации в конце 1940-х гг., сами респонденты объясняли следующим образом:

«Надо было собрать деньги и расчытацца с налогом. Я даже в самотканой куртке поехала учиться, в 52-м году, потому что материала купить на пальто не было, а во-вторых у нас и денег не было» [19, записано в 2021 г. от женщины 1936 г. р., деревня Поташня Миорского района Витебской области].

Анализ материалов устной истории показывает, что использование льна в послевоенном хозяйстве было широко распространено и среди крестьян-колхозников, которые сначала сажали его на своих сотках, а затем стали брать с колхоза. В зависимости от ситуации лен мог выдаваться в качестве оплаты на трудодни, но бывали случаи, когда колхозный лен добывался нелегально. Домотканая одежда в сельской местности была в обиходе длительное время. Например, респондент 1938 года рождения вспоминал, что 7 классов он «окончил в домотканых штанах и рубашке, другой не было. Потому что денег колхоз не давал никаких. Только писали палочки. Деньги только от того, что сдавали ягоды и грибы» [19, записано в 2023 г., от мужчины 1938 г. р., деревня Новоселки Петриковского района Гомельской области]. Вещи из домотканого полотна были обязательным элементом приданного для девушки. Кроме этого, в каждой деревне были умельцы, которые шили обувь, делали посуду и другие необходимые в повседневном быту вещи. В первые годы, в условиях критической нехватки предметов домашнего обихода, для хозяйственных нужд приспособляли то, что осталось от войны: части снарядов, немецкие консервные банки, парашюты и т. д. Для постельных принадлежностей использовали доступные ресурсы окружающей среды. Например, в некоторых районах в качестве наполнителя для подушки использовался пух от камыша.

Экономический потенциал собственного хозяйства позволял выжить в неблагоприятных условиях. Исследователи, изучавшие уровень жизни послевоенного крестьянства, отмечают, что подавляющую часть потребляемых продуктов сельского хозяйства колхозники получали от своего личного хозяйства, на скромных по размерам участках колхозники снимали урожай значительно выше тех, что выращивали на общественных землях [12, с. 105]. Основную долю прибыли, в том числе и в денежном эквиваленте, крестьяне получали как раз от реализации продуктов со своего приусадебного участка.

Поэтому наличие рынков сбыта для собственной продукции играло очень важную роль. В более выгодном положении оказывались крестьяне, место проживания которых находилось относительно недалеко от города, крупного местечка, военного городка, железнодорожной станции. Материалы устной истории фиксируют, что для своих нужд крестьяне оставляли только необходимый минимум, остальное шло на реализацию для получения денежных ресурсов, необходимых для выплаты налогов, погашение затрат на образование или приобретения товаров, которых нельзя было создать в рамках своего хозяйства. «Все продавали, если оно было» – это было характерно, как для крестьян-единоличников (налоги для них росли в геометрической прогрессии), так и для крестьян-колхозников, работа которых в послевоенных колхозах, не оплачивалась надлежащим образом.

Соотношение цены и товара было достаточно условным, зачастую в зависимости от потребностей. Интересный случай был записан в деревне Бараново Стародорожского района Минской области о том, что «временку» (хозяйственную постройку для временного проживания) купили за штаны и шелковое платье: «Когда приехали сюда, то у человека была истопка. Мама ее купила. А он был на Финской войне и у него отняли ногу. Он говорит: “Я истопку только тогда продам, если мне кто-нибудь даст штаны. Я хочу черные”. После войны не было где купить штанов. Были домотканые, покрасят их в черный, а после жлукты (предмет быта для стирки с употреблением пепла, в качестве моющего средства) – облезут. А мама моя всю войну, мы даже и не видели, что на маме что-то есть, папин костюм, она его на себе носила, нас за руки держала, а он на ней был. Так отдала штаны и шелковое платье за истопку» [19, записано в 2023 г. от женщины 1934 г. р.].

Обсуждение и выводы

Анализ архивных документов и материалов устной истории, которые касаются сельской повседневности Беларуси в послевоенное время, позволяет сделать вывод, что основные жизненные стратегии послевоенного времени были следующие:

– Стратегия выживания – совокупность способов и форм адаптации в условиях неблагоприятной жизненной ситуации

с целью обеспечить элементарное физиологическое выживание крестьянской семьи. Данная стратегия реализовывалась преимущественно населением, которое проживало в районах, отнесённых по итогам Великой Отечественной войны к наиболее пострадавшим (проживание в землянках, употребление в пищу растительных суррогатов, прошение милостыни и т. д.). Безусловно, государство оказывало социальную помощь семьям, оставшимся без отца или оказавшимся в весьма неблагоприятных жизненных обстоятельствах, но надо учитывать трудности послевоенных лет, время, необходимое для подготовки документов, подтверждающих тот факт, что отец погиб на фронте и т. д.

– Стратегия адаптации – реакция на стрессогенную ситуацию, которая предусматривала выбор адаптивных практик, возможность перераспределять жизненные и социальные ресурсы с целью достигнуть оптимального уровня жизнеобеспечения. Стратегия адаптации практиковалась преимущественно в районах с единоличными хозяйствами (Западная Беларусь) и коллективизированных районах, которые находились в зоне относительной стабильности (степень разрушения была незначительной или отсутствовала). Стратегия адаптации носила компромиссный характер. Как показывает анализ архивных документов и материалов устной истории, в условиях неблагоприятных жизненных обстоятельств преобладало рациональное поведение, возрастал удельный вес неформальных и нелегальных практик жизнеобеспечения (например, самогонарение, которое можно рассматривать как особое проявление «теневой» экономической деятельности белорусских крестьян в сложных послевоенных условиях), актуализировались нетипичные формы экономической и торговой активности, что позволяло получить необходимые ресурсы в эквиваленте.

Необходимо отметить, что иной раз провести четкую грань между стратегией выживания и стратегией адаптации в условиях послевоенной повседневности достаточно сложно. Имели значение такие факторы, как степень разрушения, темпы восстановления, наличие трудоспособных членов в семье, возможность обрабатывать землю, место в социальной структуре общества.

Полевые материалы свидетельствуют о воспроизводстве в послевоенное время традиций этнического опыта выживания

в неблагоприятных условиях, актуализации этноботанических знаний о растениях, их пищевых и лечебных свойствах.

Список литературы

1. Белязо А. П. Беларуская вёска ў пасляваенныя гады (1945–1950). Мінск: Выд-ва БДУ, 1974. 176 с.

2. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М.: Наука, 1992. 222 с. EDN: PYIKQL

3. Смяховіч М. У. Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943–1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт. Мінск: Беларуская навука, 2017. 439 с.

4. Смяховіч М. У. Аплата працы ў калгасах і саўгасах БССР (1944–1985 гг.) // Вестні Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. – 2015. – № 3. – С. 50–60. EDN: SHNTNR

5. Белозорович В. А. Западнобелорусская деревня в 1939–1953 годах: монография. Гродно: ГрГУ, 2004. 148 с.

6. Ruchniewicz Małgorzata. Wieś zachodniobiałoruska 1944–1953 Wybrane aspekty. – Wrocław, 2010. – 477 p.

7. Чарнякевіч І. С. Стратэгіі выжывання заходнепалескіх сялян ва ўмовах пасляваеннай калектывізацыі // Соцыокультурная жизнь: історыя повсяднёвасці / рэдкалегія: Т. Тохіян, Е. Розенблат. Брэст: БрГУ, 2016. – С. 153–161.

8. Иванова В. Прамоўленая гісторыя: XX ст. у памяці жыхароў беларускай вёскі. Мінск: Зміцер Колас, 2018. 448 с.

9. Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. 207 с.

10. Кознова И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 464 с.

11. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининской области. 1946–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 263 с. EDN: WQJDSV

12. Мамяченков В. Н Роковые годы: Материальное положение колхозных крестьян Урала в послевоенные годы (1946–1960): монография. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. 312 с. EDN: VUGHXH

13. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.

14. Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–60-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИРАН, 2001. 141 с. EDN: WOMSYJ

15. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: ЛЕНАНД, 2019. 608 с.

16. Хасянов, О. Р. Методы устной истории в изучении повседневной жизни советского крестьянства // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 53–59. EDN: RZCEDX

17. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 132 с. EDN: WKKGSN

18. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 29. Д. 267.
19. Архив Центра устной истории и полевых исследований Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (предыдущее название – Фольклорный архив Полоцкого государственного университета). Ф. 1. Оп. 5.
20. Государственный архив Витебской области. Ф. 1974. Оп. 2. Д. 751.
21. Чирков М. С. Жизненный уровень и уровень потребления основных продовольственных и промышленных товаров российских крестьян в 1945–1953 гг. (по материалам архивных фондов) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – № 3 (43), – С. 82–89. EDN: VSOEKT
22. Зональный государственный архив города Полоцка. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 9.
23. НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 1247.

Post-War Everyday Life of the Rural Population of Belarus: Living Standards and Sustenance Strategies

Elena V. Sumko

Based on a wide range of sources, the article examines the everyday life of the rural population of Belarus after liberation from Nazi occupation and during the period of the post-war reconstruction. The archival documents and oral history materials made it possible to reconstruct certain elements of everyday life with a sufficient degree of probability. The author draws attention to the fact that the following factors influenced the structuring of the postwar reality of the Belarusian village: the coexistence of two models of sustenance of collective and individual peasants; the presence of "disaster zones" (villages destroyed during punitive expeditions and military operations) and "zones of relative stability" (the degree of destruction of settlements was insignificant) as a consequence of the uneven damage caused by the Great Patriotic War; the specifics of the natural landscape and the location of the settlement (remoteness from the city, military town, large localities, railroad stations). It is emphasized that the choice of strategy of the rural population was determined by social and life resources and the possibility of their use.

Key words: rural daily life, oral history, life strategies, standard of living, Belarus.

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the BRFFI project "Survival strategies and adaptive practices of the rural population of Northern Belarus in the post-war period", agreement No. G23IP-037.

For citation: Sumko, E. V. (2024) Poslevoennaya povsednevnost' sel'skogo naseleniya Belarusi: uroven' zhizni i strategii zhizneobespecheniya [Post-War Everyday Life of the Rural Population of Belarus: Living Standards and Sustenance Strategies]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 163–181. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_163. EDN: QQYMG

References

1. Belyazo, A. P. (1974) *Belaruskaya vyoska ŷ paslyavaennyya gady (1945–1950)* [The Belarusian village in the post-war years (1945–1950)]. Minsk: Vyd-va BDU. (In Belaruss.)

2. Verbickaya, O. M. (1992) *Rossijskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Hrushchevu* [The Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev]. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: PYIKQL
3. Smyahovich, M. U. (2017) *Sel'skaya gospadarka Belarusi ŷ 1943–1991 gadah: etapy razvicyya, dasyagnenni, vopyt*. [The agriculture of Belarus in 1943–1991: stages of development, achievements, experience]. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Belaruss.)
4. Smyahovich, M. U. (2015) *Aplata pracy ŷ kalgasah i saŷgasah BSSR (1944–1985 gg)* [The wages at collective farms and state farms of the BSSR (1944–1985)]. *Vesci Nacyyanal'naj Akademii navuk Belarusi* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus]. No 3. Pp. 50–60. (In Belaruss.). EDN: SHNTNR
5. Belozorovich, V. A. (2004) *Zapadnobeloruskaya derevnya v 1939–1953 godah: monografiya*. [The Western Belarusian village in 1939–1953: monograph]. Grodno: GrGU. (In Russ.)
6. Ruchniewicz, M. (2010) *“Wieś zachodniobiałoruska 1944–1953 Wybrane aspekty”* [The Western Belarusian village 1944–1953 Selected aspects]. Wrocław. (In Polish).
7. Charnyakevich, I. S. (2016) *Strategii vyzhyvannya zahodnepaleskich syalan va ŷmovah paslyavaennaj kalektyvizacyi* [The survival strategies of the Western Polesye peasants during the post-war collectivization]. *Sociokul'turnaya zhizn': istoriya povsednevnosti* [Sociocultural life: history of everyday life]. Brest: BrGU, 2016. Pp. 153–161. (In Belaruss.)
8. Ivanova, V. (2018) *Pramoŷlenaya gistoryya: XX st. u pamyaci zhyharoŷ belaruskaj vyoski* [The oral history: the XX century in the memory of the inhabitants of the Belarusian village]. Minsk: Zmicer Kolas. (In Belaruss.)
9. Koznova, I. E. (2000) *XX vek v social'noj pamyati rossijskogo krest'yanstva* [The 20th century in the social memory of the Russian peasantry]. Moscow. (In Russ.)
10. Koznova, I. E. (2016) *Stalinskaya epoha v pamyati krest'yanstva Rossii* [The Stalin era in the memory of the Russian peasantry]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)
11. Kostyashov, Y. (2015) *Povsednevnost' poslevoennoj derevni: Iz istorii pereselencheskich kolhozov Kalininskoj oblasti. 1946–1953 gg.* [The everyday life of a post-war village: From the history of resettlement collective farms in the Kalinin region. 1946–1953]. M.: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.). EDN: WQJDSV
12. Mamyachenkov, V. N (2002) *Rokovye gody: Material'noe polozhenie kolhoznyh krest'yan Urala v poslevoennye gody (1946–1960): monografiya* [Fatal years: the financial situation of the Urals collective farm peasants during the post-war years (1946–1960): monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo universiteta. (In Russ.). EDN: VUGHXH
13. Hasyanov, O. R. (2018) *Povsednevnyaya zhizn' sovsetskogo krest'yanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: na materialah Kujbyshevskoj i Ul'yanovskoj oblastej* [The Everyday life of the Soviet peasantry during the period of late Stalinism. 1945–1953: based on materials from the Kuibyshev and Ulyanovsk regions]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)
14. Beznin, M. A., Dimoni, T. M., Izyumova L. V. (2001) *Povinnosti rossijskogo krest'yanstva v 1930–60-h godah* [The duties of the Russian peasantry in the 1930–60s]. Vologda: Vologodskij NKC CEMIRAN. (In Russ.). EDN: WOMSYJ
15. Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2019) *Agrarnyj stroj Rossii 1930–1980-h godov* [The agrarian system of Russia of 1930–1980s]. Moscow: LENAND. (In Russ.)
16. Hasyanov, O. R. (2014) *Metody ustnoj istorii v izuchenii povsednevnoj zhizni sovsetskogo krest'yanstva* [Oral history methods in studying the everyday life of the Soviet peasantry]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. No 1. Pp. 53–59. (In Russ.). EDN: RZCEDX
17. Shcheglova, T. K. (2015) *Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoj Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Nauchnye i metodicheskie materialy* [The ethnography of the Russian peasantry in the south of Western Siberia in the 20th century: the culture of life sustenance during the Great Patriotic War. Scientific and methodological materials]. Barnaul: OOO «AZBUKA». (In Russ.). EDN: WKKGSN
18. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus'* [National Archives of the Republic of Belarus] (hereinafter – NARB). F. 4-p. Op. 29. D. 267.
19. *Arhiv Centra ustnoj istorii i polevyh issledovanij Polockogo gosudarstvennogo universiteta imeni Evfrosinii Polockij* [Archive of the Center for Oral History and Field Research of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk]. F. 1. Op. 5.

20. *Gosudarstvennyj arhiv Vitebskoj oblasti* [State Archives of Vitebsk Region]. F. 1974. Op. 2. D. 751.

21. Chirkov, M. S. (2017) *Zhiznennyj uroven' i uroven' potrebleniya osnovnykh prodovol'stvennykh i promyshlennykh tovarov rossijskikh krest'yan v 1945–1953 gg. (po materialam arhivnykh fondov)* [The living standard and level of consumption of basic food and industrial goods of the Russian peasants in 1945–1953. (based on materials from archival funds)]. *Vestnik NII humanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], No 3 (43). Pp. 82–89. (In Russ.). EDN: VSOEKT

22. *Zonal'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Polocka*. [Zonal state archive of the city of Polotsk]. F. 1093. Op. 1. D. 9.

23. NARB. F. 30. Op. 5. D. 1247.

Об авторе

Сумко Елена Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь; e-mail: Sumko_elena@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9940-0236

About the author

Sumko Elena V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Republic of Belarus; e-mail: Sumko_elena@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9940-0236

Статья поступила в редакцию 06.05.2024

Одобрена после рецензирования 10.05.2024

Принята к публикации 16.05.2024

О специализированном продовольственном снабжении советских железнодорожников в середине 1950-х гг.

Е. А. Головин

На основе материалов, впервые вводимых в научный оборот, исследован вопрос специализированного обслуживания работников отечественного железнодорожного транспорта в середине XX века. Отмечено, что являясь важной составляющей советской торговли, ведомственные магазины, обслуживавшие железнодорожников, имели общие для отрасли недостатки. Проанализирована ситуация с организацией обеспечением сохранности товарно-материальных ценностей. Обращено внимание на то, что повышение культуры обслуживания покупателей всегда оставалось в центре внимания Главного управления рабочего снабжения МПС СССР. Рассмотрен положительный опыт Вологодского отделения Северной железной дороги, где в 1954 г. был организован торговый поезд для обслуживания железнодорожников, проживавших на линии. Проанализированы имевшиеся в рассматриваемый период недостатки в торговом обслуживании контингентов специальных формирований и транспортных строителей. Архивные документы позволили выявить положительный опыт организации ведомственной торговли и рабочего снабжения сотрудников железных дорог, который, несомненно, может использоваться в настоящее время.

Ключевые слова: специализированное снабжение, железнодорожный транспорт, торговля, товары, продукты питания.

Для цитирования: Головин Е. А. О специализированном продовольственном снабжении советских железнодорожников в середине 1950-х гг. // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 182–199. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_182. EDN: TGYDHH

Введение

Дополнительные гарантии удовлетворения повседневных потребностей работников отраслей производства, связанных с обеспечением функционирования важнейших сфер экономики, является характерной чертой социальной политики советского государства. Ярким примером ее реализации стала система специализированного снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости, действовавшая на железнодорожном транспорте с 1930-х гг.

Освещение роли железных дорог в социально-экономическом развитии страны нашло достойное отражение в отечественной историографии советского периода. Так, труды И. В. Ковалева [1], Т. С. Хачатурова [2], А. Г. Напорко [3], Б. П. Орлова [4], А. И. Марковой [5], А. Т. Хрущева и И. В. Никольского [6], А. Г. Мушрубца [7] раскрывают основные этапы истории транспорта, отмечая при этом ключевые факторы выполнения производственных заданий работниками отрасли. Подобный подход прослеживается и в изданиях, подготовленных к юбилеям создания Московской, Юго-Восточной, Южной и других железных дорог [8–11]. В целом, анализ советской транспортной историографии позволяет констатировать факт отсутствия специализированных исследований, посвященных реализации социальной политики на предприятиях железнодорожного транспорта.

В постсоветский период историографии сохранилась тенденция подготовки юбилейных иллюстрированных изданий, отражающих, в основном, производственные достижения работников железных дорог [12–14]. Одновременно стали издаваться монографические и фундаментальные обобщающие исследования, основанные на современных методологических подходах при использовании широкой источниковой базы [15–19].

В научных трудах отечественных исследователей Ю. В. Аксютина [20], А. В. Пыжикова [21], А. А. Фокина [22] и зарубежных историков Д. Фильцера [23–24], А. Грациози [25], П. Грегори [26], М. Добсон [27] представлено теоретическое осмысление и дана большей частью критическая характеристика практических шагов по реализации социально-экономической политики советского государства в первые послевоенные десятилетия. Те же проблемы обсуждались на секционных заседаниях ряда

научных конференций, прошедших под общим названием «История сталинизма» [28–29].

Исторический опыт реализации ведомственной социальной политики и специализированного обслуживания железнодорожников современными исследователями рассматривается, прежде всего, на региональном уровне [30–34]. Единственной сферой обеспечения повседневных потребностей работников транспорта, история которой получила достойное освещение на общероссийском уровне, стала железнодорожная медицина [35–36].

Таким образом, транспортная торговля и организация питания железнодорожников до сего времени не становились предметом специального исследования. Вместе с тем, объективная оценка эффективности деятельности указанных элементов сферы ведомственного обслуживания работников транспорта, является актуальной проблемой исследования истории повседневности.

Разъездной характер труда железнодорожников, ненормированный рабочий день, проживание на линейных станциях, полустанках и разъездах вне населенных пунктов, лишало их возможности пользоваться традиционной розничной торговой сетью и полноценно питаться в пути следования, либо на ремонтных работах в пределах определенного перегона. Обеспечить работников транспорта продовольствием и другими товарами были призваны отделы рабочего снабжения (ОРС), действовавшие при отделениях железных дорог.

Основная трудность в исследовании деятельности ОРС по организации торгового обслуживания и общественного питания железнодорожников состоит в ограниченности источниковой базы. Неоднократная реорганизация архивной службы МПС-РЖД привела к тому, что многие документы, не связанные с основной производственной деятельностью или кадровыми вопросами, практически не сохранились.

Выявленные автором статьи циркулярные указания Главного управления рабочего снабжения МПС СССР, позволяют раскрыть отдельные направления работы подведомственных ему органов по удовлетворению повседневных потребностей советских железнодорожников в середине 1950-х гг. Выбранный для оценки качества обслуживания работников транспорта период

характеризуется завершением послевоенного восстановления отрасли и началом ее активной модернизации.

Результаты

Изучение распорядительной документации, исходящей от Главного управления рабочего снабжения (Главурс) МПС СССР подведомственным организациям, указывает на регулярное обращение его руководства к наиболее актуальным проблемам функционирования железнодорожной торговли.

Так, в циркулярном указании, направленном 6 марта 1954 г. Дорожным управлениям рабочего снабжения (Дорурс), был поднят вопрос о рациональном использовании площадей торговых помещений в возводимом ведомственном жилом фонде. Как показала практика жилищного строительства на железнодорожном транспорте, в ряде новостроящихся домов Управлений железных дорог и других организаций МПС первые этажи, предназначенные для торговых помещений, передавались исполкомами местных советов под торговые предприятия организаций других ведомств. В то же время ОРСы железных дорог в этих пунктах не имели помещения для организации торговли. Подобная ситуация складывалась из-за несогласованности с местными властями вопроса об организации ведомственной торговли. Наряду с этим проектные организации и заказчики зачастую при составлении смет на строительство жилых домов не предусматривали затрат на оборудование первых этажей под торговые предприятия, что приводило к сдаче в эксплуатацию жилых домов без обустроенных торговых помещений, при отсутствии у ОРСов средств на их оборудование.

В целях упорядочения использования помещений в новостроящихся жилых домах начальники Дорурсов обязывались через начальника дороги заблаговременно принимать меры к согласованию вопросов о закреплении за ОРСами железнодорожного транспорта помещений первых этажей для торговых предприятий. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 25 февраля 1952 г. № 1054 «Об улучшении торгового обслуживания рабочих и служащих железнодорожного транспорта» от начальников Дорурсов требовалось добиваться включения в сметы строительства жилых домов всех затрат,

связанных с устройством и оборудованием торговых предприятий на первых этажах жилых домов [37, л. 18].

На основании совместного постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 12 октября 1953 г. № 2623 «О мерах дальнейшего развития советской торговли», Дорурсам необходимо было добиваться окончания строительных работ на первых этажах не позднее, чем за три месяца до окончания всех строительных и отделочных работ по жилому дому, с таким расчетом, чтобы торговые предприятия открывались одновременно с заселением жилого дома. Представители Дорурсов должны были участвовать в процедуре приема в эксплуатацию жилых помещений, имеющих торговые предприятия [37, л. 18]. Положительное решение обозначенной проблемы могло способствовать значительному увеличению торговых площадей и повышению качества обслуживания железнодорожников.

Важной проблемой в организации ведомственной торговли на транспорте стало обеспечение сохранности товарно-материальных ценностей. Одной из причин их непредвиденных потерь становилось нарушение правил противопожарной безопасности. Только в 1953 г. на предприятиях системы рабочего снабжения произошло 44 пожара, нанеших убыток на сумму более 6 млн р. Особенно неблагоприятно складывалась обстановка на Свердловской, Печорской и Горьковской железных дорогах. В результате беспечности и грубого нарушения правил, пожары продолжались и в 1954 г., особенно в вагонах-лавках. Так, в январе-марте 1954 г. сгорели 3 вагона-лавки в ОРСах Свердловской, Юго-Западной, Южно-Уральской железных дорог, причиненный ущерб составил 262 тыс. р. Для искоренения причин сложившейся ситуации начальники Дорурсов и отделов военизированной охраны железных дорог обязывались произвести проверку состояния противопожарной безопасности на всех предприятиях ОРСов, особенно в вагонах-лавках [37, л. 19].

Являясь неотъемлемой частью советской торговли, магазины системы Главурс МПС имели и другие общие для отрасли недостатки. Наиболее распространенные нарушения правил и должностных инструкций регулярно становились предметом межведомственного обсуждения. Например, в приказе № 748 от 26 июня 1954 г. «О нарушении правил торговли в Мосвоенторге», изданном Министерством торговли СССР, отмечались

систематические нарушения Мосвоенторгом правил торговли и злоупотребления при приеме и продаже товаров. В целях недопущения подобных явлений на предприятиях, складах, базах Дорурсов и ОРСов, Главное управление рабочего снабжения МПС обязало всех руководителей подведомственных учреждений установить строжайший контроль за соблюдением правил внутреннего распорядка. В очередной раз запрещалась незаконная продажа товаров из подсобных помещений магазинов, баз и складов. Ответственным должностным лицам поручалось решительно противодействовать занижению сортности товаров при приеме от поставщиков, а образующиеся излишки от экономии норм естественной убыли при хранении своевременно оформлять в надлежащем порядке и оприходовать. Контрольно-ревизионному аппарату Дорурсов и ОРСов при проведении ревизий поручалось тщательно проверять правильность приема товаров, поступающих на склады и базы, и их оприходования. Лиц, виновных в нарушении установленного порядка торговли, учета и контроля следовало привлекать к установленной законом ответственности [37, л. 70]. К сожалению, опыт функционирования ведомственной торговли показал, что полностью изжить перечисленные нарушения так и не удалось.

Ежегодно перед руководителями Дорурсов и ОРСов ставились задачи «Об обеспечении своевременной подготовки и организованного проведения летнего отдыха детей железнодорожников». Распоряжения по указанному вопросу издавались непосредственно заместителем Министра путей сообщения Н. А. Гундобиным. Соответствующим документом предписывалось создать запас картофеля, овощей, крупы и других продовольственных товаров в необходимом ассортименте на весь период оздоровительной кампании. Кроме продуктов, получаемых по фондам, необходимо было обеспечить отпуск молока, молочных продуктов, ранних овощей, ягод, фруктов за счет подсобных хозяйств Дорурса.

Ответственные лица обязывались обеспечить бесперебойное снабжение продовольственными товарами детских учреждений строго по установленным нормам, не допуская сокращения расходования средств, отпускаемых на детское питание, из-за отсутствия продуктов. Для работы в пионерских лагерях по согласованию с райпрофсоюзами требовалось отобрать и на-

правлять квалифицированных поваров и других работников общественного питания, а также обеспечить лагеря достаточным количеством кухонной и столовой посуды. Начальники Дорурсов предупреждались о персональной ответственности за должное обеспечение продовольственными товарами и организацию общественного питания детских учреждений, в особенности в период летней оздоровительной кампании [37, л. 25].

Повышение культуры обслуживания покупателей всегда оставалось в центре внимания Главурса. На это нацеливал и приказ Министра торговли СССР от 19 мая 1954 г. № 594 «О развертывании социалистического соревнования торговых работников за повышение культуры торговли». Его содержание предстояло изучить всем начальникам Дорурсов и ОРСов, а в коллективах торговых предприятий предписывалось обсудить обязательства торговых работников Москвы, принятые им в обращении ко всем работникам Советского Союза, опубликованном в газете «Советская торговля» 13 мая 1954 г., и резолюцию Всесоюзного совещания актива работников железнодорожного транспорта. Ознакомление с передовым опытом было призвано мобилизовать работников торговли и общественного питания на досрочное выполнение и перевыполнение государственных планов каждым предприятием; использование прогрессивных методов организации торговли и общественного питания, а также повышение культуры торгового обслуживания железнодорожников и членов их семей, особенно проживающих на линейных станциях и разъездах [37, л. 44].

Ежегодное празднование Всесоюзного дня железнодорожника накладывало определенные обязательства на начальников Дорурсов и ОРСов по подготовке предприятий к праздничной торговле. В каждом ОРСе требовалось предусмотреть порядок обслуживания линейных железнодорожников, а также организацию торговли в местах проведения торжественных собраний и массовых гуляний. Ответственные должностные лица уполномочивались требовать от местных регулирующих органов дополнительного выделения продовольственных и промышленных товаров, отпуска в достаточном количестве фруктовых и минеральных вод, мороженого, пива, ранних овощей и фруктов. Все столовые и буфеты обязывались обеспечить расширенный ассортимент блюд, для чего им выделялось необходимое

количество продуктов за счет фондов, а также предлагалось использовать поступления от совхозов, рыбхозов и принять меры к усилению закупки сельскохозяйственных продуктов. Предприятиям торговли и общественного питания предписывалось привести в надлежащее санитарное состояние и усилить контроль за ним во всех пищевых предприятиях ОРСов. Планировалось и дополнительное обеспечение торговой сети пакетами, бумагой, бумажными салфетками, а обслуживающий персонал спецодеждой. В праздничные дни предъявлялись повышенные требования к работникам ОРСов в отношении культуры торгового обслуживания железнодорожников [37, л. 54]. По инициативе Министерства путей сообщения на территории каждого отделения дороги вводился предпраздничный график курсирования вагонов-лавок с расширенным ассортиментом продовольственных и промышленных товаров [37, л. 71].

Особый режим работы устанавливался для торговых предприятий железнодорожного транспорта и в дни других праздников, имевших общегосударственное значение. Например, в соответствии с приказом Министерства торговли СССР № 1065 от 2 октября 1954 г. разрешалось производить торговлю 4, 5, 6 ноября во всех продовольственных магазинах до 24 часов, а во всех промтоварных магазинах до 22 часов [37; л. 99–100].

Заслуживает внимания инициатива руководства, политотдела и ОРСа Вологодского отделения Северной железной дороги, на котором в апреле 1954 г. был организован торговый поезд для обслуживания линейных железнодорожников. 15 июня 1954 г. в газете «Гудок» № 140 (8737) была опубликована статья «Поезд-универмаг», в которой отмечался положительный опыт работы ОРСа по организации такого поезда. Главурс МПС считал необходимым, чтобы все Дорурсы изучили работу ОРСа Вологодского отделения по организации торговых поездов, как одну из эффективных форм торгового обслуживания железнодорожников, проживающих на линии [37, л. 72].

Все оборудование вагонов торгового поезда было произведено силами и средствами ОРСа за счет издержек по торговле. График движения поезда разрабатывался с учетом обслуживания 13 станций отделения. Штат торгового поезда состоял из 11 человек (начальник поезда, кладовщик-инкассатор, 7 продавцов, рабочий-грузчик, уборщица). Торговый поезд находился

в рейсе 2 недели, за которые удалось продать товаров на сумму 432 тыс. р. Расходы по содержанию поезда составили 13100 р. 23 к. (3,03 % от оборота). В результате наблюдался явный экономический эффект от работы поезда-универмага. Наибольшим спросом пользовались кожаная обувь, кровати, матрацы, стулья, валенки, ведра оцинкованные. На значительную сумму были реализованы трикотажные изделия, керосин, бакалейно-гастрономические товары, рыба и овощи. В дальнейшем ОРСом намечались ежемесячные выезды торгового поезда на линию. Анализируя его работу, следует отметить, что поезд-универмаг имел значительные преимущества перед вагонами-лавками в удовлетворении спроса железнодорожников на продовольственные и промышленные товары, а также в вопросах повышения культуры торгового обслуживания [37; л. 72–73].

Несмотря на наличие положительного опыта в организации обеспечения повседневных потребностей удаленно проживавших железнодорожников, в Главурс МПС поступали многочисленные жалобы о неудовлетворительном торговом обслуживании контингентов спецформирований (мостопоездов, машинно-путевых станций, щебеночных заводов, карьеров), особенно на Юго-Западной, Донецкой, Свердловской, Юго-Восточной, Московско-Киевской, Приволжской железных дорогах.

В циркулярном указании начальника Главного управления рабочего снабжения МПС В. В. Корнилова от 20 июля 1954 г. начальникам Дорурсов и ОРСов приводились конкретные примеры невнимательного отношения к продовольственному обеспечению работников. Так, в магазине при Прохоровском карьере и Щебеночном заводе № 37 (Донецкой железной дороги) продажа хлеба производилась с большими перебоями (так как хлеб доставлялся один раз в три дня), в продаже отсутствовали крупа, сахар, макароны и махорка [37, л. 75]. На Щебеночных заводах № 6 и № 31 (Юго-Западная железная дорога) также систематически срывалось снабжение хлебом, в магазине отсутствовали в продаже промышленные товары. ОРС Златоустовского отделения Южно-Уральской железной дороги, несмотря на ряд указаний, не организовал бесперебойного обеспечения общественным питанием рабочих ПМС-61. На Муратовском карьере (Московско-Киевская железная дорога) ОРСом Калуж-

ского отделения дороги систематически допускались срывы снабжения рабочих хлебом. При проверке состояния снабжения рабочих ПМС-72 (Калининская железная дорога) в продаже отсутствовали товары повседневного спроса [37, л. 75]. Указанные факты свидетельствовали о пренебрежительном отношении ряда руководителей Дорурсов и ОРСов к нуждам рабочих указанных предприятий и организаций железнодорожного транспорта. Неоднократные указания Главурса МПС об улучшении торгового обслуживания рабочих и служащих спецформирований не выполнялись Дорурсами и ОРСами указанных железных дорог.

Главурс МПС предупредил начальников подведомственных учреждений о недопустимости подобного отношения к обслуживанию работников спецформирований и обязал их лично навести в этом деле должный порядок. В июле-августе 1954 г. предполагалось провести сплошную проверку состояния обеспечения продовольственными и промышленными товарами работников мостопоездов, машинно-путевых станций, щебеночных заводов, карьеров, с устранением на месте выявленных недостатков. В торговых отделах каждого Дорурса выделялся сотрудник, на которого возлагался контроль за состоянием торгового обслуживания работников спецформирований [37, л. 76].

Наряду с проблемами в обеспечении работников специальных формирований, серьезные нарекания вызывало торговое обслуживание транспортных строителей. Главное управление рабочего снабжения МПС разъяснило Дорурсам, что обслуживание торговлей и общественным питанием строительных организаций Министерства транспортного строительства, не имеющих своих ОРСов, остается за Отделами рабочего снабжения отделений дороги. Учитывая данные обстоятельства, начальники Дорурсов обязывались обеспечить бесперебойное торговое обслуживание контингентов строительных организаций Министерства транспортного строительства наравне с контингентом дороги. Одновременно необходимо было обеспечить продажу строителям теплой одежды и обуви [37, л. 101].

Сохранение качества реализуемых продуктов являлось важной задачей торгующих организаций. В октябре 1954 г. Главурсом МПС была проведена проверка условий хранения скоропортящихся продуктов и состояния эксплуатации холо-

дильного оборудования в магазинах, столовых и базах ОРСов Московского железнодорожного узла. Проверкой было установлено, что во многих торговых предприятиях не соблюдались санитарные условия содержания торговых и складских помещений и правила хранения скоропортящихся продуктов. Так, в магазинах № 7 и № 9 Люблинского филиала ОРС НОД-1 Московско-Курско-Донбасской железной дороги хранилась испорченная салака, яйца и сливочное масло. В магазине № 1 на ст. Подмосковная ОРС НОД-2 Калининской железной дороги «из-за необеспеченности холодом» была испорчена селедка на сумму 3000 р. На складе ОРС НОД-1 Горьковской железной дороги скоропортящиеся продукты, предназначенные для линейных магазинов, не были обеспечены холодом. Не принимались меры к вводу в эксплуатацию холодильного оборудования в ОРС НОД-1 Московско-Рязанской, ОРС НОД-1 Горьковской, ОРС НОД-2 Калининской железных дорог. Из-за утечки фреона и несвоевременного профилактического ремонта имевшиеся холодильные установки длительное время не работали, вследствие чего нарушался температурный режим хранения скоропортящихся продуктов [37, л. 102].

В целях устранения выявленных недостатков и нормализации условий хранения скоропортящихся товаров, Главное управление рабочего снабжения МПС потребовало от начальников ОРС Московского железнодорожного узла проверить работу холодильных установок, произвести необходимый ремонт компрессоров, камер для хранения продуктов, а также принять меры к окончанию монтажа имевшегося холодильного оборудования. Особое внимание предлагалось обратить на заготовку и закладку льда для предприятий торговли и общественного питания в пределах полной потребности на период весенне-летней торговли следующего года [37, л. 102].

Приведенные в рассмотренных распорядительных актах факты свидетельствуют о противоречивости процесса организации торгового обслуживания железнодорожников в середине 1950-х гг. Наряду с положительным опытом обеспечения повседневных потребностей линейных работников транспорта в продуктах питания и промышленных товарах, сохранялись недостатки, присущие советской торговле в целом, которые не удавалось искоренить десятилетиями.

Обсуждение и выводы

Ведомственная система торгового обслуживания советских железнодорожников сложилась в 1930-е гг. и успешно функционировала до начала коренных преобразований в экономической сфере, вызванных реализацией политики «перестройки». Железнодорожная торговля была представлена продовольственными и промтоварными магазинами, вагонами-лавками и торговыми палатками, обслуживавшими не только работников транспорта, но и жителей населенных пунктов по месту их размещения. Снабжение ведомственных торговых точек продукцией осуществлялось через ведомственные товарные базы и склады за счет выделяемых фондов целевого назначения, а также производства собственных подсобных хозяйств и совхозов. Торговые сети в территориальных рамках отделения дороги управлялись отделами рабочего снабжения, находившимися в подчинении начальника отделения и вышестоящих управлений рабочего снабжения (дороги и МПС).

Исследованная при подготовке данной статьи распорядительная документация Главурс МПС свидетельствует о сложившейся к середине 1950-х гг. устойчивой системе администрирования, эффективность которой оценивается неоднозначно. С одной стороны, издаваемыми Главурс циркулярными указаниями предпринимались попытки изжить негативные явления, связанные с нарушением правил советской торговли, санитарии и гигиены, противопожарной безопасности. Но формальные требования руководства «усилить борьбу», «установить контроль», «повысить ответственность» не обеспечивали укрепления исполнительской дисциплины. Кадровый состав торговых организаций отличался в это время не только низким уровнем профессиональной компетенции, но и отсутствием социально значимых моральных принципов. Экономические трудности, порождавшие товарный голод, только усиливали тягу к злоупотреблениям в сфере распределения материальных благ. В ряде случаев элементарные бескультурье, халатность и недисциплинированность препятствовали повышению качества торгового обслуживания железнодорожников.

Тем не менее, положительные практики в организацию транспортной торговли успешно внедрялись. Они рассматривались как проявление подлинной заботы государства о ра-

ботниках транспорта и, в свою очередь, служили определенным залогом безопасного движения поездов с пассажирами и грузами, что способствовало эффективному решению задач социально-экономического развития страны.

Опыт организации ведомственной торговли и рабочего снабжения в целом, накопленный во второй половине XX века, вполне уместно использовать нынешнему руководству РЖД при разработке стратегического планирования корпоративной социальной политики.

Список литературы

1. Ковалев И. В. Советский железнодорожный транспорт в 1917–1947 гг. М.: Трансжелдориздат, 1947. 112 с.
2. Хачатуров Т. С. Железнодорожный транспорт СССР. М.: Трансжелдориздат, 1952. 264 с.
3. Напорко А. Г. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР. М.: Трансжелдориздат, 1954. 287 с.
4. Орлов Б. П. Развитие транспорта СССР. 1917–1962. Историко-экономический очерк. М.: АН СССР, 1963. 403 с.
5. Маркова А. И. Транспорт СССР и основные этапы его развития. М.: Наука, 1977. 232 с.
6. Хрущев А. Т., Никольский И. В. Развитие и размещение промышленности и транспорта СССР в семилетке. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 152 с.
7. Развитие советского железнодорожного транспорта / под ред. А. Г. Муш-рубца. М.: Транспорт, 1984. 255 с.
8. Молодость столетней магистрали: к 100-летию Юго-Восточной железной дороги / под ред. А. В. Охремчика. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. 285 с.
9. Южной-100 лет: 1869–1969 / В. И. Ангелейко, А. С. Ватуля, С. Я. Диамант и др. Харьков: Прапор, 1969. 180 с.
10. Столичная магистраль Украины: к 100-летию Юго-Западной железной дороги / под ред. П. Ф. Кривоноса. Киев: Политиздат Украины, 1970. 263 с.
11. Все дороги ведут в Москву. О прошлом и настоящем Московской магистрали / под ред. Л. А. Карпова. М.: Московский рабочий, 1971. 328 с.
12. Стальное звено Транссиба: 100 лет Красноярской железной дороге. 1899–1999. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1998. 464 с.
13. Лукьянин В. П. Больше века на службе России: 120 лет Свердловской железной дороге. Екатеринбург: СВ-96, 1998. 349 с.
14. Из века XIX в век XXI. Куйбышевская железная дорога: 125 лет. 1874–1999. Самара: ИВЦ, 1999. 192 с.
15. Люди дела. Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России / под ред. В. В. Фортунатова. М.: Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2007. 289 с. EDN: QSQCEX

16. Крейнис З. Л. Очерки истории железных дорог. Два столетия. М.: Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2007. 279 с. EDN: QNXCTV

17. История железнодорожного транспорта СССР. Т. 3: 1945–1991 гг. / под ред. Г. М. Фадеева. М.: МГУПС, 2004. 630 с.

18. История организации и управления железнодорожным транспортом России. Факты, события, люди. К 200-летию транспортного ведомства и образования на транспорте России / под ред. А. А. Тимошина. М.: Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2009. 465 с. EDN: RYROWF

19. История железнодорожного транспорта России XIX–XXI вв. / под ред. проф. Е. И. Пивовара. М.: Издательский дом Мещерякова, 2012. 736 с. EDN: RENBEL

20. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М. РОССПЭН, 2010. 622 с. EDN: QPPOAT

21. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 509 с. EDN: YPGPRR

22. Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с.

23. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

24. Фильцер Д. Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни. 1943–1953. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 445 с.

25. Грациози А. История СССР. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 632 с.

26. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 400 с.

27. Добсон М. Холодное лето Хрущева. Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 295 с.

28. Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953: материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М.: Политическая энциклопедия, Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. 719 с. EDN: UWEEQN

29. После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. М.: Политическая энциклопедия, Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016. 663 с. EDN: XWCTCB

30. Этапы большого пути. Из истории трудовых традиций железнодорожников Курского отделения Московской железной дороги. Кн. 4. / А. Н. Манжосов [и др.]. Курск: Курскинформпечать, 1997. 240 с.

31. Социально-политические факторы развития отечественного железнодорожного транспорта в 1940–1960-е годы (по материалам Курской области) / В. В. Коровин, Е. А. Масуфранова, А. В. Величко [и др.]. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2017. 300 с. EDN: ZFNXWV

32. Шепелев И. А. Обеспечение питанием, жильем и врачебной помощью железнодорожников СССР в условиях коренной модернизации отрасли

(1965–1985 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3 (77). – Ч. 1. – С. 197–201. EDN: XXWDKD

33. Конов А. С. Социальная сфера железнодорожного транспорта Урала в 1956–1991 гг.: жилищная проблема // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3 (31). – С. 95–110. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.31.8. EDN: LUAXMR

34. Коровин В. В., Коровин Р. В. Организация специализированного торгового обслуживания работников железнодорожного транспорта в 1930-е годы (по материалам Курского региона) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 166–176. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-1-166-176. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-1-166-176. EDN: VSVVKG

35. Атьков О. Ю., Цфасман А. З. История железнодорожной медицины. М.: Репроцентр, 2004. 416 с. EDN: QLHBTG

36. Вопросы истории железнодорожной медицины / под ред. О. Н. Сорокина [и др.]. М.: РАПС, 2000. 324 с.

37. Российский Государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 69. Д. 203.

About the Specialized Food Supply of Soviet Railway Workers in the mid-1950s

Evgeny A. Golovin

On the basis of materials introduced into scientific circulation for the first time, the issue of specialized services for employees of domestic railway transport in the middle of the 20th century is investigated. It is noted that being an important component of Soviet trade, departmental stores that served railway workers had disadvantages common to the whole industry. Such an important problem in the organization of departmental trade in transport as ensuring the safety of inventory is analyzed. Attention is drawn to the fact that improving customer service culture has always remained in the focus of attention of the Main Directorate of Labor Supply of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. The positive experience of the Vologda branch of the Northern Railway is considered, where in 1954 a trade train was organized to serve railway workers who lived on the line. The shortcomings in the trade service of the contingents of special formations and transport builders during the period under review are analyzed. Archival documents revealed the positive experience of organizing departmental trade and working supplies for railway employees, which, undoubtedly, can be used at the present time.

Key words: specialized supply, railway transport, trade, goods, food.

For citation: Golovin, E. A. (2024) O specializirovannom prodovol'stvennom snabzhenii sovetskikh zheleznodorozhnikov v sereдинe 1950-h godov [About the Specialized Food Supply of Soviet Railway Workers in the mid-1950s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 182–199. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_182. EDN: TGYDHH

References

1. Kovalev, I. V. (1947) *Sovetskij zheleznodorozhnyj transport v 1917–1947 gg.* [Soviet railway transport in 1917–1947]. Moscow: Transzheldorizdat. (In Russ.)
2. Hachaturov, T. S. (1952) *Zheleznodorozhnyj transport SSSR* [Railway transport of the USSR]. Moscow: Transzheldorizdat. (In Russ.)
3. Naporko, A. G. (1954) *Ocherki razvitiya zheleznodorozhnogo transporta SSSR* [Essays on the development of railway transport in the USSR]. Moscow: Transzheldorizdat. (In Russ.)
4. Orlov, B. P. (1963) *Razvitie transporta SSSR. 1917–1962. Istoriko-ekonomicheskij ocherk* [The development of transport in the USSR. 1917–1962. Historical and economic essay]. Moscow: AN SSSR. (In Russ.)
5. Markova, A. I. (1977) *Transport SSSR i osnovnye etapy ego razvitiya* [Transport of the USSR and the main stages of its development]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Hrushchev, A. T., Nikol'skij, I. V. (1960) *Razvitie i razmeshchenie promyshlennosti i transporta SSSR v semiletke* [Development and placement of industry and transport of the USSR in the seven-year period]. Moscow: Izd-vo VPSH i AON. (In Russ.)
7. Mushrub, A. G. (1984) (ed.) *Razvitie sovetskogo zheleznodorozhnogo transporta* [The development of Soviet railway transport]. Moscow: Transport. (In Russ.)
8. Ohremchik, A. V. (1966) (ed.) *Molodost' stoletnej magistrali: k 100-letiyu YUgo-Vostochnoj zheleznoj dorogi* [The youth of the centennial highway: the 100th anniversary of the Southeastern Railway]. Voronezh: Centr.-Chernozem. kn. izd-vo. (In Russ.)
9. Angelejko, V. I., Vatulya, A. S., Diamant, S. YA. (1969) (eds.) *YUzhnoj-100 let: 1869–1969* [South–100 years: 1869–1969]. Kharkov: Prapor. (In Russ.)
10. Krivonos, P. F. (1970) (ed.) *Stolichnaya magistral' Ukrainy: K 100-letiyu YUgo-Zapadnoj zheleznoj dorogi* [The Capital highway of Ukraine: To the 100th anniversary of the South-Western Railway]. Kiev: Politizdat Ukrainy. (In Russ.)
11. Karpov, L. A. (1971) (ed.) *Vse dorogi vedut v Moskvu. O proshlom i nastoyashchem Moskovskoj magistrali* [All roads lead to Moscow. About the past and present of the Moscow Highway]. Moscow: Moskovskij rabochij. (In Russ.)
12. *Stal'noe zveno Transsiba: 100 let Krasnojarskoj zheleznoj doroge. 1899–1999* (1998) [The steel link of the Transsib: 100 years of the Krasnoyarsk railway. 1899–1999]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
13. Luk'yanin, V. P. (1998) *Bol'she veka na sluzhbe Rossii: 120 let Sverdlovskoj zheleznoj doroge* [For more than a century in the service of Russia: 120 years of the Sverdlovsk Railway]. Ekaterinburg: SV-96. (In Russ.)
14. *Iz veka XIX v vek XXI. Kujbyshevskaya zheleznyaya doroga: 125 let. 1874–1999* (1999) [From the 19th century to the 21st century. Kuibyshev Railway: 125 years. 1874–1999]. Samara: IVC. (In Russ.)
15. Fortunatov, V. V. (2007) (ed.) *Lyudi dela. Vklad zheleznodorozhnikov v social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii* [People of business. Contribution of railway workers to the socio-economic development of Russia]. Moscow: Uchebno-metodicheskij centr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte. (In Russ.). EDN: QSQCEX
16. Krejnis, Z. L. (2007) *Ocherki istorii zheleznyh dorog. Dva stoletiya* [Essays on the history of railways. Two centuries]. Moscow: Uchebno-metodicheskij centr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte. (In Russ.). EDN: QNXCTV
17. Fadeev, G. M. (2004) (ed.) *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta SSSR. T. 3: 1945–1991 gg* [The history of railway transport of the USSR. Vol. 3: 1945–1991]. Moscow: MGUPS. (In Russ.)
18. Timoshin, A. A. (2009) (ed.) *Istoriya organizacii i upravleniya zheleznodorozhnym transportom Rossii. Fakty, sobytiya, lyudi. K 200-letiyu transportnogo vedomstva i obrazovaniya na transporte Rossii* [The history of the organization and management of railway transport in Russia. Facts, events, people. On the 200th anniversary of the Transport Department and education in transport of Russia]. Moscow: Uchebno-metodicheskij centr po obrazovaniyu na zheleznodorozhnom transporte. (In Russ.). EDN: RYROWF
19. Pivovarov, E. I. (2012) (ed.) *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii XIX–XXI vv.* [The history of railway transport in Russia in the 19th – 21st centuries]. Moscow: Izdatel'skij dom Meshcheryakova. (In Russ.). EDN: REHBEL

20. Aksyutin, YU. V. (2010) *Hrushchevskaya «ottepel'» i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. izd. 2-e. ispr. i dop* [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964. 2nd ed. corrected and expanded]. Moscow: ROSSPEN (In Russ.). EDN: QPPOAT

21. Pyzhikov, A. V. (2002) *Hrushchevskaya «ottepel'»* [Khrushchev's "thaw"]. Moscow: OLMA-Press. (In Russ.). EDN: YPGPRR

22. Fokin, A. A. (2017) «*Kommunizm ne za gorami*». *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-h godov* ["Communism is just around the corner". Images of the future of the government and the population of the USSR at the turn of the 1950s – 1960s]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)

23. Fil'cer, D. (2011) *Sovetskie rabochie i pozdnij stalinizm. Rabochij klass i vosstanovlenie stalinskoj sistemy posle okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny* [Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Stalinist system after the end of World War II]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

24. Fil'cer, D. (2018) *Opasnosti gorodskoj zhizni v SSSR v period pozdnego stalinizma. Zdorov'e, gigena i usloviya zhizni. 1943–1953* [The dangers of urban life in the USSR during the period of late Stalinism. Health, hygiene and living conditions. 1943–1953]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)

25. Graciozi, A. (2016) *Istoriya SSSR* [The history of the USSR]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)

26. Gregori, P. (2008) *Politicheskaya ekonomiya stalinizma. 2-e izd* [The political economy of Stalinism. 2nd edition]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

27. Dobson, M. (2014) *Holodnoe leto Hrushcheva. Vozvrashchency iz GULAGA, prestupnost' i trudnaya sud'ba reform posle Stalina* [Khrushchev's cold summer. Returnees from the GULAG, crime and the difficult fate of reforms after Stalin]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)

28. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953* (2015) [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953]. Materials of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4–6, 2014. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, Prezidentskij centr B. N. El'cina. (In Russ.). EDN: UWEEQN

29. *Posle Stalina. Reformy 1950-h godov v kontekste sovetsoj i postsovetsoj istorii* (2016) [After Stalin. The reforms of the 1950s in the context of Soviet and post-Soviet history]. Materials of the VIII International Scientific Conference. Yekaterinburg, October 15–17, 2015. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, Prezidentskij centr B. N. El'cina. (In Russ.). EDN: XWCTCB

30. Manzhosov, A. N. (1997) (ed.) *Etapy bol'shogo puti. Iz istorii trudovyh tradicij zheleznodorozhnikov Kurskogo otdeleniya Moskovskoj zheleznoj dorogi. Kn. 4.* [The stages of a long journey. From the history of the labor traditions of the railway workers of the Kursk branch of the Moscow Railway. Book 4.]. Kursk: Kurskinformpechat'. (In Russ.)

31. Korovin, V. V., Masufranova, E. A., Velichko, A. V. (2017) (eds.) *Social'no-politicheskie faktory razvitiya otechestvennogo zheleznodorozhnogo transporta v 1940–1960-e gody (po materialam Kurskoj oblasti)* [Socio-political factors of the development of domestic railway transport in the 1940s – 1960s (based on the materials of the Kursk region)]. Kursk: YUGo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet. (In Russ.). EDN: ZFNXWV

32. SHepelev, I. A. (2017) *Obespechenie pitaniem, zhil'em i vrachebnoj pomoshch'yu zheleznodorozhnikov SSSR v usloviyah korennoj modernizacii otrasli (1965–1985 gg.)* [Provision of food, housing and medical care to railway workers of the USSR in the conditions of radical modernization of the industry (1965–1985)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. No. 3 (77). Part 1. Pp. 197–201. (In Russ.)

33. Konov, A. S. (2019) *Social'naya sfera zheleznodorozhnogo transporta Urala v 1956–1991 gg.: zhilishchnaya problema* [Social sphere of railway transport in the Urals in 1956–1991: housing problem]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University]. No. 3 (31). Pp. 95–110. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.31.8. (In Russ.)

34. Korovin, V. V., Korovin, R. V. (2023) *Organizaciya specializirovannogo trgovogo obsluzhivaniya rabotnikov zheleznodorozhnogo transporta v 1930-e gody (po materialam Kurskogo re-*

giona) [Organization of specialized trade services for railway transport workers in the 1930s (based on materials from the Kursk region)]. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law]. Vol. 13. No. 1. Pp. 166–176. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-1-166-176. (In Russ.)

35. At'kov, O. YU., Cfasman, A. Z. (2004) *Istoriya zheleznodorozhnoj mediciny* [The history of railway medicine]. Moscow: Reprocentr. (In Russ.). EDN: QLHBTF

36. Sorokin, O. N. (2000) (ed.) *Voprosy istorii zheleznodorozhnoj mediciny* [Questions of the history of railway medicine]. Moscow: RAPS. (In Russ.)

37. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. F. 1884. Op. 69. D. 203 (In Russ.)

Об авторе

Головин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация; e-mail: golovin007@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-0199-7423

About the author

Golovin Evgeny A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation; e-mail: golovin007@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-0199-7423

Статья поступила в редакцию 14.03.2024
Одобрена после рецензирования 13.04.2024
Принята к публикации 27.04.2024

«Здесь мы были у самых истоков партизанского движения»: быт участников экспедиции Военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров в 1959 г. по местам сражений Гражданской войны на юге Западной Сибири

Т. К. Щеглова, И. А. Руппель

Исследование посвящено экспедиции Военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров в 1959 г. по местам партизанских сражений на территории Причумышья Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей. В контексте вопросов организации и деятельности ВНО анализируется одно из направлений деятельности – изучение военно-революционной памяти населения в местах массового партизанского движения в годы Гражданской войны. В центре исследования на примере одной из экспедиций 1959 г. реконструируется маршрут, описывается транспортное обеспечение экспедиции, организация ночлега, питания и других санитарно-бытовых нужд. Через оценку состава экспедиции, их отношения к советской повседневности и социалистическому строительству, выявляется роль отставных военных и офицеров запаса в системе коммуникаций власти и общества, в использовании экспедиций ВНО для выстраивания межпоколенного диалога и взаимодействия как с рядовыми сельчанами, так и представителями сельских администраций. Делается вывод о том, что экспедиции, благодаря опыту военно-полевой жизни участников, удалось за 1,5 месяца отработать в более 40 населенных пунктов, в т. ч. взять интервью, записать воспоминания бывших партизан, выявить состояние памятников.

Ключевые слова: Военно-научное общество при Сибирском военном округе, экспедиция, состав, маршрут, повседневный быт, юг Западной Сибири.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 23-28-01443 «Сельское общество и власть в 1950-е – середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)».

Для цитирования: Щеглова Т. К., Руппель И. А. «Здесь мы были у самых истоков партизанского движения»: быт участников экспедиции Военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров в 1959 г. по местам сражений Гражданской войны на юге Западной Сибири // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 200–217. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_200. EDN: USYYYZ

Введение

Одной из ярких страниц в военно-гражданской истории является деятельность военно-научных обществ, связанных на заре их образований со становлением Красной армии и потребностями обучения молодых офицеров. ВНО образовывались во всех регионах, начиная с 1920-х гг. Головные организации как правило создавались при строящихся Домах офицеров, многие из них еще сохранились в региональных центрах не только Российской Федерации, но и других постсоветских республиках. Так, например, в Белоруссии ВНО, созданное в 1957 г., после распада СССР, работу свою не прекратило, а приняло новое Положение и действует до сих пор¹. В частности, в 2022 г. ВНО в Белоруссии отмечало свое 65-летие со дня создания. Основной целью и задачей деятельности ВНО Белоруссии на сегодняшний день является патриотическое воспитание молодого поколения и помощь ветеранам Вооружённых Сил СССР и Белоруссии.

В СССР вновь начинают воссоздаваться ВНО с ноября 1956 г.: в частях, на кораблях, в военных учебных заведениях, в управлениях соединений, в штабах и управлениях военных округов (флотов) и центрального аппарата Министерства обороны СССР, а также при окружных (флотских) и гарнизонных домах офицеров. Членом ВНО мог стать каждый генерал, адмирал или офицер, желающий принять участие в его работе.

В 1960-е гг. при ВНО сформировалось мощное общественное движение участников и ветеранов Гражданской и Великой Отечественной войн, представленных отставными или ушедшими в запас генералами и офицерами, оно внесло значительный вклад в исследование военной истории, мемориализацию военно-революционной памяти, воспитание молодежи и просветительно-оборонную работу с мирным населением. Создаваемые в Сибири региональные отделения ВНО при Сибирском военном округе, стали площадками взаимодействия государства и общества с опорой на преемственность поколений и увековечивание героизма участников военно-революционной истории. Одной из форм коммуникаций власти и общества являлись организуемые экспедиции по изучению военно-революционной памяти.

¹ Информационный ресурс ОО ВНО Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/ya.ru/vnovsrb/> главная (дата обращения: 03.03.2024).

Весомым рычагом влияния и на общество, и на государство являлся состав членов ВНО в регионах. В состав Военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров, созданном в августе 1958 г. вошли 42 генерала и офицера запаса в отставке, практически все – участники Гражданской или Великой Отечественной войны [1, л. 2]. В составе только Совета Алтайского отделения ВНО, созданного в апреле 1961 г. было 9 человек: генерал-майор запаса М. Т. Карначев, подполковник запаса А. А. Полухин, подполковник запаса М. Г. Тищенко, полковник запаса М. И. Сиротенко, капитан Абрамов, подполковник запаса С. И. Стахнов, капитан запаса В. И. Капилов, подполковник Л. Н. Мазуров, от крайкома ДОСААФ инженер капитан первого ранга В. И. Каличенко [2, л. 9].

В их деятельности было два направления работы. Одно шло из традиций 1920-х гг.: решение проблемных военных вопросов современной тактики и оперативного искусства. В массовой общественной деятельности оно больше касалось работы с допризывной молодежью, подготовки их к службе в армии и воспитанию гражданского патриотизма. Другое, по словам первого председателя Новосибирского отделения ВНО «тяготело к составлению воспоминаний, описаний боевых действий отдельных частей и соединений в годы Великой Отечественной войны, изучению истории Гражданской войны в Сибири и участия сибиряков в военных событиях на Дальнем Востоке» [3, с. 86]. И это второе направление вывело отставных военных на широкую дорогу взаимодействия с гражданским обществом, начиная от ветеранов войн (бывших партизан и фронтовиков), и заканчивая сельскими и городскими обществами, трудовыми коллективами, детскими и молодежными организациями. 12 декабря 1959 г. в составе Новосибирского ВНО была организована секция истории Гражданской войны. 3 октября 1960 г. на общем собрании Новосибирского ВНО было принято решение о создании секции истории Великой Отечественной войны. Позже они объединятся в единую военно-историческую секцию. Такие же секции будут созданы в Алтайском и других сибирских отделениях ВНО. На этом этапе работы во всех отделениях ВНО, в поиске форм и методов работы, определяющую роль в коммуникации власти и общества, где «коммуникаторами» выступили члены ВНО, сыграли экспедиции

к местам партизанских сражений в годы Гражданской войны и поездки по местам сражений дивизий, сформированных в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Экспедиции по изучению памяти партизан Гражданской войны проходили через села и города, в которых участники останавливались на какое-то время – от 1 до 3 дней. Здесь они устанавливали связи с местным населением и администрацией, организуя встречи и опросы участники военно-революционных событий, проводя осмотр и выявляя состояние памятников.

Более того, образованию секции истории Гражданской войны, собственно предшествовала экспедиция, которая и определила два направления полевых исследований. В начале 1959 г. Совет Новосибирского ВНО поднял проблему отсутствия в литературе информации об отдельных районах партизанского движения в Западной Сибири в годы Гражданской войны. С целью сбора материала в июне – августе 1959 г. Новосибирское ВНО (при поддержке Политуправления СибВО) организовало экспедицию на территории правобережья р. Оби в районе р. Чумыш. Экспедицию возглавил генерал-майор Г. П. Сокуров. В последующем это общество организовывало другие экспедиции на территорию Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей.

В статье ставится цель – рассмотреть на примере экспедиции 1959 г., организованной военно-научным обществом генералов и офицеров запаса и в отставке при Новосибирском окружном доме офицеров и посвященной 40-летию освобождения Сибири от колчаковщины, бытовую и повседневную жизнь участников экспедиции в период продвижения по намеченному маршруту. Для этого в т. ч. определить влияние статуса членов ВНО на возможности организации быта, проезда и обеспечения транспортом, организации проживания и питания по маршруту экспедиции, взаимодействие с местными администрациями и партийными органами, рядовым сельским населением.

Осмысление опыта деятельности экспедиции в советской исторической литературе нашло отражение как в работах непосредственных участников экспедиции [4; 5], так и в работах исследователей, изучавших Гражданскую войну в Сибири [6–8].

Источниковой базой, исследования служит ряд документов из Государственного архива Новосибирской области (ГАО) [9;

10] и Государственного архива Алтайского края [1; 2]. Теоретико-концептуальной базой исследования являются положения нового направления исторических исследований – «истории повседневности», которая определяет синонимом собственно повседневности – обыденность, будничность, ежедневность, в нашем случае – быт, и дает возможность использовать более сложно смысловое определение: «История повседневности» (everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne) – «новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [11; 12]. Как известно, возникновение истории повседневности как самостоятельной отрасли изучения прошлого – одна из составляющих «историко-антропологического поворота», начавшегося, по мнению многих исследователей, в гуманитарных науках конце 60-х гг. XX в. [13, с. 24].

Результаты

Важным историко-культурным контекстом обладает организация и обустройство работы экспедиций ВНО, в частности первой экспедиции Новосибирского ВНО в 1959 г. в Нижнее Причумышье и последующие экспедиции в Горный Алтай. Также как экспедиции Алтайского отделения ВНО в 1961, 1962 и 1963 г. Их организация, финансирование, состав, формат взаимодействия с властью и обществом были идентичны по принципиальным вопросам.

На бытовые условия и организацию жизни экспедиции повлияли маршрут и время ее проведения. Маршрут экспедиции 1959 г. Новосибирского ВНО проходил по 11 районам и 7 городам: по 8-ми районам Алтайского края: Тальменскому, Залесовскому, Сорокинскому, Тогульскому, Ельцовскому, Кытмановскому, Краюшенскому (Первомайскому), Косихинскому и городам Чесноковке (совр. Ново-Алтайск), Барнаулу; 2 районам Новосибирской области: Черпановскому, Маслянинскому районам, 1 Кемеровской области – Кузедеевскому району и городам Салаир, Гурьевск, Белово, Прокопьевск, Новокузнецк. Выбор пути экспедиции аргументировался по словам В. В. Завалишина, тем, что «во всех этих районах партизанское движение было особенно активным» [10, л. 6].

Такой территориально-протяженный маршрут занял полтора месяца – с 1 июля до 15 августа. За этот промежуток экспедиция провела встречи и беседы с 270-ю бывшими партизанами, а также провела работу по изучению материалов государственных архивов и краеведческих музеев. Все это в совокупности потребовало обеспечения бесперебойного продвижения, которое проходило преимущественно по сельским трактам и проселочным дорогам, с переправами, которые не всегда обеспечивались мостами, при отсутствии надежной связи между населенными пунктами, перебоями в электричестве и т. п. Состояние дорог отразилось в докладах руководству Алтайского края, через которые они доносили информацию «снизу» администрации регионов. Как пишет В. В. Завалишин: «Из села Косихи через Малахова, Жилино съехали в г. Барнаул. Въезд в Барнаул с этой стороны очень плохой и трудный. Дорога вся в выбоинах, с глубокой колеей, без кюветов, с частыми переездами через запасный и железнодорожные пути – прямо через рельсы, с крутыми поворотами со множеством ответвлений... Может быть нелестные отзывы пассажиров [членов экспедиции, сидящих в кузове], которых бросало от борта к борту машины и дошли до руководителей края» [10, л. 63].

Усложняла работу экспедиции её численность – 12 человек: семь активных участников ВНО, два корреспондента, один фотокорреспондент, один водитель, один помощник водителя. Благоприятным фактором являлся персональный состав экспедиции – бывшие военные, имеющие офицерские звания, которыми руководил генерал-майор Г. П. Сокуров и тесная связь ВНО с военными Сибири, которые помогали в хозяйственно-бытовом обеспечении экспедиции. Так, например, благодаря генерал-полковнику Петру Кирилловичу Кошевому, который являлся командующим Сибирским военным округом, из хозяйственных фондов Сибирского военного округа в распоряжение экспедиции была предоставлена машина-вездеход ГАЗ-63 с прицепом, палатки, кухонные и постельные принадлежности, походный инвентарь и имущество, фотопринадлежности и пр. [10, л. 2]. Такое оснащение было привычно для военных и предполагало палаточно-полевой формат экспедиции, мобильной и самодостаточной в продвижении по маршруту, с выбором мест на остановки и ночевки.

Проезд участников экспедиции на грузовом автомобиле повышенной проходимости ГАЗ-63 был наиболее оптимальным в условиях продвижения по проселочным дорогам правобережья р. Оби. Участники располагались в кузове автомобиля, накрытого брезентовым тентом, а все имущество экспедиции (оборудования, еда, кухонные принадлежности и т. д.) располагалось в прицепе, как это запечатлено на фотографии участников от 15 августа 1959 года после окончания экспедиции и возвращения в г. Новосибирск (рис. 1).



Рис. 1. Экспедиция возвратилась из поездки. В машине В. В. Завалишин, рядом с ним Н. Г. Николаев, Т. С. Мухачев, Г. П. Сокуров. На заднем фоне водитель А. Матвиенко. ГАНО Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 96

Использование грузового автомобиля, с одной стороны, помогало преодолевать бездорожье во время передвижения по исследовательскому маршруту из одного населённого пункта в другой. С другой стороны, в условиях непогоды, создавало трудности, несмотря на брезентовый тент. Как писали участники экспедиции, во время дождей, при движении автомобиля экспедиции в г. Черепаново уже в первый день – 1 июля «всех

участников изрядно вымочил дождь» [10, л. 3]. Более того состояние проселочных дорог несмотря на указанную выше повышенную проходимость ГАЗ-63, во время передвижения экспедиции создавали такие проблемы, что приходилось отказываться от движения по заранее намеченному маршруту, что тормозило продвижение. Так, например, 21 июля во время движения машины экспедиции по территории Алтайского края из села Ельцовки в село Тогул, всю ночь накануне шел дождь, который и продолжился днем. В результате этого дорога существенно ухудшилась, что привело по воспоминаниям участников, к тому, что «вездеход постоянно сползал в кювет, и наконец прицеп оказался в кювете по одну сторону дороги, а машина – в другой, немало пришлось поработать, чтобы вытащить на дорогу сначала машину, потом и прицеп» [10, л. 52]. Задержки также происходили из-за отсутствия переправ через реки (рис. 2).



Рис. 2. Переправа через Чумыш у села Шатуново Залесовского района Алтайского края. ГАНО Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 96

При проезде через населенные пункты, устройство ночлегов решалось двумя путями, почти так как это организуется в современных экспедиционных и полевых практиках: размещение

в представляемых сельской администрацией помещениях, чаще всего в школах; или установка палаточного лагеря. В своих записях В. В. Завалишин, вспоминает это так: «Обычно, приезжая в село, где нам предстояло заночевать, мы направлялись к школе, в школах производился в это время ремонт. Нам всегда гостеприимно предоставляли один-два класса, где мы ставили свои раскладушки. Дежурный наш располагался со своей кухней либо прямо на дворе, где раскладывался костер, либо в комнате техничками растапливалась плита» [10, л. 11].



Рис. 3. Участники экспедиции сворачивают палатку.
ГАНУ. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 96

Выбор способа ночлега зависел от погодных условий. При хорошей погоде экспедиция разбивала лагерь, используя школы или другие предоставляемые административные здания для работы с записями и документацией, а также хранения инвентаря и фотооборудования. За исключением дождливых дней, как говорили сами участники экспедиции, для сна использовали армейские брезентовые палатки (рис. 3), стремясь размещаться на свежем воздухе. В протоколах заседаний ВНО участники вспоминали: «Бывало так, что разбирали свои палатки, ставили раскладушки прямо на школьном дворе или в саду. Спать на вольном воздухе, всегда, приятно» [10, л. 11],

«погода, к счастью, нам благоприятствовала, так многие из нас устраивались спать в саду, под березками» [9, л. 3].

Близость к природе, использование даров леса, воды из реки и ручьев являлось привычной для военных – бывших участников Гражданской войны и ветеранов Великой Отечественной войны – частью повседневной жизни. Любая остановка в пути вызывала у членов экспедиции восхищение природой и ее дарами. Так, «в пути шофёр остановил машину на заправку, а мы набросились на грозди красной смородины, росшие в изобилии у самой дороги заманчивым ярко-красными гроздьями, но она оказалась слишком кислой» [10, л. 21]. Частью повседневной жизни было и купание в реках и других водоемах, которое являлось альтернативой бане: «с удовольствием после пыльной дороги искупались в Чумыше». Чаще это было связано именно с Чумышем, вдоль которого проходила значительная часть маршрута экспедиции. Если на берегу Чумыша устраивался ночлег, то купание сопровождала рыбная ловля. В записях участников экспедиции сохранилось множество описаний купания и рыбалки на Чумыше: «Близь Калиновки по берегу Чумыша раскинули палатки. Н. Г. Николаев растянул сеть. На этот раз в тени таловых и черемуховых кустов поели вкусную уху». Обратной стороной такой походной жизни стали инфекционные заболевания.

В 1950–60-е гг. санитарно-бытовые условия работы в экспедициях и полевые условия проживания, в т. ч. использование воды из природных водоемов, деревенских продуктов, молока и мяса, были сопряжены с опасностью подхватить инфекционные заболевания. Что и произошло с помощником водителя В. Шевкун, который заболел инфекционной желтухой, что едва не сорвало экспедицию. Самого водителя в г. Салаире Кемеровской области положили в больницу. Это было время, когда государство стало проводить большую работу по прививочно-профилактической работе и борьбе с насекомыми – разносчиками инфекций. Однако этот процесс находился на стадии охвата прививками, в обязательном характере только детей. Поэтому в обществе, не только сельской местности, но и в городах, частными заболеваниями были корь, чесотка, педикулез, дифтерия, туберкулез, бытовая желтуха, коклюш, полиомиелит, паротит и другие. Над экспедицией нависла опасность: все ее члены

в качестве профилактики «подлежали карантину без права выезда из г. Салаир на период с 17 июля по 27 августа» [10, л. 38]. После обсуждения с главным врачом ситуации, он ограничился тем, что все члены экспедиции прошли медицинский осмотр. Как пишет В. В. Завалишин: «Все наши вещи и помещения, в котором мы находились, были подвергнуты дезинфекции. Кроме того, члены экспедиции обязались в последующем следить за появлением признаков этой болезни и являться регулярно на медосмотры. Мер, принятых в Салаире, оказалось значит достаточно и, по-видимому, очень своевременны. Все члены окончили благополучно экспедицию до конца» [10, л. 39].



Рис. 4. Участники экспедиции за завтраком. ГАНО. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 96.

Питание экспедиции реализовывалось в основном двумя способами. За приготовление завтрака и ужина из выделенных Сибирским военным округом продуктов, отвечали сами участники. Готовили самостоятельно либо на плитах в школе, либо на кострах. В условиях постоянного перемещения экспедиции завтрак и ужин приходился на разное время. Как правило, ложились поздно, к тому просыпались и завтракали рано, а ужинали поздно (рис. 4). В своих записях В. В. Завалишин, вспоминает это так: «Развели большой костёр и сидели, любуюсь чудесной картиной до горящего заката. Поздно поужинали, а в первый час ночи легли спать». Рабочий день начинался в 6 часов утра,

а при выездах и раньше. Отбой в 23–24 часа, когда естественный свет уже не позволял заниматься бумагами и записями. Плотный график работы не позволял выделять выходные дни. По воспоминаниям участников экспедиции «дневного отдыха не имели, отдыхали, образно говоря, в дороге» [10, л. 72].

А вот обед в контексте реализации коммуникации, как общественной практики ВНО, использовался членами экспедиции для установления и развития контактов с представителями местной общественности и местной администрации. Часто обед сочетался с приглашением и встречами с участниками и очевидцами Гражданской войны, которых выявляли в населенных пунктах. В организации совместных обедов активное участие принимала местная администрация. На организованные ею для «высоких» гостей обеды, связанные с появлением в отдаленных селах генерала в окружении высшего офицерского состава, приглашались местные бывшие партизаны, местное партийное руководство, представители сельской администрации и т. д. Такие обеды использовались для совместного обсуждения событий Гражданской войны с партизанами и вопросы увековечивания и мемориализации военно-революционной памяти, выезды на места сражений и осмотры памятников. Как вспоминали участники экспедиции, «секретарь парторганизации колхоза пригласил всех в столовую, обед прошел тепло, по-дружески» [10, л. 13], «Райком КПСС и райисполком организовали обед бывшим партизанам-борцам за власть Советов, на обеде присутствовали члены экспедиции» [10, л. 52] и т. д.

В коллективных обедах реализовывались коммуникация членов экспедиции в системе взаимоотношений власти и общества. Но независимо от возможности совместного обеда, в каждом населенном пункте возникал процесс коммуникация – от партизан записывалась информация об участии в тех или иных сражениях; от местной администрации и ветеранов – о нуждах и проблемах этих ветеранов и сельских жителей в повседневной жизни. Таким образом через членов делегации доносилась информация снизу вверх и сверху вниз в взаимодействии власти и общества. В полевом дневнике записано: «Был принят такой порядок. Приезжая в село, мы в первую очередь знакомимся с партийными и советскими органами села или района, представляли свои документы, рассказывали о цели своего прибытия, заручались

поддержкой и сельских властей, которые оказывали нам действенную помощь в организации встреч с ветеранами Гражданской войны». На основе полученной информации, «днем следовали встречи с бывшими партизанами, беседы с ними и запись их воспоминаний, осмотр и фотографирование исторических мест и памятников. Некоторые товарищи занимались в местном архиве (при каждом райисполкоме имеется небольшой архив) или в библиотеке просматривали подшивки местных газет, в поисках дополнительного материала». Итоги подводились после дня работы: «вечерами... делились впечатлениями, уточняли все слышанное и записанное за день, наносили на карту маршруты, вычерчивали схемы» [10, л. 12].

Частью повседневного поведения в экспедициях являлось активное соучастие во всем происходящем, что встречалось на пути экспедиции. В данном случае изучение жизни и поведения членов экспедиции, важно «для прояснения социального контекста, а не наоборот» [14, с. 335], также, как необходимо учитывать влияние на инициативу личности «унаследованных культурных традиций, обычаев и представлений», в нашем случае советских (социалистических) ценностей. Можно привести два отрывка. В первом отражается позиция членов экспедиции по отношению к социалистическому труду. По пути из села Средне-Краюшкино в Калиновку Первомайского района Алтайского края экспедиция встретила комбайнеров, убиравших овес. Участники экспедиции подошли на завороте к комбайну, и при этом «удивились плохой работе и безответственности комбайнера ... серьезно поговорили с ним о качестве уборки». Во втором случае они находят подтверждение правоте своим советско-коммунистическим взглядам в окружающей «социалистической повседневности» и отмечают результаты социалистического строительства. Так, по дороге в село Пуштулим Ельцовского района Алтайского края, участникам экспедиции встретился молодой слепой юноша в сопровождении своей двоюродной сестры. По-видимому, члены экспедиции, в соответствии со своими принципами, остановились и пообщались с ним, о чем свидетельствует запись в дневнике: «Он закончил среднюю школу, и не особенно тяготится своей слепотой точка советское правительство делает всех слепых грамотными и нужными людьми обществу» [10, с. 51].

Отражением их гражданской позиции и восторженного отношения к малой родине являлось поэтическое описание окружающей их природы, за которой они наблюдали на протяжении всего маршрута. Он пролегал в разных природных поясах: от черневой тайги Салаирского высокогорья на востоке Алтайского края и в Кемеровской области до солнечных ленточных боров в Барнаульском Приобье и березовых рощ в Новосибирской области. И эта смена отражалась в их повседневных записях: «ехали долго, любуясь красивыми березовыми рощицами, которые становились все гуще и встречались чаще. По обочинам дороги и в березовых рощах росли сочные, свежие травы, была масса цветов, вперемешку с ними на обширных массивах выступали пышные посевы» [10, с. 11]; «далее пошли густые хвойные боры, называемые чернью, невысокие холмы покрытые тёмно-зелёным пихтачем» [10, с. 37].

Через эти строки пробиваются отголоски тех фраз и эпитетов, которыми они обменивались на протяжении своего пути.

Обсуждение и выводы

Экспедиция Новосибирского отделения ВНО прошла за 1,5 месяца длинный путь, посетив по неполным данным около 50 населенных пунктов. Обращает на себя внимание характер экспедиции. Прежде всего экспедиция была организована в соответствии с традициями военно-походной жизни, что было привычно для участников, которые почти все были военными, имевшими офицерское звание и находящимися в отставке или в запасе. Это и передвижение на грузовой машине по труднопроходимым дорогам, и устройство палаточного лагеря на ночевку, это и водные процедуры на реках, это и полевая кухня на берегу реки или на школьном дворе и др. Особенностью подбора членов экспедиции являлась принадлежность почти половины к участникам Гражданской войны. Другую часть составляли фронтовики Великой Отечественной войны. Такой состав диктовался необходимостью привлечь к изучению военно-революционной памяти тех ветеранов-партизан, которые воевали в составе партизанских армий в местах работы экспедиции – Нижнем Причумышье. В ходе экспедиции всех их объединяла атмосфера дружбы и понимание важности работы с населением. Как военные, как коммунисты и как победители

в войне с фашизмом они видели свое назначение не только в исследовательском содержании работы, но вели себя как «на фронте», но не на боевом, а на фронте борьбы за умы и настроения советского человека, на фронте за воспитание молодежи, как смены подрастающего поколения. Этому способствовал и огромный объем проделанной работы: записаны материалы интервью и воспоминания партизан, обследованы и сфотографированы памятники героям Гражданской войны и мест сражений, организованы встречи с сельской партийно-административной властью, молодежными организациями (пионерами и комсомольцами), рядовыми сельчанами. Все это в экспедициях проводилось через взаимодействие с сельскими обществами, с сельскими администрациями и партийно-профсоюзными активами. Мобильность и самодостаточность экспедиции позволила выполнить поставленные задачи. Статусный состав экспедиции открывал перед ее участниками все двери, вызывал у людей доверие и благодарность за обращение к их памяти, стимулировал интерес к беседам и лекциям, которые организовывались по ходу движения экспедиции.

Список литературы

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 310.
2. Государственный Архив Алтайского края (ГАОАК). Ф.Р-1578. Оп. 1. Д. 26.
3. Сокуров Г. П. За активизацию работы ВНО // Вестник военно-научного общества при Новосибирском окружном Доме офицеров Советской Армии. – 1962. – № 1. – С. 86–96.
4. Завалишин В. Где Вы, участники Гражданской войны? / В. Завалишин, участник военно-научной экспедиции // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк. – 1959. – 22 июля. – С. 2.
5. Из путевых заметок «Чумышские партизаны» экспедиции военно-научного общества при Новосибирском окружном доме офицеров, состоявшейся в 1959 г. // Партизанское и повстанческое движение в Причумышье, 1918–1922 гг.: документы и материалы. – Барнаул, 1999. – С. 209–225.
6. Воспоминания [партизан] // Партизанское и повстанческое движение в Причумышье, 1918–1922 гг.: документы и материалы. – Барнаул, 1999. – С. 226–275.
7. Гришаев, В. «Судьба моя была щедра ко мне...» // Барнаул: лит.-худож. и краев. журнал. – Барнаул. – 2006. – № 3. – С. 100–113.
8. Воробьев Ф. Военно-научные общества навстречу 50-летию Великого Октября // Военно-исторический журнал. – Москва: Красная звезда, 1967. – № 9. – С. 112–118.

9. ГАНО. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 321.
10. ГАНО. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 42.
11. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19. – EDN OXTAQR.
12. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Портал Перспективы. – 2010. – EDN SKZRGD.
13. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 320 с.
14. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016. 544 с.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

"We Witnessed the Very Beginning of Guerilla Movement": Everyday Life of Participants of the Expedition of Military Research Group at Novosibirsk Regional House of Officers in 1959 to the Civil War Battlefields in the South of Western Siberia

Tatiana K. Shcheglova, Ivan A. Ruppel

The paper is devoted to the expedition of Military research group at Novosibirsk regional House of Officers in 1959 to the guerilla battlefields in the region of the Chumysh River in Altai krai, Kemerovo and Novosibirsk regions. In the context of issues of organization and activity of Military research group as a public veteran organization the paper analyses one of the aspects of their activity – the study of military revolutionary memory of people in the regions of guerilla mass movement in the years of the Civil war. By means of the example of one of the expeditions of 1959 the route is reconstructed, the organization of transport support, night quarters, nutrition and sanitation is described. Through the estimation of the expedition membership, their attitude towards the Soviet everyday life and Socialist construction the authors reveal the role of retired military officers and veterans of the Civil war and the Great Patriotic war in the system of communication between authorities and society, the employment of Military research group expeditions for producing the dialogue between generations and organizing the interaction with common country people as well as with representatives of local administration bodies. It is concluded that the expeditions owing to the military field experience of their participants were able to work over about 50 settlements for one and a half month including taking interviews, recording recollections of former guerillas, finding out the condition of historical monuments.

Key words: Military research society at Siberian military command region, expedition, membership, route, living conditions, the South of Western Siberia.

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian National Science Foundation under grant No. 23-28- 01443 "Rural society and government in the 1950s – mid-1980s: communication and social memory (on the example of the regions of Western Siberia)".

For citation: Shcheglova, T. K., Ruppel, I. A. (2024) «Zdes' my byli u samyh istokov partizanskogo dvizheniya»: byt uchastnikov ekspedicii Voенno-nauchnogo obshchestva pri Novosibirskom okruzhnom Dome ofitserov v 1959 g. po mestam srazhenij Grazhdanskoj vojny na yuge Zapadnoj Sibiri [“We Witnessed the Very Beginning of Guerilla Movement”: Everyday Life of Participants of the Expedition of Military Research Group at Novosibirsk Regional House of Officers in 1959 to the Civil War Battlefields in the South of Western Siberia]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 200–217. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_200. EDN: USYYYY

References

1. *Gosudarstvennyj arkhiv Novosibirskoj oblasti (GANO)* [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)]. F. R-2371. Op. 1. D. 310.
2. *Gosudarstvennyj Arkhiv Altajskogo kraja (GAAK)* [State Archive of the Altai Territory (GAAC)]. F. R-1578. Op. 1. D. 26.
3. Sokurov, G. P. (1962) *Za aktivizatsiyu raboty VNO* [For intensifying the work of the VNO]. *Vestnik voенno-nauchnogo obshchestva pri Novosibirskom okruzhnom Dome ofitserov Sovetskoj Armii* [Bulletin of the military-scientific society at the Novosibirsk District House of Officers of the Soviet Army]. No. 1. P. 86–96. (In Russ.)
4. Zavalishin, V. (1959) *Gde Vy, uchastniki Grazhdanskoj vojny?* [Where are you, participants in the Civil War?]. *Kuznetskij rabochij* [Kuznetsk worker]. Novokuznetsk. July 22. P. 2. (In Russ.)
5. *Iz putevykh zametok «Chumyshskie partizany» ehkspeditsii voенno-nauchnogo obshchestva pri Novosibirskom okruzhnom dome ofitserov, sostoyavshejsya v 1959 g.* (1999) [From the travel notes “Chumysh partisans” of the expedition of the military scientific society at the Novosibirsk district officers’ house, which took place in 1959]. *Partizanskoe i povstancheskoe dvizhenie v Prichumysh'e, 1918–1922 gg.: dokumenty i materialy* [Partisan and insurgent movement in the Chumysh region, 1918–1922: documents and materials]. Barnaul. Pp. 209–225. (In Russ.)
6. *Vospominaniya (1999) [partizan]* [Memoirs [of partisans]]. *Partizanskoe i povstancheskoe dvizhenie v Prichumysh'e, 1918–1922 gg.: dokumenty i materialy* [Partisan and insurgent movement in the Chumysh region, 1918–1922: documents and materials]. Barnaul. Pp. 226–275. (In Russ.)
7. Grishaev, V. (1967) «Sud'ba moya byla shhedra ko mne...» [“My fate was generous to me...”]. Barnaul: lit.-khudozh. i kraev. zhurnal. [Barnaul: literary, arts and local studies magazine]. Barnaul. No. 3. Pp. 100–113. (In Russ.)
8. Vorobyov, F. *Voенno-nauchnye obshchestva navstrechu 50-letiyu Velikogo Oktyabrya* [Military scientific societies towards the 50th anniversary of the Great October Revolution]. *Voенno-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal]. Moscow: Red Star. No. 9. Pp. 112–118. (In Russ.)
9. GANO. F. R-2371. Op. 1. D. 321.
10. GANO. F. R-2371. Op. 1. D. 42.
11. Pushkareva, N. L. (2004) *Predmet i metody izucheniya «istorii povsednevnosti»* [Subject and methods of studying the “history of everyday life”]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5. Pp. 3–19. EDN OXTAQR. (In Russ.)
12. Pushkareva, N. L. (2010) «*Istoriya povsednevnosti*» kak napravlenie istoricheskikh issledovanij [“The history of everyday life” as a direction of historical research]. *Portal Perspektivy* [Perspectives Portal]. EDN SKZRGD. (In Russ.)
13. Repina, L. P. (2009) «*Novaya istoricheskaya nauka*» i sotsial'naya istoriya [“New historical science” and social history]. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.)
14. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'* (2016) [Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary]. 2nd ed. / resp. ed. A. O. Chubaryan, L. P. Repina. Moscow: Aquilon. (In Russ.)

Об авторах

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: tk_altai@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2738-414X

Руппель Иван Александрович, аспирант, ведущий специалист по учебной методической работе, Центр устной истории и этнографии, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: ruppel99@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0001-6846-9572

About the authors

Shcheglova Tatyana K., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: tk_altai@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2738-414X

Ruppel Ivan A., Postgraduate Student, Leading Specialist in Educational Methodological Work, Center for Oral History and Ethnography, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: ruppel99@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0001-6846-9572

*Статья поступила в редакцию 13.03.2024
Одобрена после рецензирования 06.04.2024
Принята к публикации 18.04.2024*

Джаз, власть и горожанин в Советском Союзе 1950–1960-х гг.

Ф. К. Ярмолич

В статье анализируется место джазовой музыки в СССР в 1950–1960-х гг. В фокусе внимания культурный феномен: несмотря на неоднозначное отношение власти к джазу в течение всего исследуемого периода, эта музыка продолжала звучать на территории Советского Союза. Начиная со второй половины пятидесятых, под влиянием внешнеполитических изменений, активизации культурного взаимодействия между СССР, США и Западной Европой, проведения в Москве, Ленинграде и других крупных городах страны международных культурных мероприятий, а также возрастающего интереса со стороны населения к джазовой музыке, происходило увеличение количества гастролей иностранных музыкальных коллективов и возрастало число исполнителей джаза. Популярность данного музыкального направления среди советских граждан стимулировала власти проводить просветительскую политику и объяснять населению, что такое джаз, какие из его направлений отвечают музыкальным вкусам и эстетическим предпочтениям советского общества, а какие нет.

Ключевые слова: джаз, музыка, власть, горожанин, концерт, фестиваль, Советский Союз, гастроль, свободное время.

Для цитирования: Ярмолич Ф. К. Джаз, власть и горожанин в Советском Союзе 1950–1960-х гг. // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 218–229. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_218. EDN: WBG AHL

Введение

В Советском Союзе власть и человек по-разному представляли функции музыки. Партийные, советские и профсоюзные учреждения рассматривали ее как элемент идеологической и культурно-просветительной работы, отводя развлекательному компоненту второстепенную роль. Однако большая часть населения страны музыкальное творчество ассоциировала с непринужденной формой проведения своего свободного времени, идеологическая же составляющая находила отклик у крайне ограниченного числа людей.

Несовпадение взглядов у власти и граждан по этому вопросу приводило к тому, что одни стремились развивать официально одобряемые музыкальные направления, а вторые проявляли интерес к другим. В советской [1–3] и российской [4; 5] исторической литературе эти аспекты изучены неплохо. Однако исследованию истории джаза в Советском Союзе ученые уделяли меньше внимания [6, с. 646], что приводило к недостаточному анализу отношения власти к джазовой музыке и способствовало не всегда адекватным оценкам, которые можно свести к утверждению, что первая либо запрещала, либо создавала крайне сложные условия для развития последней. Анализ архивного материала и периодических изданий, посвященных музыкальной культуре в СССР, демонстрирует, что положение дел в этой области советской повседневности не может быть сведено к такой интерпретации, так как оно оказалось несколько сложнее. В силу разных обстоятельств политическая элита страны стремилась выработать сбалансированный подход в данной сфере музыкального искусства, учитывая, с одной стороны, запрос населения, а, с другой – задачи культурно-идеологической политики советского государства. Принимая во внимание, что в историографии обозначенный выше аспект истории джазовой музыки в СССР недостаточно изучен, его в рамках статьи предлагается проанализировать более подробно. Для этого будут использованы как общенаучные (анализ, синтез), так и исторические (историко-генетический, историко-системный) методы.

Результаты

Как уже было указано, на развитие джаза в СССР в 1950–1960-е гг. влияло несколько факторов, к перечисленным выше,

следует добавить и изменения во внешней политике Советского Союза, активизацию международного культурного взаимодействия. Более того, на протяжении 1950–60-х гг. все они активно изменялись (например, музыкальные предпочтения горожан или ситуация на международной арене), что так или иначе отражалось на положении джаза в СССР. Но эта многофакторность не всегда учитывается исследователями при их оценке развития этого музыкального направления в стране, что приводит иногда к категоричным суждениям. Они, в частности, свойственны для Т. И. Баклановой, которая заявляет, что «увлечение джазом приравнилось чуть ли не к предательству» [7, с. 118, 119]. Такой взгляд не отражает исторической динамики, которая была характерна для 1950–1960-х гг., в рамках которой во одно время развитие джазовой музыки в СССР поддерживалось, а в других исторических реалиях увлечение данным музыкальным направлением частью населения у власти вызывало настороженное отношение.

Точка зрения А. А. Гужаловского более сдержанна. Он обращает внимание, на то, что, если на официальном уровне джаз запрещался, то в повседневной жизни он транслировался по радио, звучал в парках, а грампластинки с его записью продавались в магазинах [8, с. 311]. С мнением ученого можно согласиться только частично, так как на всем протяжении 1950–1960-х гг. не было документа, запрещающего джаз. Более того, на рубеже двух десятилетий среди политической и творческой элиты страны в отношении этого музыкального направления происходила полемика, которая в том числе включала и споры вокруг степени поддержки его развития. В 1957 г. в журнале «Советская музыка» был опубликован доклад Т. Н. Хренникова (композитор, генеральный секретарь Союза композиторов СССР), который он озвучил на Втором Всесоюзном съезде советских композиторов. В нем докладчик отметил, что с «быстро расплодившимися многочисленными “джаз-ансамблями”. ... Руководство Союза композиторов слабо борется. ... Всякого рода “самбы”, румбы и прочие джазформы стали проникать даже в национальную музыку братских народов. ... За последнее время стали усиленно насаживать джаз работники ЦК ВЛКСМ; возглавляя подготовку к проведению Всемирного фестиваля молодежи, они всячески поощряют создание именно джазовых

ансамблей» [9; с. 41, 42]. Данное выступление вызвало несогласие секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина, которое он отразил в докладной записке, направленной на имя заместителя заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Б. С. Рюрикова. В ней составитель записки не согласился с утверждением Т. Н. Хренникова, что ВЛКСМ создавала чрезмерные условия для популяризации джазовой музыки [10, л. 56].

Вместе с тем, действительно джазовая музыка в Советском Союзе звучала на протяжении всех пятидесятых и шестидесятых годов. Например, в 1952 г. в таллинском клубе при фанерно-мебельной фабрике работал джаз-оркестр, который исполнял «исключительно западные танцы» [11, л. 23]. Конечно, интенсивность звучания джаза в разные десятилетия была не одинаковой. Она начинает усиливаться при подготовке VI Всемирного фестиваля молодежи и студенчества, который прошел в Москве с 28 июля по 11 августа 1957 г., на который приехали представители многих стран, в том числе из США и Западной Европы. Это стало возможно благодаря тому, что уже несколько лет как происходили внешнеполитические изменения, которые создали условия для более активного развития джазовой музыки. В частности, в 1955 г. улучшились советско-американские отношения, в рамках которых расширились культурные связи между двумя государствами [12, с. 135]. Подобные изменения стимулировали более тесное культурное взаимодействие Советского Союза с Соединенными Штатами и странами Западной Европы со второй половины 1950-х гг.

Конечно, это не отменяло критических замечаний и претензий со стороны советской власти в отношении иностранных музыкальных оркестров или музыкантов, исполняющих джаз. Например, в августе 1956 г. в течение месяца в Москве и Ленинграде гастролировала норвежская эстрадная группа, в репертуаре которой звучал «вульгарный американский джаз». Подобная ситуация была идентична той, которая произошла с Государственным ансамблем Польской народной республики «Голубой джаз», посетивший в рамках своих двухмесячных гастролей Москву, Ленинград, Киев, Одессу и Львов, где «многие номера программы концертов явно не отвечали вкусам и эстетическим запросам советского слушателя». Щекотливость ситуации заключалась в том, что и первые, и вторые музыкальные

коллективы располагали разрешительными документами Министерства культуры СССР, которое, как потом стало известно, «не провело предварительного ознакомления специалистов с программой джаза, перепоручив это» в первом случае – административному работнику Московского театра оперетты, командированному в Норвегию, а во втором – заместителю начальника Главцирка, который находился в Польше по вопросам сотрудничества двух стран в цирковой сфере [13, л. 6 в, 6 з].

Однако все это не привело к отказу от джазовой музыки в исполнении представителей иностранных государств. В 1958 г. в Москву с гастрольями прибыли итальянские музыканты, репертуар которых также получил критические оценки со стороны органов власти: «во время своего первого представления пошлые американизированные песенки, проникнутые буржуазной гнилью, что вызвало законное возмущение со стороны советских зрителей. Как оказалось, работники Госконцерта не поинтересовались тем, что за произведения привезут с собой итальянцы, и только после вмешательства со стороны Министерства культуры они приняли меры к улучшению программы гастролеров» [14, л. 4]. Однако, несмотря на все это джаз в исполнении иностранных музыкантов в Советском Союзе продолжал звучать и в 1960-е гг. Так, в 1967 г. москвичи могли услышать «чешский джаз» [15; с. 20, 21].

С середины 1950-х гг. в СССР начинают активно развиваться собственные джазовые коллективы. Например, с 1955 по 1960 г. в Москве были созданы джазовые оркестры А. Э. Рознера (Эдди Рознер), Б. М. Фрумкина, М. Кадомцева, О. Л. Лундстрема, «не считая большого количества малых джазовых ансамблей (от квартетов до т. н. диксилендов), использующихся, в основном для аккомпанемента певцам». Более того, в союзных республиках (Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии, Узбекистане) были организованы «эстрадные оркестры государственного типа» [16, л. 16].

Популярность джазовой музыки среди населения СССР возрастала благодаря фестивалям, которые начали проводиться со второй половины 1950-х гг. (к примеру, Московский фестиваль 1957 г. [17, л. 16]) и продолжились в 1960-е гг. С 14 по 24 апреля 1966 г. в Ленинграде силами Ленинградского отделения Союза композиторов, Ленинградского дома художественной

самодеятельности, горкома комсомола и Ленинградского джаз-клуба был организован Ленинградский фестиваль джазовой музыки, в котором в рамках пяти концертов приняло участие около 30 ансамблей [18, с. 22]. В конце мая того же года уже в столице страны состоялся III московский фестиваль джаза [19, с. 21], а в 1968 г. был проведен фестиваль «Москва – Джаз-68» [20; с. 22, 23]. Наряду с фестивалями в 1960-е гг. проводились вечера джазовой музыки. Например, в апреле 1965 г. в зале московской гостиницы «Юность» на трех таких вечерах выступило 15 молодежных джазовых ансамблей, которые продемонстрировали 60 музыкальных номеров [21; с. 22, 23]. Популяризация джазовой музыки среди населения происходила и через самодеятельное творчество, где участники коллективов исполняли произведения данного музыкального направления [22; с. 97–99].

Такое увлечение джазом как профессиональными музыкантами, так и самодеятельностью вызывало недовольство власти. Причина этого, впрочем, заключалось не в джазовой музыке как таковой, а в прослушивании населением так называемого «коммерческого джаза», который не отвечал «официальным советским критериям» музыкального творчества. Такая ситуация, например, была характерна для некоторых самодеятельных коллективов, предпочитающих исполнять буги-вуги или рок-н-ролл, охарактеризованные партийными и советскими органами власти и управления как «оглупляющая музыка... проникнутая эмоциями упадничества, или истерии» [23, л. 15].

Несмотря на недовольство власти, распространение среди населения такого варианта джазовой музыки объяснялось тем, что, во-первых, во дворцах культуры и клубах страны самодеятельными джазовыми оркестрами руководили лица, не имеющие музыкального образования, что приводило к «исполнению всяческой импортной макулатуры и отличается пошлой манерой исполнения» [24, л. 16]; во-вторых, каждая советская республика, город, а иногда и дом культуры располагали своими программами танцевальных вечеров: «в РСФСР не рекомендуется танцевать самба, а в республиках Прибалтики рекомендуется. В разных городах одной республики также неодинаковая программа, например, в Ленинграде танцевать румбу разрешается, в Москве – нет. Даже в одном городе отдельные ведомства не могут договориться о единой программе. В Киеве Центральный

дом народного творчества не рекомендует исполнять чарльстон и ча-ча-ча, а находящийся через улицу Дом художественной самодеятельности профсоюзов рекомендует эти танцы» [25; л. 24–28]. К третьей причине относилась увлеченность советских композиторов джазом: «наши композиторы... иногда под видом советской песни с современным содержанием подносятся обычная джазовая музыка» [26, л. 43].

Впрочем, настроенное отношение власти не приводило к радикальным решениям и в официальных документах подчеркивалось, что «было бы неразумно возражать против джаз-оркестров, как против одной из форм музицирования. Инструментальный состав джаза, его партитура таит в себе большие выразительные возможности. Следовательно, речь идет не об упразднении джаза как формы музицирования, а о репертуарном направлении, об исполнительском стиле наших эстрадных оркестров» [27, л. 16]. Логическим продолжением такого подхода стала докладная записка министра культуры СССР Е. А. Фурцевой, поданная в Совет министров СССР в 1964 г., в которой предлагалось в качестве отвлечения молодежи от увлечения «американской джазовой музыкой... создать оригинальные танцы, воплощающие наши представления о красоте, о духовном мире советского человека» [28, л. 1]. Надо полагать, предпринятые шаги в этой области дали свои результаты и во второй половине 1960-х гг. уровень исполнения джазовой музыки в Советском Союзе повысился. На это было обращено внимание при проведении Ленинградского фестиваля джазовой музыки в 1966 г.: «в целом художественный уровень фестиваля был высоким... как отмечают члены жюри, обозреватели и сами участники ... период подражания зарубежным стандартам завершился и наступила эпоха самостоятельного творчества» [29, с. 22].

Усилившиеся, под влиянием внешнеполитических изменений и расширившегося международного культурного сотрудничества, со второй половины 1950-х гг. присутствие джазовой музыки на советской эстраде, создало необходимость для политической элиты страны объяснить населению, что такое джаз и какое из его направлений не противоречит советской культуре. Начиная с 1955 г. на страницах периодической печати появляются статьи, посвященные джазовой музыке. В сво-

ей работе «Легенда и правда о джазе» В. Конен [30; с. 22–31] знакомит читателей с историей джазовой музыки, обращает внимание на противоречивость ее «социальной и идейно-художественной природы», которая заключается в сосуществовании «коммерческого» и «импровизационного» джаза. Первый и автором статьи, и в дальнейшем официальными властями в СССР позиционировался с негативной точки зрения «как ироническая гримаса, как гротескная насмешка над утраченными идеалами, как средство откровенного чувственного наслаждения»; второй выступал в качестве положительного примера, в какой-то степени близкого советским идеалам музыкального творчества, так как был близок народной негритянской музыке. Впрочем, переходя к анализу развития джаза в СССР В. Конен приходит к выводу, что «в Советском Союзе джаз в настоящее время очень далек от обеих разновидностей американского джаза. По существу, всякая музыка легкого жанра, использующая некоторые разрозненные элементы джазового музыкального языка, носит у нас это название».

В конце 1950-х гг., когда популярность джазовой музыки в СССР возросла, необходимость просветительской работы среди населения увеличилась, что отразилось на росте количества статей по этому вопросу в музыкальных специализированных журналах. Большое внимание начинает уделяться описанию истории развития джазовой музыки. В 1959 г. в журнале «Музыкальная жизнь» было опубликовано два очерка А. Пэн-Чернова «К спорам о джазе» [31, с. 17; 32; с. 18, 19]. В первом автор после ознакомления читателей с разными точками зрения и оценками описывает историю его возникновения в Нью-Орлеане и развития в XIX и XX в. Во втором очерке А. Пэн-Чернов поднимает перед читателями проблемные вопросы, в частности, о границе, которая разделяет «хороший» и «плохой» джаз.

По мере роста популярности джаза возрастал интерес и к его истории, поэтому во второй половине 1960-х гг. в журнале «Музыкальная жизнь» публикуется уже три очерка Л. Переверзева «История джаза» [33; с. 20, 21; 34; с. 22, 23], где каждая разновидность (направление) джазовой музыки получает более детальное освещение, чем в статьях конца 1950-х гг. В первом очерке читатели знакомятся с спиричуэлс, блюзом, рэгтаймом, нью-орлеанским джазом, во втором автор подчеркивает, что

по мере распространения джаза с южных штатов на север интерес к нему начинает проявлять и «белое» население США, что приводит к появлению чикагского джаза и начало так называемой «Золотой эры». Третий очерк был посвящен описанию свинга, больших джазовых оркестров (Джимми Лансфорда, Чика Уэбба и Кэба Кэлловэя), би-боп, кул-джаза.

Обсуждение и выводы

Джазовая музыка звучала в СССР на протяжении 1950–1960-х гг., конечно, изменения в международной политике середины 1950-х гг. и активизация международного культурного сотрудничества способствовали развитию джаза в Советском Союзе, но уже к 1960-м гг. ухудшение или улучшение межгосударственных отношений принципиально не влияли на положение музыкального направления в стране. Оно все больше начинает зависеть от предпочтений советских граждан. Понимая это, политическая элита государства, не всегда испытывая положительное отношение к джазу, не предпринимала радикальных шагов в его отношении, но поддерживая развитие, стремилась его приблизить, насколько это было возможно, к советским идеалам музыкального творчества.

Список литературы

1. История музыки народов СССР. 1946–1956. Т. IV / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Советский композитор, 1973. 736 с.
2. История музыки народов СССР. 1956–1967. Т. V. Часть первая / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Советский композитор, 1974. 751 с.
3. Дмитриев Ю. А. Советская эстрада: Краткий очерк истории. М.: Знание, 1968. 77 с.
4. Нарский И. В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло. Культурная история советской танцевальной самодеятельности. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 751 с.
5. Шадрин В. О. Власть и популярная музыка в СССР в 1960–1980-е годы: идеология и повседневные практики. Пермь: изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2021. 239 с.
6. Беловинский Л. В. Повседневная жизнь человека советской эпохи. Предметный мир и социальное пространство. М.: Академ. проект; Трикста, 2017. 704 с.
7. Бакланова Т. И. Педагогика художественной самодеятельности. М., 1992. 160 с.

8. Гажуловский А. А. Красный карандаш: очерки по истории цензуры в БССР. Кн. 2. 1943–1991. Минск: изд-во БГУ, 2018. 320 с.

9. Хренников Т. Состояние и задачи советского музыкального творчества // Советская музыка. – 1957. – № 5. – С. 24–51.

10. Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 46.

11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5451. Оп. 28. Д. 1096.

12. Записка МИД СССР в связи с проектом ноты Советского правительства правительству США о заключении Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и США. 7 декабря 1955 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протоколы записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954–1958 / гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2006. 1120 с.

13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 10.

14. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 105. Оп. 1. Д. 809.

15. Вольнцев А. Чешский джаз на московской сцене // Музыкальная жизнь. – 1957. – № 23. – С. 20–21.

16. Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 2329. Оп. 10. Д. 494.

17. Баташев А. Ленинградский фестиваль джазовой музыки // Музыкальная жизнь. – 1966. – № 13. – С. 22.

18. Переверзев Л. III Московский фестиваль джаза // Музыкальная жизнь. – 1966. – № 15. – С. 21.

19. Переверзев Л. Праздники и будни нашего джаза // Музыкальная жизнь. 1968. – № 16. – С. 22–23.

20. Переверзев Л. Молодежные джазы Москвы // Музыкальная жизнь. 1965. – № 14. – С. 22–23.

21. Бирзин В. В нашем клубе звучит джаз // Советская музыка. 1963. – № 10. – С. 97–99.

22. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 494.

23. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 494.

24. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 786.

25. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 55.

26. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 494.

27. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 786.

28. Баташев А. Ленинградский фестиваль джазовой музыки // Музыкальная жизнь. – 1966. – № 13. – С. 22.

29. Советская музыка. – 1955. – № 9. – С. 22–31.

30. Музыкальная жизнь. – 1959. – № 17. – С. 17–18.

31. Музыкальная жизнь. – 1959. – № 18. – С. 18–19.

32. Музыкальная жизнь. – 1966. – № 3. – С. 20–21.

33. Музыкальная жизнь. – 1966. – № 4. – С. 22–23.

34. Музыкальная жизнь. – 1966. – № 9. – С. 22–23.

Jazz, Power and the Citizen in the Soviet Union in the 1950s – 1960s

Fyodor K. Yarmolich

The article examines jazz music history in the USSR in the 1950s – 1960s. It is noted that for two decades, despite the ambiguous attitude of the authorities, jazz continued to be heard on the Soviet Union territory. Since the second half of the 1950s, under the influence of foreign policy changes, intensification of cultural interaction between the USSR, the USA and Western Europe, holding international cultural events in Moscow, Leningrad and other large cities of the country, as well as the growing interest of the population in jazz music, the number of foreign musical groups' tours and the number of Soviet jazz groups was increasing. The popularity of this musical trend among Soviet citizens stimulated the authorities to pursue educational policy and explain to the population what jazz is, which of its directions meet the musical tastes and aesthetic preferences of Soviet society, and which do not.

Key words: jazz, music, power, city dweller, concert, festival, Soviet Union, tour, free time.

For citation: Yarmolich, F. K. (2024) Dzhaz, vlast' i gorozhanin v Sovetskom Soyuze 1950 – 1960-h gg. [Jazz, Power and the Citizen in the Soviet Union in the 1950s – 1960s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 218–229. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_218. EDN: WBG AHL

References

1. Keldysh, YU. V. (1973) (ed.) *Istoriya muzyki narodov SSSR. 1946–1956. Tom IV* [History of the music of the peoples of the USSR. 1946–1956. Volume 4]. Moscow: Sovetskij kompozito. (In Russ.)
2. Keldysh, YU. V. (1974) (ed.) *Istoriya muzyki narodov SSSR. 1956–1967. Tom V. CHast' pervaya* [History of the music of the peoples of the USSR. 1946 – 1967. Volume 5. Part one]. Moscow: Sovetskij kompozitor. (In Russ.)
3. Dmitriev, YU. A. (1968) *Sovetskaya estrada. Kratkij ocherk istorii* [Soviet stage. Brief history]. Moscow: Znanie. (In Russ.)
4. Narskij, I. V. (2018) *Kak partiya narod tancevat' uchila, kak baletmeystery ej pomogali, i chto iz etogo vyshlo. Kul'turnaya istoriya sovetsoj tanceval'noj samodeyatel'nosti* [How the party taught people to dance, how the choreographers helped it, and what came of it. Cultural history of Soviet amateur dance performances]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
5. SHadrin, V. O. (2021) *Vlast' i populyarnaya muzyka v SSSR v 1960–1980-e gody: ideologiya i povsednevnye praktiki* [Power and popular music in the USSR in the 1960s – 1980s: ideology and everyday practices]. Perm': izd-vo Perm. nac. issled. politekhn. un-t. (In Russ.)
6. Belovinskij, L. V. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' cheloveka sovetsoj epohi. Predmetnyj mir i social'noe prostranstvo* [Everyday life of a person in the Soviet era. The objective world and social space]. Moscow: Akademicheskij proekt; Triksa. (In Russ.)
7. Baklanova, T. I. (1992) *Pedagogika hudozhestvennoj samodeyatel'nosti* [Pedagogy of amateur performances]. Moscow. (In Russ.)
8. Gazhulovskij, A. A. (2018) *Krasnyj karandash: ocherki po istorii cenzury v BSSR. Kn.2. 1943–1991* [Red pencil: essays on the history of censorship in the BSSR. Book 2. 1943–1991]. Minsk: izd-vo BGU. (In Russ.)
9. Hrennikov, T. (1957). *Sostoyanie i zadachi sovetsoj muzykal'nogo tvorchestva* [State and aims of Soviet musical creation]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. No. 5. (In Russ.)
10. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (hereinafter – RGANI)*. F. 5. Op. 36. D. 46.
11. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii*. F. 5451. Op. 28. D. 1096.
12. Fursenko, A. A. (2006) (ed.) *Zapiska MID SSSR v svyazi s proektom noty Sovetskogo pravitel'stva pravitel'stvu SSHA o zaklyuchenii Dogovora o družbe i sotrudnichestvu mezhdru SSSR i SSHA. 7 dekabrya 1955 g. Prezidium CK KPSS. 1954–1964. CHernovye protokoly zapisi zasedanij. Stenogrammy. Postanovleniya. T. 2: Postanovleniya. 1954–1958* [Note from the USSR Ministry of For-

- eign Affairs in connection with the draft note of the Soviet government to the US government on the conclusion of a Treaty of Friendship and Cooperation between the USSR and the USA. December 7, 1955 Presidium of the CPSU Central Committee. 1954–1964. Draft minutes of recording of meetings. Transcripts. Resolutions. Volume 2. Resolutions. 1954–1958]. Moscow. (In Russ.) 13. RGANI. F. 5. Op. 37. D. 10.
14. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga*. F. 105. Op. 1. D. 809.
15. Volyncev, A. (1967) *CHeshskij dzhaz na moskovskoj scene* [Czech jazz on the Moscow scene]. *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 23. (In Russ.)
16. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (hereinafter – RGALI)*. F. 2329. Op. 10. D. 494.
17. Batashev, A. (1966). *Leningradskij festival' dzhazovoj muzyki* [Leningrad jazz music festival]. *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 13. P. 22. (In Russ.)
18. Pereverzev, L. (1966). *III moskovskij festival' dzhaza* [3rd Moscow jazz festival]. *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 15. P. 21. (In Russ.)
19. Pereverzev, L. (1968) *Prazdniki i budni nashego dzhaza* [Holidays and weekdays of our jazz]. *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 16. Pp. 22–23. (In Russ.)
20. (1965) *Molodezhnye dzhazy Moskvy* [Moscow youth jazz]. *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 14. Pp. 22–23. (In Russ.)
21. Birzin, V. (1963) *V nashem klube zvuchit dzhaz* [Jazz sounds in our club]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. No. 10. Pp. 97–99. (In Russ.)
22. RGALI. F. 2329. Op. 10. D. 494.
23. RGALI. F. 2329. Op. 10. D. 494.
24. RGALI. F. 2329. Op. 10. D. 786.
25. RGANI. F. 5. Op. 36. D. 55.
26. RGALI. F. 2329. Op. 10. D. 494.
27. RGALI. F. 2329. Op. 10. D. 786.
28. Batashev, A. (1966) *Leningradskij festival' dzhazovoj muzyki* [Leningrad jazz music festival]. *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 13. P. 22. (In Russ.)
29. (1955) *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. No. 9. Pp. 22–31.
30. (1959) *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 17. Pp. 17–18.
31. (1959) *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 18. Pp. 18–19.
32. (1966) *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 3. Pp. 20–21.
33. (1966) *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 4. Pp. 22–23.
34. (1966) *Muzykal'naya zhizn'* [Musical life]. No. 9. Pp. 22–23.

Об авторе

Ярмолч Фёдор Кузьмич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; доцент кафедры истории Отечества, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: f.k.1985@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2997-870X

About the author

Yarmolich Fyodor K., Candidate of Historical Sciences, Researcher, St. Petersburg Institute of Mathematics, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Department of History of the Fatherland, St. Petersburg State Medical University named after Academician I. P. Pavlov, Saint-Petersburg, Russian Federation; e-mail: f.k.1985@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-2997-870X

*Статья поступила в редакцию 10.04.2024
Одобрена после рецензирования 20.05.2024
Принята к публикации 22.05.2024*

«Да нам и стыдно было бы не поддержать сведения о старине». Письмо Алексея Корсунова в архиве И. Д. Попко

И. В. Дубинин

Жизнь историка, этнографа, просветителя и генерала казачьих войск Ивана Диомидовича Попко это не только цепь событий, россыпь фактов, административная работа и исследовательская и писательская деятельность, но и общение с сотнями людей – представителей разных слоев общества того периода. С некоторыми он дружил (В. Ф. Золотаренко, И. Е. Порохня и др.), другим он покровительствовал, а иные оставили лишь мимолетный след в его жизни, отраженный зачастую в одном-двух письмах. Одним из таких персонажей стал Алексей Корсунов. Послание, отправленное им из деревни Антиповка и ошибочно адресованное Ивану Евдокимовичу Порохне все же оказалось в архиве И. Д. Попко и стало первым критическим отзывом на его первую атрибутированную статью, опубликованную в газете «Кавказ» в 1848 г.

Ключевые слова: Кавказ, деревня Антиповка, Черноморское казачье войско, Алексей Корсунов, Иван Диомидович Попко, Иван Евдокимович Порохня, Антон Андреевич Головатый.

Для цитирования: Дубинин И. В. «Да нам и стыдно было бы не поддержать сведения о старине». Письмо Алексея Корсунова в архиве Т. Д. Попко // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 230–241. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_230. EDN: ZEROJT

Введение

С начала XIX в. Россия на Юге прирастала новыми территориями. О жизни этих регионов публиковались статьи, путевые заметки, письма путешественников, но жителям империи интересно было узнавать о Кавказе из уст очевидцев происходящих событий. Еще лучше, если это был человек, родившийся и живущий в этом регионе, знающий его специфику и нюансы жизни местного населения. Таким летописцем и бытописателем стал Иван Диомидович Попко.

Сын священника, не окончивший Московскую Духовную академию, самостоятельно выучил несколько иностранных языков, стал знатоком российской и иностранной истории. Прекрасно разбирался в мировой литературе, в том числе античной. И. Д. Попко собрал одну из крупнейших библиотек на Кавказе, часть которой ныне хранится в Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова. Первые книги собрания относятся ко времени его обучения в Астраханской духовной семинарии и академии, причем это не только учебная литература, но и книги по истории и художественная литература.

Среди исследователей жизни и деятельности историка бытует мнение, что первым написанным материалом Ивана Диомидовича Попко является историческая записка о состоянии Черноморского казачьего войска с 1 января 1825 г. по 1 января 1850 г., подготовленная им в начале 1850 г. по приказу начальника департамента военных поселений барона Николая Ивановича Корфа и распоряжению и. о. наказного атамана Черноморского Казачьего войска Григория Антоновича Рашпиля к 25-летию царствования императора Николая I. Основным видом деятельности в то время для Ивана Диомидовича была административная работа письмоводителем в штабе Черноморского Казачьего войска, поэтому заниматься научными изысканиями он был вынужден ночами, как он сам замечал, эта работа заняла у него 40 ночей. Окончив работу и переплетя свой труд в атлас синего цвета, будущий историк имел возможность лично преподнести его в 7 часов вечера 16 сентября 1850 г., путешествующему по Кавказу наследнику престола, будущему императору Александру II. На следующий день от имени императора за свою работу Иван Диомидович получил бриллиантовый перстень [1; л. 74 об., 75].

Автору статьи, поставившему себе задачу найти неизвестные публикации историка, после просмотра и анализа подшивок газеты «Кавказ», выходявшей в г. Тифлисе в XIX в. в 27 номере за 1848 г. удалось выявить статью «Войсковой праздник черноморских казаков 11-го мая», в которой в присущем Ивану Диомидовичу стиле говорилось о том, как в мае 1844 г. «в порядке заслуг и воздаяний, Черноморское Войско удостоилось получить от Государя Императора Николая Павловича большое белое Георгиевское знамя «за пятидесятилетнюю верную, усердную и храбрыми подвигами ознаменованную службу» и как «чувствительные к своей заветной отцовщине «славе казацкой» господствующей теме всех старинных военных казацких песен, и глубоко признательные к Монаршему воздаянию за свою трудную службу на пороге отечества, Черноморцы, целым своим войском торжествовали получение знамени: потому что это новое большое знамя было пожаловано не той, или другой отдельной дружине, но всему Войску» [2].

К сожалению, об этом периоде его жизни отдельных исследований опубликовано небольшое количество. Среди авторов, занимавшихся данной проблемой можно упомянуть И. Г. Иванцова и И. В. Дубинина [3; с. 24–38; 4; с. 41–49], кроме этого, об этой части жизни историка, в своих работах упоминали А. И. Слущкий [5; с. 183–192], Б. А. Трехбратов [6; с. 95–135] и др.

Результаты

Тем интереснее было найти в Государственном архиве Ставропольского края в фонде 377 любопытное письмо, которое непосредственно касалось этой, на данный момент первой выявленной публикации начинающего историка.

25 августа 1848 г. «в Таганрог из деревни Антиповка» [7, л. 99 об.], далее в Екатеринодар, на имя дежурного штаб-офицера Войскового дежурства Черноморского Казачьего войска Ивана Евдокимовича Порохни, хорошего знакомого Ивана Диомидовича Попко, к которому историк ходил в гости достаточно часто, чтобы можно было назвать его другом, Алексеем Корсуновым было отправлено письмо, в итоге оказавшееся в архиве И. Д. Попко. Такое могло произойти только в одном случае, если ему его передал сам получатель.

Настоящим адресатом должен был стать именно Иван Диомидович. Такая путаница произошла из-за того, что статья,

занимающая две полосы газеты, была подписана инициалами «И... П... », а Корсунов, основываясь на этом сделал вывод, что Иван Евдокимович и был ее автором.

Лишним подтверждением этому предположению служит то, что отправитель в своем послании обращается к «Милостивому государю Ивану Евдокимовичу» и добавляет: «как бы то ни было, а мы знакомы хотя по переписке», перечисляя всех знакомых ему родственников дежурного штаб-офицера: «из Новоселицы¹ переселялись в Черноморию все Порохни: старуха вдова Порохниха, сын ее отец Роман, супруга его Авдотья Павловна – дочь грека Сенатоса и Ульяны Алексеевны, моей крестной матери, с детьми их Львом, моим односумом, Анною и еще не помня какими по именам; да брат отца Романа, офицер, не помня его имени, у него нос был короткий, круглого лица, как теперь его вижу, черноволосый как и все Порохни и порохники черноволосые. Помню Симянка, девятку Маскинныченка, Белого и другого Белого, у которого была жена... родня Порохням, сын Никитка, мой односум; других не вспомню, их много пошло из Новоселицы самой, а кроме того великое множество из Самари, т. е. из селений по реке этого имени» [7, л. 99, 99 об.].

К тому же, обращаясь к Ивану Евдокимовичу, он сообщал, что «я отношусь по этому предмету к Вам», потому что «статья о празднике 11-го Мая подписана двумя литерами И. П. Другого, кроме Вас, не знаю и не слышал, чтобы его имя и фамилия подходила к литерам» [7, л. 99]. Это говорит о том, что отправитель не был знаком с И. Д. Попко и даже не знал о его существовании.

К сожалению, личность адресанта установить не удалось, хотя в тексте послания он называл себя «...сын Щирого Запорожца и свидетель переселения множества из Новоселицы – родины моей – на Тамань...» [7, л. 98 об.], добавлял, что «меня звали Антипенко» и просил «откликнуться, может быть, к ридному² земляку» [7, л. 99 об.].

Можно только предполагать, почему он сменил фамилию, но жил он в деревне Антиповка. К сожалению, за прошедшие 175 лет многие населенные пункты прекратили свое существование, другие сменили название, поэтому откуда было отправлено

¹ Новоселица – центр Самарской паланки, самой богатой и густонаселенной административно территориальной единицы Запорожской Сечи в XVIII в.

² (укр.) родному.

послание, так же не поддается точной идентификации. На данный момент по дате основания и близости расположения подходит деревня Антиповка, расположенная в Воронежской области.

Далее он писал, что ему было приятно «прочитать в Кавказе, № 27, статью «Войсковый праздник Черноморских казаков 11 мая» [7, л. 98] и по следующему замечанию можно сделать вывод, что он еще застал живого А. А. Головатого, войскового судью и одного из основателей Черноморского казачьего войска: «тут же появилась изуродованная песнь, сочиненная бывшим в местечке Новоселице начальником капитаном Антоном Головатым. Там в те времена называли его Антошкой; впрочем, он настояще был Антон Андреевич, человек помазался школою, правота или проноза¹ – забавник».

После того как в 1775 г. по указу Екатерины II Запорожская Сечь была ликвидирована, часть казаков перешла на русскую службу, но многие из них еще помнили о казачьей вольнице и надеялись ее в некоторой форме возродить. По совету Светлейшего Князя Григория Потемкина, благоволившего казакам, они во время путешествия императрицы в Крым ходатайствовали перед ней о создании из части бывших запорожских казаков «Войска верных казаков».

В 1792 г. делегация во главе с А. А. Головатым прибыла в столицу с прошением о предоставлении казакам земель для проживания на Керченском полуострове, Тамани и по правому берегу р. Кубань. Переговоры шли нелегко, но в итоге на приеме у Екатерины II в конце 1792 г. войсковому судье были вручены документы на пожалованные «в вечное и потомственное владение» земли.

Казаки были довольны вновь обретенным землям, и в честь этого события Антон Андреевич написал ставшую народной песню «Ой, годи ж нам журытыся».

Заставший Головатого в живых, и являвшийся очевидцем происходивших исторических событий, Алексей Корсунов считал себя вправе дать, как он полагал, правильную версию песни, в письме названной «Песня Черноморских казаков» (см. рис. 1, 2). «Как же это изволите усмотреть из прилагаемого при сем листа», мотивируя это тем, что «выучил ее в свое время на память, как отче наш» [7, л. 98 об.] и замечал, что

¹ (укр.) пройдоха, проныра.

«первые строки настоящие, а вторые спорченные на казацкий лад» [7, л. 100]. Делая замечания к началу песни, которая в статье начинается «Гой годъ нам журитися», он писал, что она должна начинаться «Ой годи ж нам журитися», объясняя это тем, что «казалось бы, складнее было на малороссийском наречии, начать «Ти годи ж нам журитися», но уж принято вообще начинать с «Ой», а что за гой, хто його знае. У москалей есть «Гой еси добрый молодец», и многие подобные сему Гои. Головатый был Бурсин, т. е. ученик Киевской Бурсы; он знал, что Гой годи: ... не складно в песне» [7, л. 100].

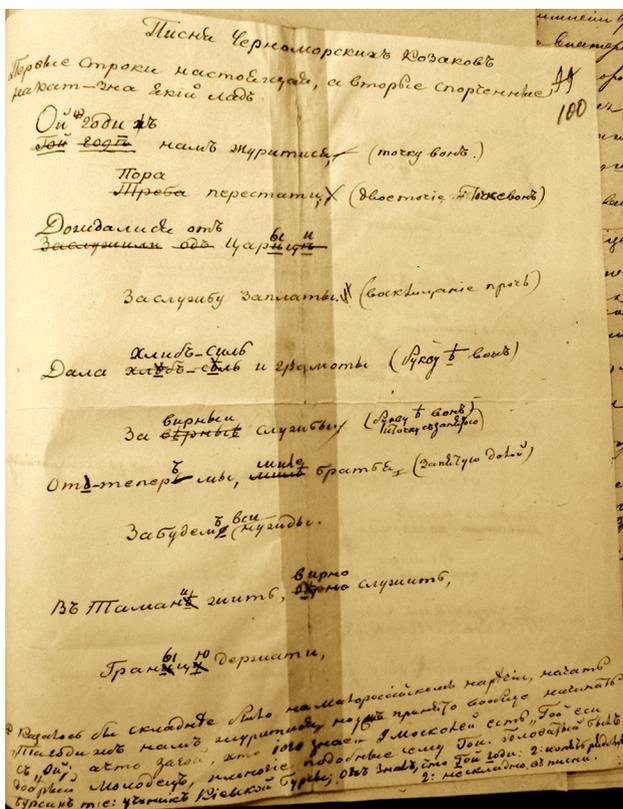


Рис. 1. Государственный архив Ставропольского края.
Ф. 377. Оп. 1. Д. 8. Л. 100.

Рыбу ловить, ворж^{ку} пить,
 Ще ибудайт
~~Ще~~ и бурей боваст^и. (конец слов)

Эта все ^{што} можно есттиса

И х^иа робит^и (конец слов,
 а конец слов)

А то ^{триде} и ^{ирвяд} из нево~~во~~
 Шо ^ввра
 (Ах вора бита)

Слава^и Богу ^и Царю^и (конец слов)

Алой Гетману! ^{придвинь} ^{судей} ^{судей}

Дилии наш^и
~~Косови~~ в сердцах наших
 Великую
 Горькую риму, (конец слов)

Да ^{добра} ^вмиле ^{миле}
 Подвину Царю^и

Толмачи Богу (конец слов)

Шо вона наш ^{указ} (конец слов)

Тамаш^и
 На ^{дору} (конец слов)

Рис. 2. Государственный архив Ставропольского края.
Ф. 377. Оп. 1. Д. 8. Л. 100 об.

После этого он добавлял, что «не доверяя сам себе, обратился к рассказу Грицка Основьяненка, напечатанному в Отечественных записках 1839 года том VI под статью Головатый» [7, л. 98 об.; 8; с. 1–29]. И предлагает Ивану Евдокимовичу, в том случае если тот не читал и желал бы ознакомиться с ней «переписать и доставить... эту статью, хотя она довольно длинная» [8, л. 98 об.].

Давая свой комментарий к ней, он писал: «там правда есть много брехни, но это не относится к сочинителю статьи, покойному Григорию Федоровичу Квитке, а к самому рассказчику Головатому, который был мастер на это» [7, л. 98 об.].

Нужно заметить, что Г. Ф. Квитка-Основьяненко в молодые годы несколько раз виделся с А. А. Головатым. Его отец был

хорошо знаком с войсковым писарем, который несколько раз проездом был у них в гостях.

Многие современники и исследователи жизни А. А. Головатого разделяли ее на две части: деятельность по организации и отстаиванию интересов Черноморского казачьего войска и личная жизнь, интересы и отношение к рядовой казачьей массе. Если первая часть оценивается положительно, за исключением некоторых нюансов, то ко второй большинство относится несколько негативно. Вот что писал историк кубанского казачества Федор Андреевич Щербина: «А. А. Головатый родился и вырос в привилегированной казачьей среде, очень рано попал в привилегированную среду запорожской старшины, успел в достаточной мере заразиться чиновничьими замашками петербургских вельмож и, занявши место самого влиятельного правителя в Черноморском войске, сам стал завзятым паном. Вот почему и рядовые казаки видели в нем Антона Андреевича, войскового судью, и не находили демократических черт простоты и истинно-товарищеского отношения. Головатый слишком усердно поклонялся кресту, но не тому кресту равноправия и взаимно братских отношений, который был символом страданий Христа за счастье всего человечества, а просто знаку отличия, отделявшему чиновную старшину от рядовых казаков. И не удивительно, что Головатый, устраивая как свою личную жизнь, так и общественные порядки сквозь косые очки пана и панской обособленности, игнорируя интересы рядовой казачьей массы. При выдающимся уме и талантливости, Головатый был сыном своего века, и в погоне за панским блеском и материальными благами, продал под конец своей жизни за чечевичную похлебку исконные казачьи идеалы» [9, с. 531].

Судя по следующему замечанию Алексей Корсунов, он тоже относился к некоторым чертам войскового судьи негативно: «Головатый отправлял сына своего старшего, в Харьков, для учения из деревни своей (по тогдашнему название хутора) названной Веселою Горой к Кильчене (Новомосковского уезда, местечко Новоселица, переименовано городом Новомосковском в 1794 году)» и добавлял «так упоминается в стихах» [7, л. 98 об.]. Делясь воспоминаниями юности, он сообщал Ивану Евдокимовичу, что «сберег переписанные мною, когда еще учился писать стихи его сочинения: «Приветствие к родителям

на отъезд сына» [8, л. 98 об]. На данный момент это послание является единственным источником, в котором упоминается это стихотворение. Соответственно текст его можно считать утерянным. Хотя вполне возможно, что где-то в недрах архивов в будущем можно будет его обнаружить.

Нужно сделать небольшое отступление и сказать, что Антон Андреевич был набожным человеком, много жертвовавшим на строительство церквей не только на Кубани, но и в Новороссии. Кроме этого, он хорошо играл на бандуре¹ и сочинял стихи и песни. Будучи в 1792 г. в Санкт-Петербурге он посещал Эрмитаж. Там же он сочинил две свои песни, ставшие народными: «Вродылися мы в свити нещасливы!» и упомянутую выше «Ой, годи ж нам журытыся».

Продолжая свой короткий рассказ о старшем сыне А. А. Головатого – Александре, Алексей Корсунов отметил, что «он в скорости женился в Азове на немке, штаб-лекарской дочери Шарлотте Христофоровне Песмановой, падчерице коменданта Пекена²; пьяный скакал на лошади и убился с нее, другой сын прапорщик служил в жандармах бедный..., так погибло огромное имение, награбленное отцом» [7, л. 98].

Анализируя послание, можно сделать вывод о том, что его автор был достаточно образованным человеком, чтобы увлекаться историей и выписывать, и читать периодические издания.

Поделившись впечатлениями и сделав замечания, он сделал вывод-предложение: «Да нам и стыдно было бы не поддержать сведения о старине, так могу сказать для Вас; а для меня оно не старина. Я даже готов сделать мои замечания на эту статью из личных сведений и свежих рассказов современников Головатого и моих» [7, л. 99].

Обсуждения и выводы

Неизвестно, был ли отправлен ответ в Антиповку или нет. Возможно, в каком-нибудь архиве под спудом сотен документов пылится ответ, написанный историком. Вероятность его находки весьма мала. А может быть, он исчез во тьме веков,

¹ Бандура – украинский многострунный щипковый музыкальный инструмент, играют на нём пальцами правой руки.

² Пеккен Карл Христианович (1729-...) – ген.-майор, комендант крепости Азов.

способом, о котором писал Иван Диомидович Попко в своем послании В. Ф. Золотаренко [1, л. 67 об., 68].

Что можно сказать точно, то именно о таких подвижниках писал историк, мечтая собрать отряд «историографических саперов», которые работали бы по всему Кавказу, и в определенное время собирались на свои съезды, на которых бы делились своими достижениями и находками, называя их «скромными тружениками, готовыми на историографическое гробокопательство» [10, л. 32 об.].

Кроме этого, эти несколько листов пожелтевшей бумаги позволили подтвердить авторство анонимной статьи «Войсковой праздник черноморских казаков 11-го мая», опубликованной в газете «Кавказ» в 1848 г. и отодвинуть первый литературный опыт И. Д. Попко на два года назад во времени. Это событие позволило поставить точку в вопросе о том, была ли «Записка о состоянии Черноморского казачьего войска с 1 января 1825 г. по 1 января 1850 г.», написанная в 1850 г., первым исследователем с трудом историка.

Список литературы

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 7.
2. И. П. Войсковой праздник черноморских казаков 11-го мая // Кавказ – Тифлис, 1848. – № 27 (3 июля).
3. Дубинин И. В., Иванцов И. Г. Некоторые сведения о военно-политической и административной деятельности генерала И. Д. Попко на Кавказе (1847–1878) // Кавказология. – 2023. – № 2. – С. 24–38. EDN: CRMJJK
4. Иванцов И. Г., Дубинин И. В. Повседневная жизнь сотника И. Д. Попко в Екатеринодаре середины XIX в. // Русская старина. – 2020. – № 11 (1). – С. 41–49. EDN: PPRNLQ
5. Слуцкий А. И. Библиотека генерал-лейтенанта Ивана Диомидовича Попко // Книга: Исследования и материалы – Наука. – 2009. – Сб. 90. – С. 183–192.
6. Трёхбратов Б. А. Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Кубанские краеведы. – 2005. – С. 95–135.
7. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 8.
8. Квитка-Основьяненко Г. Ф. Головатый (материал для истории Малороссии) // Отечественные записки. – 1839. – Т. VI. Отд. II. – С. 1–29.
9. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. История края. Екатеринодар: тип. Кубанского областного правления, 1910. Т. 1. 752 с.
10. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 28.

"We Would Be Ashamed not to Support the Information About the Past". Aleksey Korsunov's Letter in the I. D. Popko Archive

Igor V. Dubinin

The life of historian, ethnographer, educator and general of the Cossack troops Ivan Diomidovich Popko is not only a chain of events, a scattering of facts, administrative work and research and writing activities, but also communication with hundreds of people from different strata of society of that period. He was friends with some (V. F. Zolotarev, I. E. Porokhnya, etc.), he patronized others, and others left only a fleeting trace in his life, often reflected in one or two letters. Aleksey Korsunov became one of these characters. The message he sent from the village of Antipovka and mistakenly addressed to Ivan Evdokimovich Porokhna nevertheless turned up in the archive of I. D. Popko and became the first critical review of his first attributed article published in the "Caucasus" newspaper in 1848.

Key words: The Caucasus, the village of Antipovka, the Black Sea Cossack army, Aleksey Korshunov, Ivan Diomidovich Popko, Ivan Evdokimovich Porokhnya, Anton Andreevich Golovaty.

For citation: Dubinin, I. V. (2024) "Da nam i stydnobylo by ne podderzhat svedeniya o starine". Pismo Alekseya Korsunova v arhive I. D. Popko ["We Would Be Ashamed not to Support the Information About the Past"]. Aleksey Korsunov's Letter in the I. D. Popko Archive]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 2. Pp. 230–241. (In Russ.) DOI: 10.35231/25422375_2024_2_230. EDN: ZEROJT

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraja (GASK)* [The State Archive of the Stavropol Territory (hereinafter – GASK)]. F. 377. Op. 1. D. 7.
2. I. P. (1848) *Vojskovoju prazdnik chernomorskih kazakov 11-go maya* [Military holiday of the Black Sea Cossacks on May 11-th]. *Kavkaz. Tiflis* [Caucasus. Tiflis]. No. 27 (July 3). (In Russ.)
3. Dubinin, I. V., Ivantsov, I. G. (2023) *Nekotorye svedeniya o voenno-politicheskoj i administrativnoj deyatel'nosti generala I. D. Popko na Kavkaze (1847–1878)* [Some information about the military-political and administrative activities of General I. D. Popko in the Caucasus (1847–1878)]. *Kavkazologiya* [Caucasology]. No. 2. Pp. 24–38. (In Russ.) EDN: CRMJJK
4. Ivantsov, I. G., Dubinin, I. V. (2020) *Povsednevnyaya zhizn' sotnika I.D. Popko v Yekaterinodare seređiny XIX v.* [The daily life of the centurion I.D. Popko in Yekaterinodar in the middle of the 19th century]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. Rostov-on-Don. No. 11 (1). Pp. 41–49. (In Russ.) EDN: PPRNLQ
5. Slutsky, A. I. (2009) *Biblioteka general-lejtenanta Ivana Diomidovicha Popko* [Library of Lieutenant General Ivan Diomidovich Popko]. *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Research and materials]. Moscow: Science. Coll. 90. Pp. 183–192. (In Russ.)
6. Tryokhbratov, B. A. (2005) *Zhiznennyj put' i tvorcheskoe nasledie Ivana Diomidovicha Popko* [The life path and creative legacy of Ivan Diomidovich Popko]. *Kubanskiye kravevedy* [Kuban local historians]. Krasnodar. Pp. 95–135. (In Russ.)
7. GASK. F. 377. Op. 1. D. 8.
8. Kvitka-Osnovyanenko, G. F. (1839) *Golovatyj (material dlya istorii Malorossii)* [Golovaty (material for the history of Little Russia)]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. St. Petersburg. Vol. 6. Ed. 2. Pp. 1–29. (In Russ.)

9. Shcherbina, F. A. (1910) Istoriya Kubanskogo kazachego vojska. Istoriya kraja [The history of the Kuban Cossack army. The history of the region]. Yekaterinodar: typ. Kuban regional Government. Vol. 1. (In Russ.)

10. GASK. F. 377. Op. 1. D. 28.

Об авторе

Дубинин Игорь Владимирович, соискатель, Северо-Кавказский федеральный университет; заведующий библиотекой, Динской механико-технологический техникум, Краснодарский край, ст. Динская, Российская Федерация; e-mail: titlo@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0006-5217-985X

About the author

Dubinin Igor V., Applicant of the North Caucasus Federal University, Head of the Library of the State Budgetary Professional Educational Institution of the Krasnodar Territory "Dinskoy Mechanical and Technological College". Krasnodar Territory, Dinskaya station, Russian Federation; e-mail: titlo@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0006-5217-985X

Статья поступила в редакцию 31.01.2024

Одобрена после рецензирования 11.03.2024

Принята к публикации 18.03.2024

Г. И. Григоров в Институте красной профессуры

Е. В. Никуленкова

В статье рассматривается биография Григория Исаевича Григорова (1900–1994), в частности, период его обучения в Институте красной профессуры (ИКП). Революционная деятельность Г. И. Григорова началась в годы Гражданской войны. Желание получить образование и заниматься научной работой привело его на философское отделение ИКП. Он стал слушателем только что созданного Института, хотя и проучился там недолго – с осени 1922 до лета 1923 г. Г. И. Григоров был отчислен за свои взгляды, положительное отношение к философам-идеалистам, независимый характер и стремление по каждому вопросу высказывать свое мнение. Протестуя против этого решения, и желая заниматься наукой, он сделал все возможное, чтобы остаться в Институте, не соглашаясь с решением аттестационной комиссии. «Дело Григорова» широко обсуждалось и в ИКП, и в ЦК РКП(б). Тем не менее из Института красной профессуры он был исключен и отправлен на работу в провинцию для «повышения политической грамотности».

Ключевые слова: Г. И. Григоров, философы-марксисты, Институт красной профессуры, философское отделение, подготовка научных кадров, «чистки» в Институте красной профессуры.

Для цитирования: Никуленкова Е. В. Г. И. Григоров в Институте красной профессуры // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 242–261. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_242. EDN: ZICCKS

Введение

Григорий Исаевич Григоров (1900–1994) – коммунист, участник Гражданской войны, преподаватель, политический заключенный. Он пережил многих современников, несмотря на то, что значительную часть жизни провел в тюрьме как оппозиционер. О своей сложной и насыщенной событиями жизни он написал воспоминания, опубликованные в нашей стране в XXI веке [1; 2]. Именно тогда его имя стало известно широкому кругу людей, интересующихся политической историей 1920-х – 1930-х гг., особенно темой сталинских репрессий.

В советской историографии имя Г. И. Григорова совсем не упоминалось в связи с тем, что значительную часть жизни он провел в сталинских лагерях и финском плену. Освобожден из заключения он был только в 1955 г., а реабилитирован в 1965 г. [1, с. 9]. Именно тогда Г. И. Григоров начал работу над воспоминаниями. В годы перестройки в нашей стране изменилось отношение к оппозиции и ее лидерам – Л. Д. Троцкому, Г. Е. Зиновьеву, Н. И. Бухарину и другим. Их перестали причислять к «врагам народа». Все они были реабилитированы. С конца 1980-х гг. было издано много публикаций, посвященных жертвам сталинских репрессий, имена этих людей были возвращены в отечественную историю [3; 4]. Однако, статей, посвященных Г. И. Григорову, не было. В 1989 г. Григорий Исаевич переехал в Израиль, где закончил работу над своими воспоминаниями. В Израиле в 1994 г. он и скончался.

В научной литературе имя Г. И. Григорова стало появляться с конца 1990-х гг., прежде всего в статьях, посвященных Институту красной профессуры, в котором он проучился один учебный год. Как правило, его имя упоминалось в связи с громким исключением с философского отделения Института красной профессуры¹ [5, с. 97].

В 2012 г. вышла статья С. Н. Корсакова, посвященная репрессиям в Институте философии в 1930-е – 1940-е годы [6]. В этой публикации содержатся очень ценные приложения. Автор приводит списки репрессированных философов, как сотрудников Института философии, так и философов, не работавших в Институте. Имя Г. И. Григорова (с указанием его арестов и приговоров

¹ Никуленкова Е. В. Институт красной профессуры – большевистский идеологический и научный центр (1921–1930 гг.): дис ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 68–70.

с 1928 по 1955 г.) приводится во втором списке (не работавших в Институте философии) среди немногочисленных фамилий тех, кому удалось дожить до реабилитации [6; с. 166–167].

В 2018 г. была опубликована статья В. Н. Гузарова, посвященная истории Томского университета в 1920-е гг. Г. И. Григоров там упоминается, как один из преподавателей – выпускник Института красной профессуры [7, с. 8]. В Томском университете он проработал всего несколько месяцев в 1924 г., и был уволен за оппозиционные взгляды.

Изданные в нашей стране в 2000-е гг. воспоминания Г. И. Григорова, способствовали росту интереса к его персоне, и позволили использовать более обширный материал о его жизни [1; 2]. Характеристики, которые дает Г. И. Григоров своим современникам – преподавателям и слушателям Института красной профессуры – довольно интересны и были использованы в ряде публикаций, где анализировались воспоминания выпускников ИКП [8–10].

В 2023 г. вышла монография Д. А. Баринаова, посвященная политической борьбе в высшей школе Петрограда/Ленинграда в 1920-е – начале 1930-х гг. [11]. В ней рассматривается деятельность оппозиционеров, в том числе троцкистов. Г. И. Григорову уделено значительное внимание, т. к. во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. он работал в Ленинграде. В монографии приводится информация из воспоминаний Григория Исаевича, посвященная деятельности левой оппозиции, в том числе троцкистов. Д. А. Баринаов отмечает, что многие ленинградские оппозиционеры конца 1920-х – начала 1930-х гг. были выпускниками первых двух выпусков Института красной профессуры. К их числу он относит и Г. И. Григорова [11, с. 150].

Таким образом, опубликованных работ о жизни и деятельности Григория Исаевича Григорова немного. Интересно, что в литературе он рассматривается как философ – выпускник Института красной профессуры [7, с. 8; 11, с. 150]. Но в ИКП он проучился всего один учебный год на первом курсе и был отчислен. Институт он не закончил, тем не менее это не помешало ему во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов преподавать гуманитарные дисциплины в разных учреждениях, в том числе высших учебных заведениях.

Целью работы является рассмотреть биографию Г. И. Григорова, прежде всего, период его обучения в Институте красной

профессуры. При этом важно отдельно остановиться на процедуре и причинах его исключения из ИКП.

Источниковая база данного исследования основывается на архивных документах, в которых содержится информация об учебе Г. И. Григорова в Институте красной профессуры. Преимущественно, это материалы, хранящиеся в Фонде Института красной профессуры в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Это протоколы заседаний, в том числе тех, на которых обсуждалось «дело Григорова», давалась характеристика его работе, а также его личное дело [12]. Кроме того, источниками являются материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Это протоколы и документы, хранящиеся в фонде ЦК КПСС, поступившие в Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) по пересмотру решений в отношении слушателей Института красной профессуры [13].

Важным источником являются воспоминания Григория Исаевича [1; 2]. Работать над воспоминаниями он начал после своей реабилитации в 1965 г. Мемуары он посвятил жене – Дине Ефимовне Белоцерковской (урожденная Гольденберг). Это героическая женщина, которая прошла Гражданскую войну и всегда во всем поддерживала мужа. В 1935 г. ее тоже осудили, правда не на пять лет заключения, как мужа, а на три года ссылки. Но она попросила заменить ссылку на заключение в лагерь вместе с мужем, отправившись вместе с ним по этапу [2, с. 246]. Хронологически воспоминания охватывают период с 1905 г. – с еврейских погромов, которые произвели сильное впечатление на автора – до 1972 г. – смерти жены. Наиболее подробно освещаются события Гражданской войны, 1920-х – начала 1930-х годов, когда Г. И. Григоров учился и преподавал, а затем период нахождения в сталинских лагерях. Автор пишет о происходивших в то время в стране событиях, своих друзьях и врагах, рассуждает о том, что произошло в нашей стране, и как получилась, что многие идейные коммунисты, боровшиеся против царского режима и отсидевшие в царской тюрьме, затем оказались в советских тюрьмах и были расстреляны. Работу над воспоминаниями он закончил в Израиле, куда переехал в 1989 г. В России первая часть воспоминаний (1905–1927 гг.) была издана в 2005 г., вторая (1928–1972 гг.) – в 2010 г. [1; 2].

Интересным источником является и произведение художественной литературы. Его автором стал В. Н. Астров (1898–1993) – выпускник исторического отделения, учившийся одновременно с Г. И. Григоровым в ИКП. Это единственный представитель «бухаринской школы», которому удалось пережить репрессии. В 1960-е гг. В. Н. Астров написал роман «Круча», главный герой которого учился в Институте красной профессуры в начале 1920-х гг. [14].

Результаты

Григорий Исаевич Григоров (настоящая фамилия Монастырский) родился в 1900 г. в городе Стародубе Черниговской губернии в еврейской семье. Он был шестым ребенком в семье. После него на свет появилось еще двое детей [1; с. 13, 23]. Через год после рождения Григория Исаевича его семья переехала в город Александровск Екатеринославской губернии [1, с. 13]. Достаток в семье всегда был «ниже среднего», хотя все работали. Отец – портным, старшие братья – на фабрике парусиновых туфель, старшие сестры – на табачной фабрике [1; с. 23, 27]. С 8 до 11 лет он учился в еврейской школе. Учебу он вспоминал как праздник, и мечтал поступить в гимназию. Материальные трудности семьи не дали ему возможность продолжить учебу, и он пошел работать на фабрику парусиновых туфель [1; с. 27–28]. В 1912 г. семья переехала на станцию Лозовая – крупный железнодорожный поселок в Екатеринославской губернии [1, с. 36]. До 16-летнего возраста Г. И. Григоров успел поработать в разных местах, был разносчиком газет, работал парикмахером [1; с. 31, 41].

В 16 лет Григорий Исаевич один отправился жить в Екатеринослав – крупный промышленный центр (позже – Днепропетровск, ныне город Днепр). Там он устроился работать на Брянский завод (ныне Днепровский металлургический завод). На заводе были рабочие кружки, в которых молодые студенты бесплатно обучали рабочих русскому языку, арифметике, литературе и другим предметам. Они и стали его друзьями и учителями [1; с. 51–53]. Благодаря этим занятиям, Г. И. Григоров получил знания по ряду предметов, в том числе истории, физике, химии, биологии, немецкому и латинскому языку, а также познакомился с революционными идеями. Как писал

Григорий Исаевич в своих воспоминаниях, это помогло ему в 1917 г. успешно сдать экзамен за полный гимназический курс во Второй классической гимназии Екатеринослава. Правда, этот факт он не упоминает в своей автобиографии, написанной в 1922 г., а говорит об этом только в воспоминаниях [1, с. 56].

После февральских событий 1917 г. Г. И. Григоров принимал участие в организации школ для взрослых рабочих, занимался в марксистских кружках [3, л. 7]. В 1919 г. Григорий Исаевич был принят в партию и стал членом РКП(б) [1, с. 109; 3, л. 1]. После этого его мобилизовали в Красную армию, где он был политруком и пропагандистом [1, с. 109–111]. Для подпольной работы его отправили в Екатеринослав, который в это время был занят денкинцами. Там Г. И. Григоров был связным, сотрудничал в подпольной газете [3, л. 7]. Именно в Екатеринославском подполье в 1919 г. Г. И. Монастырский и получил кличку Григоров, которая стала его фамилией на всю жизнь [1, с. 13].

В Екатеринославе Г. И. Григоров был схвачен белогвардейцами и заключен в тюрьму. От расстрела его спасли махновцы, занявшие город. После освобождения Екатеринослава Красной армией, Григорий Исаевич был направлен в город Павлоград, где занимался политпросветительской работой. Как указано в его автобиографии, написанной в 1922 г., в июле 1920 г. он был откомандирован в Москву для обучения на рабфаке в целях «пополнения элементарного образования» [3, л. 7]. В воспоминаниях переезд в Москву описан иначе. Он был назначен начальником эшелона и должен был доставить в Москву 500 человек – мобилизованных в армию украинцев. Их надо было передать в распоряжение Политуправления республики [1, с. 205]. Г. И. Григоров очень хотел учиться в Московском университете, а для этого необходимо было демобилизоваться. Поэтому оказавшись в Москве, он получил направление в военно-учебное заведение – на военно-инженерные курсы. Затем, устроившись работать политруком в московских госпиталях, он получил в ЦК РКП(б) направление на рабфак Московского университета [1; с. 217–227]. «Вскоре меня демобилизовали, и я мог воскликнуть: "Прощай, оружие, и да здравствует наука!"», – писал он [1, с. 228].

Обучаясь на рабфаке, Г. И. Григоров одновременно читал лекции при Губполитпросвете военкомата, а затем при Московском комитете РКП(б) [3, л. 7]. В Москве он сблизился с брать-

ями Косиорами: Владиславом (Владимиром), Иосифом и Станиславом. Последнего он знал еще с 1919 г. как руководителя украинского подполья в годы Гражданской войны [1, с. 237]. Особенно теплые отношения у него сложились с Владиславом (Владимиром Викентьевичем) Косиором и его женой Прасковьей Григорьевной Куниной. Благодаря им он познакомился с Диной Ефимовной Белоцерковской – разведенной женщиной с двумя детьми, – на которой вскоре женился [1, с. 246].

После окончания рабфака, в 1921 г. Г. И. Григоров поступил на факультет общественных наук (ФОН) Московского университета, одновременно работая штатным лектором губполитпросвета [3, л. 7]. Во время обучения в Московском университете, он слушал лекции историка М. Н. Покровского и Л. И. Аксельрод. Любовь Исааковна Аксельрод преподавала философию, и именно она посоветовала Григорию Исаевичу поступать на философское отделение Института красной профессуры (ИКП) [1, с. 286].

Летом 1922 г. Г. И. Григоров подал документы в Институт красной профессуры – «привилегированное учебное заведение» [1, с. 285]. ИКП был создан в 1921 г. для подготовки преподавателей-марксистов по общественным наукам для высшей школы. «Принятым в этот институт предоставляли отдельные комнаты для занятий, назначали максимальную зарплату. При институте была создана замечательная столовая по типу кремлевской», – вспоминал Г. И. Григоров [1, с. 287]. Для поступления в ИКП им были представлены рекомендации ЦК РКП(б), МК РКП(б) и Московского губполитпросвета [3, л. 5].

Экзамены в ИКП были сложными, и Г. И. Григоров усиленно к ним готовился. Сначала нужно было быть допущенным мандатной комиссией, в которую входили представители ЦК партии, Правления и слушателей института. После этого, представить самостоятельную письменную работу по избранной специальности [4; с. 21–22]. Г. И. Григоров подготовил доклад на тему «Материалистическое объяснение истории» на 28 листах [3; л. 8–35]. Над докладом он работал больше восьми месяцев, практически не выходя из библиотеки [1, с. 285]. Работу проверял А. М. Деборин, возглавлявший философское отделение ИКП. В его отзыве было отмечено, что работа удовлетворительная и достаточная для допущения автора к устным

испытаниям [3, л. 1]. После этого, можно было сдавать экзамены по теоретической экономии, философии, истории русской и всеобщей [3, л. 1]. В результате, Г. И. Григоров был принят в ИКП, и получил отдельную комнату. Сам он оценивал это событие как «приобщение к привилегированной касте»: «ни один старый профессор не имел таких благоприятных условий для научной работы» [1, с. 288]. Это действительно давало широкие возможности заниматься научно-преподавательской деятельностью, о которой он так мечтал.

Об учебе в Институте красной профессуры, преподавателях и слушателях ИКП Г. И. Григоров оставил довольно интересные воспоминания, несмотря на то, что проучился он там недолго: с осени 1922 до лета 1923 г. (один учебный год). Конечно, на этих воспоминаниях не могли не отразиться его дальнейшая судьба и обида на то, что пребывание в этом учреждении для него оказалось столь коротким.

Из преподавателей, наиболее теплые отношения у него сложились с Л. И. Аксельрод (Ортодокс). В ее семинаре по философии он и работал на 1 курсе. Любовь Исааковна была соратницей Г. В. Плеханова, бывшей народницей, а затем членом группы «Освобождение труда». По мнению Г. И. Григорова, она «отличалась принципиальной и политической честностью», и до конца жизни оставалась верна своему учителю [1, с. 289]. В семинаре Л. И. Аксельрод изучались вопросы истории философии. Лекционных курсов в ИКП не было, слушатели сами делали доклады, посвященные взглядам того или иного философа: Платона, Аристотеля, Эпикура, средневековых схоластов, английских и французских материалистов и др. Г. И. Григоров подготовил научный доклад, посвященный философской системе Б. Спинозы. В докладе он показывал, что «свобода как осознанная необходимость была разработана Спинозой задолго до Гегеля, Маркса и Энгельса». Он очень высоко оценивал творчество Б. Спинозы, и даже считал его теорию «четвертым источником марксизма» [1, с. 290]. В ходе обсуждения доклада, как вспоминал Г. И. Григоров, его обвинили в ревизионизме [1, с. 290]. Слишком восторженное отношение к Спинозе одного из слушателей ИКП высмеивается и в романе В. Н. Астрова «Круча». Автор описывал, как один икапист на политзанятиях в воинской части Московского гарнизона «желая блеснуть

эрудицией», прочитал красноармейцам лекцию о философии Спинозы. Это не понравилось командиру, который потребовал заменить руководителя кружка [14, с. 58].

Вторым семинаром, в котором работал Г. И. Григоров, был семинар по теоретической экономии, в котором разбирался «Капитал» К. Маркса. В своих воспоминаниях Григорий Исаевич отмечал, что семинаром руководил бывший меньшевик, экономист Исаак Ильич Рубин. Но документы Института красной профессуры указывают, что (по крайней мере, весной 1923 г.) семинаром руководил специалист по аграрной истории Петр Иванович Лященко [15, л. 99]. Именно он дал высокую оценку работе Г. И. Григорова летом 1923 г. Вероятно, руководители семинара менялись в течении года, и сначала семинаром руководил И. И. Рубин, затем его сменил П. И. Лященко.

Г. И. Григоров учился на 1 курсе второго набора ИКП. Это значит, что всего в Институте красной профессуры в 1922/1923 уч. году было два курса, общим количеством примерно 150 чел. [16, с. 87]. На первом курсе в это время учились слушатели С. А. Бессонов, Г. П. Марецкий, А. И. Стецкий, С. Я. Бабахан, Н. Н. Вананг, Б. Б. Граве, С. М. Дубровский, А. Н. Слепков, Н. А. Карев, И. К. Луппол, О. М. Танхилевич, Г. С. Тымянский и др. На втором (вместе с Г. И. Григоровым) – В. Н. Астров, Г. С. Зайдель, А. М. Панкратова, П. С. Виноградская, Я. Э. Стэн и др. [17; л. 26–36].

По мнению Г. И. Григорова, студентов ИКП можно было разделить на две группы: одни напряженно учились, занимались наукой, другие были больше увлечены партийной карьерой [1, с. 289]. К первым он относил М. Л. Ширвиндта, Г. С. Тымянского, Г. Я. Яковина, Ф. Н. Дингельштедта, А. Ф. Вишневского, Н. А. Карева, А. К. Столярова, О. М. Танхилевич. «Все они пришли в ИКП не ради карьеры, а для приобретения знаний, напряженно учились, разрабатывали свои очень серьезные и интересные научные темы» [1; с. 291–292]. Безусловно, эти слушатели были ему ближе по взглядам, со многими из них позже его связывала оппозиционная деятельность [11, с. 150]. Вторую группу слушателей он пренебрежительно называл «бухаринской школкой». К ним он относил А. Н. Слепкова, А. И. Стецкого, Г. П. Марецкого, В. Н. Астрова, А. М. Панкратову и др. [1, с. 291]. «Большинство из них вошло в партбюро института и приняло на себя функции контроля и рецензирования мыслей студентов», – писал он [1,

с. 291]. В своих воспоминаниях Г. И. Григоров относился к ним негативно, называл «политическими авантюристами и клеветниками», отмечая их вклад в дальнейшую фальсификацию истории [1; с. 291–292].

Помимо семинарской (академической), слушатели ИКП должны были заниматься и партийно-педагогической работой. Г. И. Григоров, например, был направлен в Медицинский институт читать лекции и руководить семинаром по философии [1, с. 292]. Партийной и педагогической работой слушателей, как отмечалось в Уставе ИКП, руководил ЦК РКП(б) через бюро коммунистов Института [16, с. 77]. Именно бюро слушателей-коммунистов давало оценку этой работе. Так, летом 1923 г. при решении вопроса о переводе с одного курса на другой, необходимо было руководствоваться следующими сведениями: «Учет прошлой работы слушателей в партии и на советской работе; наличие у слушателя организаторских способностей; участие в партийной работе в настоящее время. Кроме этой оценки ... принимались во внимание данные, характеризующие марксистскую подготовку слушателей: педагогическая работа, академическая работа. Особо отмечались в нужных случаях личные качества того или иного слушателя и те объективные факты, которые характеризуют его личный и политический облик в настоящий момент: был ли членом других партий, партийная устойчивость, отношение к партийным обязанностям и т. д.» [18, л. 1]. «Чистка» (или проверка) состава слушателей 1923 г. в Институте красной профессуры описана и в романе В. Н. Астрова «Круча». Автор назвал это мероприятие «Бородинской битвой» [14, с. 106].

В мае 1923 г. в ИКП была создана комиссия по «чистке», которая рассматривала вопрос о переводе слушателей с одного курса на другой. В состав комиссии вошли слушатели-коммунисты И. П. Капитонов, Я. Э. Стэн, И. С. Фендель, А. И. Стецкий, А. Я. Троицкий, А. Н. Слепков и С. Н. Радин¹. Рассмотрев материалы академической, партийной и педагогической работы, они решали вопрос о том, кто может продолжить обучение в ИКП, а кого надо отчислить. Свои предложения они выносили на обсуждение бюро ячейки коммунистов, а затем – на утвержде-

¹ Никуленкова Е. В. Институт красной профессуры – большевистский идеологический и научный центр (1921–1930 гг.): дис ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 68–69.

дение Правления. 20 июня 1923 г. названная комиссия дала Г. И. Григорову следующую характеристику: «...проявил себя в академическом отношении как весьма посредственный, мало подготовленный слушатель, бесспорно имеющий мало шансов выработаться в преподавателя высшей школы. В выступлениях вне Института ... неоднократно компрометировал институт "нелепыми" – по характеристике всех присутствовавших там слушателей ИКП – речами. В партийно-педагогической работе – по мнению Сокольнического райкома РКП – Григорову мешало излишнее и недопустимое внимание к материальным условиям работы...», которая «...как правило, не оплачивается» [15, л. 101]. Далее было рекомендовано «направить его на работу в пролетарский район» [15, л. 101]. Помимо этого, члены комиссии вспомнили, что при поступлении в ИКП Григоров «провалился» на экзамене по экономии, и был принят «условно», после переэкзаменовки [15, л. 101].

Вся биография Григория Исаевича и его рассуждения о жизни показывают, что он никогда не относился к инертной массе людей, и всегда открыто и смело заявлял о своих взглядах, протестовал против решений, с которыми был не согласен. Поэтому вполне естественно, что он выступил с заявлением, в котором потребовал отменить постановление об исключении его из ИКП. Оно рассматривалось на заседаниях бюро коммунистов-слушателей ИКП в конце июня 1923 г. Тем не менее, решение осталось прежним.

Обвинения в академической неуспеваемости явно не соответствовали действительности, о чем свидетельствовали характеристики преподавателей – П. И. Лященко и Л. И. Аксельрод. Давая характеристику в июне 1923 г. слушателям, работавшим в его семинаре по экономике, П. И. Лященко отмечал, что доклад Г. И. Григорова был одним из лучших [15, л. 101].

Заявление о восстановлении Г. И. Григорова в Институте красной профессуры рассматривалось и на заседании Правления 5 июля 1923 г. Но и оно приняло решение «считать целесообразным направить [Г. И. Григорова] на массовую работу, и только после этого, но не ранее чем через год, дать ему возможность снова подвергнуться вступительным испытаниям в ИКП» [15, л. 109].

Комиссия по пересмотру [состава] слушателей ИКП 6 июля 1923 г. утвердила решение комиссии по «чистке», по-прежне-

му аргументируя это тем, что Г. И. Григоров «не вполне удовлетворял требованиям приема и не проявил себя достаточно в академической работе» [15, л. 111]. Кроме того, Г. И. Григоров характеризовался как человек, отличающийся «большой самонадеянностью, доходящей до партийной невыдержанности, почему во всех выступлениях рекомендуется подчинять его контролю партийных органов» [13, л. 7]. Правда, при этом уже признавалось, что в академической работе он «не проявляет абсолютной неспособности» [13, л. 7].

Помимо преподавателей (Л. И. Аксельрод и П. И. Лященко), против исключения Г. И. Григорова выступали и его однокурсники – слушатели первого курса философского отделения. Они написали в бюро коммунистов ИКП заявление, в котором просили пересмотреть принятое решение, отмечая, что за время обучения тов. Григоров «проявил себя как один из наиболее способных слушателей», поэтому с академической точки зрения, к нему не может быть никаких претензий [13, л. 15]. По мнению однокурсников, и «с партийной стороны», Г. И. Григоров «проявил себя в стенах ИКП в лучшем смысле» [13, л. 15]. Выступление же «по теоретическим вопросам» вне Института, «хотя и может быть ему поставлено на вид как нетактичное... не должно служить мотивом для исключения..., хотя бы потому, что в свое время Бюро не сделало т. Григорову никакого замечания или предупреждения по этому поводу». Слушатели просили передать его дело для рассмотрения в партсуд, а до решения этого вопроса считать его слушателем ИКП [13, л. 15].

Против исключения Г. И. Григорова также выступали работники Агитпропа Сокольнического райкома партии и член Президиума ВЦСПС Владислав Викентьевич (Владимир) Косиор, с которым у Г. И. Григорова сложились дружеские отношения. Так, заместитель заведующего Агитационным отделом Сокольнического райкома партии тов. Черняк (тот самый, на мнение которого ссылались, обвиняя Г. И. Григорова в шкурничестве), давший до этого Григорию Исаевичу нелестный отзыв, брал свои слова обратно. Теперь он, отказываясь от обвинений, пояснял, что «разговор об оплате лекционных часов» был до зачисления Г. И. Григорова в ИКП, и был обусловлен тяжелым материальным положением его семьи, о которых Агитпроп

не знал [13, л. 18, 21]. Имелось в виду, наличие у него безработной жены и двоих малолетних детей.

В направленном в ИКП заявлении В. В. Косиор отмечал, что обвинения Г. И. Григорова в «шкурничестве и недостаточных академических способностях» опровергнуты фактами. Выдвинутые же упреки в «экспансивном характере и нетактичности» не могут быть поводом для отчисления. Первоначально нелестный отзыв тов. Черняка, В. В. Косиор объяснял тем, что Г. И. Григоров «будучи не всегда в достаточной степени выдержанным, позволял себе иногда резкую полемику с теми товарищами, которые его не в меру использовали для лекционной работы, не обращая при этом никакого внимания на условия его жизни» [13, л. 21]. В. В. Косиор также заметил, что попытка отчислить Г. И. Григорова, свидетельствует о «ненормальных приемах», которыми пользуется комиссия по «чистки» в ИКП. Он считал, что действительная причина отчисления Григория Исаевича, заключается в том, что у члена комиссии по «чистке» Я. Э. Стэна были с ним «личные счета» [13, л. 34].

Таким образом, в ходе рассмотрения «дела Григорова», причины, названные комиссией как аргумент для исключения из Института, постепенно отпадали одна за другой. Первоначально его обвиняли в недостаточных академических способностях, потом «шкурничестве», и наконец, в невыдержанности и нетактичности. Все попытки восстановить Г. И. Григорова в составе слушателей ИКП не увенчались успехом. Конечно, здесь имели место личные отношения и боязнь того, что пересмотр дела создаст прецедент, и «все будут подавать заявления о пересмотре» [13, л. 34].

Сам Григорий Исаевич в своих воспоминаниях отмечал, что причиной, развернувшейся против него кампании, стал его доклад в Медицинском институте. Именно там в рамках педагогической практики он вел курс диалектического материализма и руководил семинаром по философии [1, с. 292]. Во время доклада профессора К. Н. Корнилова в актовом зале института, в ходе которого тот противопоставлял психологии новую марксистскую науку реактологию, Г. И. Григоров выступил против этой, по его мнению, «вульгарно-материалистической» концепции. Это не понравилось К. Н. Корнилову, который в его адрес якобы бросил реплику: «Странно, что икапист стоит на позици-

ях буржуазного идеализма» [1; с. 293–294]. «Я был возбужден, – признавал Г. И. Григоров, – и кажется, сказал что-то лишнее, а именно что идеалисты Аристотель и Гегель больше сделали для науки, чем вульгарные материалисты» [1, с. 294]. На этой дискуссии присутствовал «почти весь ИКП», в том числе и те, кого Г. И. Григоров обзывал «бухаринской школкой». Члены партийного бюро Института (впоследствии входящие в комиссию «по чистке») расценили его выступление как «дань ревизионизму в области философии и психологии», и об этом «антимарксистском выступлении» доложили администрации ИКП [1, с. 294]. В результате, Григория Исаевича вызвали «на ковер» к руководителю Института М. Н. Покровскому.

Основной темой своей работы на философском отделении ИКП Г. И. Григоров выбрал философские взгляды Б. Спинозы, которого он считал «одним из величайших мыслителей всех веков» [1, с. 296]. Этому должна была быть посвящена его диссертация, которую надо было закончить к окончанию Института. Для плодотворной работы над темой, автор хотел отправиться в научную командировку в Голландию. В Институте красной профессуры такая возможность была: слушателей, которые работали над темами по всемирной истории, отправляли в научные командировки за границу для работы в библиотеках и архивах. По утверждению Григория Исаевича, он тоже был включен в группу, которую собирались отправить за границу [1, с. 296]. Перед поездкой, эти слушатели должны были проконсультироваться у наркома иностранных дел Г. В. Чичерина и наркома внешней торговли Л. Б. Красина. Сначала они встретились с Л. Б. Красиным, который дал «красным профессорам» советы, как надо вести себя за рубежом. «Не забывайте, что вы в Европе будете представлять новую Россию, вами все будут интересоваться как первыми молодыми учеными Советской страны... Ни при каких условиях вы не должны терять чувства собственного достоинства», – вспоминал Г. И. Григоров слова наркома внешней торговли [1, с. 296]. Затем икаписты встретились с Г. В. Чичериным, который поздравил их, и вручил необходимые для поездки документы [1, с. 297].

Но за границу Г. И. Григорова так и не выпустили в связи с развернувшейся кампанией по его исключению из Института. «Партийное бюро ИКП начало преследовать меня за "ревизио-

низм" и "оппортунистические" высказывания на студенческих собраниях и на философском семинаре», – писал он [1, с. 297]. Вновь вспомнили про его выступление с критикой профессора-марксиста К. Н. Корнилова. По словам Григория Исаевича, наиболее активно его критиковал однокурсник Я. Э. Стэн, с которым они работали в одном семинаре по философии. Я. Э. Стэн, якобы «бросил реплику, что я собираюсь подменить Маркса Спинозой», – вспоминал Г. И. Григоров [1, с. 297]. Положительное отношение Григория Исаевича к философам-идеалистам привело к обвинению его в «преклонении перед идеалистической философией», что, считалось недопустимым для марксистов-материалистов. Все это было учтено во время «чистки» состава слушателей ИКП летом 1923 г. Как уже отмечалось, критики Г. И. Григорова, в том числе Я. Э. Стэн, входили в состав комиссии по «чистке». Основной причиной исключения Григория Исаевича из Института стало стремление выражать собственное мнение по каждому вопросу, даже если оно отличалось от мнения большинства и недопустимо восторженное отношение к философам-идеалистам.

Чтобы исправить «теоретические ошибки», решено было отправить Г. И. Григорова на практическую работу. Его вызвали в ЦК РКП(б), где у него состоялся разговор с заведующим организационным отделом Л. М. Кагановичем. «... я сразу же убедился, что ему известен каждый мой шаг: и то, что я увлекался богдановщиной и фрейдизмом, и мое выступление в медицинском институте против профессора Корнилова, и мои встречи во 2-м Доме Советов с Сапроновым и Лутовиновым. Каганович с возмущением говорил о том, что я распространял брошюру Коллонтай «Рабочая оппозиция» и даже считал ненормальным, что у меня сложились хорошие отношения с бывшими меньшевиками Л. И. Аксельрод и Рубиным», – вспоминал Г. И. Григоров [1; с. 300–301]. В свою очередь, Г. И. Григоров пояснил Л. М. Кагановичу, что брошюру А. М. Коллонтай он не распространял, а только читал, и кое-что одобрил, что научный работник должен знать разные направления философии и читать не только работы В. И. Ленина, но и А. А. Богданова и З. Фрейда, тем более, что они издаются государственным издательством [1, с. 301]. Сообщив Г. И. Григорову о том, что его на год от-

правляют в Иваново-Вознесенск, Л. М. Каганович передал привет его жене – Дине Белоцерковской, которую он хорошо знал по работе в Киевской подпольной организации, и даже предложил им отдохнуть в доме отдыха ЦК РКП(б) [1, с. 302].

Так закончилось обучение Г. И. Григорова в Институте красной профессуры. Для «повышения политической грамотности» он был отправлен в Иваново-Вознесенск. Там он преподавал в марксистском кружке при губкоме партии, читал лекции в Политехническом институте, и продолжал работать над монографией о Б. Спинозе [1; с. 313, 343]. В воспоминаниях Г. И. Григоров отмечал, что монографию о Спинозе он подготовил уже в 1924 г. По его словам, ее одобрили такие крупные ученые марксисты, как Д. Б. Рязанов и А. М. Деборин. Ее даже приняло к публикации Иваново-Вознесенское издательство. Но в связи с тем, что Григорий Исаевич поддержал «Уроки Октября» Л. Д. Троцкого, она не была опубликована [2, с. 157].

В Институт красной профессуры Г. И. Григоров не вернулся ни через год, ни через два. За свою оппозиционность в 1927 г. он был исключен из партии [2, с. 605]. В 1928 г. по обвинению в троцкистской деятельности, он был арестован и сослан в ссылку в Сибирь. Интересно, что несмотря на это, во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг., к нему относились как к «красному профессору», преподавателю философии. В 1924 г. он недолгое время преподавал в Томском университете, затем с 1925 по 1928 г., и после ссылки – с 1930 до конца 1934 г. – в вузах Ленинграда. В декабре 1934 г., после убийства С. М. Кирова, Г. И. Григоров снова был арестован и отправлен в исправительно-трудовые лагеря. В заключении он находился (с перерывами) до 1955 г. Он пережил всех своих однокурсников по Институту красной профессуры, многие из которых, в том числе представители так нелюбимой им «бухаринская школки» (и Я. Э. Стэн), были расстреляны в 1930-е гг. В 1965 г. Григория Исаевича реабилитировали, тогда же он начал работу над воспоминаниями [1; 2]. Как и все источники личного происхождения, они отличаются субъективностью и неточностью, но интересно, что это одни из немногих воспоминаний в нашей стране, написанные человеком, пережившим сталинские репрессии.

Обсуждение и выводы

Григорий Исаевич Григоров – человек очень сложной судьбы. Он всегда стремился учиться и заниматься наукой. Во все периоды жизни для него было важно иметь возможность высказывать и отстаивать свои взгляды, даже если они не совпадали с официальными и общепринятыми, с «генеральной линией партии». Он всегда выступал за свободу мнений, как в науке, так и в партийно-политической работе. Г. И. Григоров был против фальсификации истории, и никогда не мог принять сталинскую официальную точку зрения на Л. Д. Троцкого. Он не мог отрицать ту огромную роль, которую тот сыграл в событиях октября 1917 г. в Петрограде и в Гражданской войне. Сила духа и уверенность в своей правоте помогла ему выжить в сталинских лагерях, в которых он провел значительную часть своей жизни. Выйдя из тюрьмы в 55-летнем возрасте, ему пришлось начинать жизнь заново. После освобождения он работал в школе, получив диплом учителя географии в 57-летнем возрасте.

Одной из небольших страниц биографии Г. И. Григорова является его учеба в Институте красной профессуры. Несмотря на то, что проучился он там всего лишь год, пребывание в этом учебном заведении оказало сильное влияние на его жизнь. Там он познакомился с яркими людьми, большинство из которых были репрессированы и расстреляны в эпоху «большого террора», оставил о них интересные воспоминания. Его исключение из Института летом 1923 г. широко обсуждалось, и являлось примером того, что из ИКП исключали не только по причине неуспеваемости, но и за слишком свободные научные и политические мысли. Слишком положительная оценка философов-идеалистов и преклонение перед философскими взглядами Б. Спинозы сыграли с ним злую шутку. «Дело Григорова» в Институте красной профессуры является тем немногим материалом, который сохранился в архивах и дает представление о «чистках» в этом учебном заведении. Важно также отметить, что несмотря на то, что в ИКП Григорий Исаевич провел всего год, в последующем и современники, и историки к нему относились как к «красному профессору». Он преподавал философию и гуманитарные дисциплины и в Иваново-Вознесенске, в Томском университете, в высших учебных заведениях Ленинграда вплоть до убийства С. М. Кирова.

Список литературы

1. Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол: Воспоминания. 1905–1927. М.: ОГИ, 2005. 536 с.
2. Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол: Воспоминания. Кн. 2. 1928–1972 годы. СПб.: Изд-во «Карелика», 2010. 682 с.
3. Возвращенные имена: сборник публицистических статей в 2 кн. Кн. I / сост. А. Проскурин. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989. 336 с. с ил.
4. Возвращенные имена: сборник публицистических статей в 2 кн. Книга II / сост. А. Проскурин. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989. 320 с. с ил.
5. Никуленкова Е. В. Подготовка философов-марксистов в Институте красной профессуры в 1920-е гг. // Клио. – 2018. – № 6(138). – С. 94–100. EDN: XROMPZ.
6. Корсаков С. Н. Политические репрессии в институте философии (1930–1940-е гг.) // Философский журнал. – 2012. – № 1(8). – С. 120–170. EDN: PDFTNT.
7. Гузаров В. Н. Из истории Томского государственного университета: 1920–1925 гг // Gaudeamus Igitur. – 2018. – № 3. – С. 3–8. EDN: ZCXFWP.
8. Никуленкова Е. В. Повседневная жизнь 1920-х гг. в воспоминаниях и дневниках слушателей Института красной профессуры // Домашняя повседневность населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 07–09 апреля 2022 г. Т. 1. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; Медианапир, 2022. – С. 159–164. EDN: WJWCKV.
9. Никуленкова Е. В. М. Н. Покровский как педагог и наставник в воспоминаниях учеников // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2023 г. Т. 1. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. – С. 64–67. EDN: APJMYT.
10. Никуленкова Е. В. Александр Николаевич Слепков: подававший надежды, но несостоявшийся историк // История повседневности. – 2023. – № 2(26). – С. 168–191. – DOI 10.35231/25422375_2023_2_168. – EDN: WBRHTK.
11. Баринов Д. А. Зиновьев. Троцкий. Университет. Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918–1932 гг.). СПб.: Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 2023. 371 с. ISBN 978-5-02-040282-9. EDN: MPVWTQ
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5284. Оп. 1. Д. 62.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 503.
14. Астров В. Н. Круча. Роман. М.: Советский писатель, 1969. 496 с.
15. ГАРФ. Ф. Р5284. Оп. 1. Д. 2.
16. К истории Института красной профессуры. Документы. Подготовили С. М. Дубровский и Д. В. Романовский // Исторический архив. – 1958. – № 6. – С. 73–90.
17. ГАРФ. Ф. Р5284. Оп. 1. Д. 137.
18. ГАРФ. Ф. Р5284. Оп. 1. Д. 102.

G. I. Grigorov at the Institute of the Red Professorship

Elena V. Nikulenkova

The article deals with the biography of Grigory Isaevich Grigorov (1900–1994) during his studies at the Institute of the Red Professorship (1922–1923). G. I. Grigorov had a great desire to receive higher education and engage in scientific activity even in the early period of his revolutionary activity, which led him to the philosophical department of the IRP. He became a student at the newly created Institute, although he did not study there for long – from the autumn of 1922 until summer of 1923. For his political views, his positive attitude to idealist philosophers, his independent character and desire to express his opinion on every issue, G. I. Grigorov was expelled in 1923 without completing the course of study. Protesting against this decision, and wishing to engage in science, he did everything possible to stay at the Institute, not agreeing with the certification commission decision. "Grigorov's case" was widely discussed in the IRP and in of the Central Committee the CPSU (b). Nevertheless, he was expelled from the Institute of the Red Professorship and sent to work in the province to "improve political literacy".

Key words: G. I. Grigorov, Marxist philosophers, Institute of the Red Professorship, philosophical department, training of scientific personnel, "purges" in the Institute of the Red Professorship.

For citation: Nikulenkova, E. V. (2024) G. I. Grigorov v Institute Krasnoj professury [G. I. Grigorov at the Institute of the Red Professorship]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 242–261. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_242. EDN: ZICCKS

References

1. Grigorov, G. I. (2005) *Povoroty sud'by i proizvol: Vospominaniya. 1905–1927* [Turns of fate and arbitrariness: Memories. 1905–1927]. Moscow: OGI. (In Russ.)
2. Grigorov, G. I. (2010) *Povoroty sud'by i proizvol: Vospominaniya. Kniga 2. 1928–1972 gody* [Turns of fate and arbitrariness: Memories. Book 2. 1928–1972]. Saint-Petersburg: Karelika Publ. (In Russ.)
3. *Vozvrashchennye imena: Sbornik publicisticheskikh statej v 2-h knigah. Kniga I* / Sost. A. Proskurin (1989) [Returned Names: Collection of journalistic articles in 2 books. Book I]. Moscow: Novosti Press Agency Publ (In Russ.)
4. *Vozvrashchennye imena: Sbornik publicisticheskikh statej v 2-h knigah. Kniga II* / Sost. A. Proskurin (1989) [Returned Names: Collection of journalistic articles in 2 books. Book II]. Moscow: Novosti Press Agency Publ (In Russ.)
5. Nikulenkova, E. V. (2018) *Podgotovka filosofov-marksistov v Institute krasnoj professury v 1920-e gg.* [Training of Marxist philosophers in the Institute of Red Professors in the 1920s]. *KLIO* [KLIO]. No. 6 (138). Pp. 94–101. (In Russ.)
6. Korsakov, S. N. (2012) *Politicheskie repressii v institute filosofii (1930–1940-e gg.)* [Political Repression at the Institute of Philosophy (1930s–1940s)]. *Filosofskij zhurnal* [Philosophical journal]. No. 1 (8). Pp. 120–170. (In Russ.)
7. Guzarov, V. N. (2018) *Iz istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 1920–1925 gg.* [From the History of Tomsk State University: 1920–1925]. *Gaudeamus Igitur* [Gaudeamus Igitur]. No. 3. Pp. 3–8. (In Russ.)
8. Nikulenkova, E. V. (2022) *Povsednevnyaya zhizn' 1920-h gg. v vospominaniyah i dnevnikah slushatelej Instituta krasnoj professury* [Daily life of the 1920s in the memories and diaries of the students of the Institute of Red Professorship]. *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*: *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg*,

07–09 апреля 2022 года [Home everyday life of the Russian population: history and modernity: Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, April 07–09, 2022]. Volume 1. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University; Mediapayr Publ. Pp. 159–164. (In Russ.)

9. Nikulenkova, E. V. (2023) *M. N. Pokrovskij kak pedagog i nastavnik v vospominaniyah uchениkov* [M. N. Pokrovsky as a teacher and mentor in the memories of his students]. XXVII Tsarskosel'skiye chteniya. God pedagoga i nastavnika: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. V 2-kh tomakh, Sankt-Peterburg, 18–19 aprelya 2023 goda [XXVII Tsarskoselskiye Readings. Year of the teacher and mentor: Materials of the international scientific conference. In 2 volumes, St. Petersburg, April 18–19, 2023]. Volume 1. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University Publ. Pp. 64–67. (In Russ.)

10. Nikulenkova, E. V. (2023) *Aleksandr Nikolaevich Slepkov: podavavshij nadezhdy, no sostoyavshijsya istorik* [Alexander Nikolaevich Slepkov: a hopeful but failed historian]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 2 (26). Pp. 168–191. (In Russ.)

11. Barinov, D. A. (2023) *Zinov'ev. Trockij. Universitet. Levoe dvizhenie v vysshej shkole Petrograda/Leningrada (1918–1932 gg.)*. [Zinoviev. Trotsky. University. Leftist Movement in Higher Education in Petrograd/Leningrad (1918–1932)]. St. Petersburg: Federal State Unitary Enterprise "Academic Scientific-Publishing, Production-Polygraphic and Book Distribution Center "Nauka" Publ. (In Russ.)

12. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii (hereinafter – GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. R5284. Op. 1. D. 62.

13. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (hereinafter – RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Op. 60. D. 503.

14. Astrov, V. N. (1969) *Krucha* [Steep]. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)

15. GARF. F. R5284. Op. 1. D. 2.

16. *K istorii Instituta krasnoj professury* (1958) [To the history of the Institute of the Red Professorship. Documents. Prepared by S.M. Dubrovskii and D.V. Romanovskii]. *Istoricheskij arkhiv* [Historical Archive]. No. 6. Pp. 73–90. (In Russ.)

17. GARF. F. R5284. Op. 1. D. 137.

18. GARF. F. R5284. Op. 1. D. 102.

Об авторе

Никулєнкова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: elena_na2004@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4831-4370

About the author

Nikulenkova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: elena_na2004@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4831-4370

Статья поступила в редакцию 17.03.2024

Одобрена после рецензирования 02.04.2024

Принята к публикации 10.04.2024

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен одним файлом:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Original article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. NB! В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. Пример: *Everyday Life of Murmansk Women and the Beginning of the Women's Movement on the Kola Peninsula During the "Perestroika" Years*.
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120-150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.

- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи. В таком случае слово "результаты" опускается, а прописываются только авторские рубрики.
- **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).
- **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:
 - ФИО (полностью);
 - Ученая степень;
 - Ученое звание;
 - Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
 - Город;
 - Страна;
 - Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
 - E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах: TIFF (300 dpi), PNG, JPG/ JPEG.

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povsednevnosti/avtoram-6>

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (30)

2024

Редактор **А. А. Титова**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 28.06.2024. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,5.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 1960

На обложке размещен плакат

В. Б. Корецкого «Будь героем!», 1941 г.,
Государственный Русский музей, Россия

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru